

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

На правах рукописи

ОЛОНЦЕВ Александр Александрович

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ
ВАРИАТИВНОСТЬ РУССКИХ НАРЕЧИЙ: МИКРОДИАХРОНИЧЕСКОЕ
КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
(филологические науки)

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кустова Галина Ивановна

Москва – 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. Русские наречия в теоретическом освещении: диахрония, синхрония, микродиахрония	17
1.1. Наречие в современном русском языке и в истории русского языка.....	17
1.1.1. Изучение наречия в науке о языке: традиции и современность	18
1.1.2. История формирования русских наречий	28
1.2. Наречие в современных грамматических описаниях: семантические особенности, морфологические свойства и синтаксические функции.....	33
1.2.1. Категориальная грамматическая семантика наречий.....	35
1.2.2. Морфологические свойства наречий.....	40
1.2.3. Синтаксические функции наречий.....	41
1.2.4. Проблема классификации русских наречий.....	45
1.2.5. Переходные явления в области наречий в синхронии и диахронии...	52
1.3. Методы изучения наречий в современной русистике: синхрония, диахрония, микродиахрония	56
1.3.1. Структурно-семантические и функциональные методы изучения наречий в синхронии и диахронии: общая характеристика	56
1.3.2. Возможности корпусного изучения наречий. Микродиахронический корпусный анализ.....	60
Основные выводы по содержанию главы I	66
ГЛАВА II. Опыт микродиахронического корпусного анализа русских наречий: конец XVIII – XXI вв.	68
2.1. Концептуальный аппарат описания наречий, используемый в работе.....	68
2.2. Характеристики контролируемых ситуаций.....	80
2.2.1. Наречия <i>бережно и осторожно</i>	80
2.2.2. Наречие <i>аккуратно</i>	96
2.2.3. Наречие <i>заботливо</i>	114
2.2.4. Наречие <i>охотно</i>	125

2.3. Характеристики ситуаций с нарушением или отсутствием контроля.....	140
2.3.1. Наречие <i>нечаянно</i>	140
2.3.2. Наречие <i>второпях</i>	166
2.4. Русские наречия, отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент.....	181
2.4.1. Наречие <i>наверно(е)</i>	182
2.4.2. Наречие <i>естественно</i>	200
Основные выводы по содержанию главы II	212
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	216
Список сокращений и условных обозначений.....	224
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	225

ВВЕДЕНИЕ

Работа посвящена микродиахроническому корпусному исследованию семантических изменений и функциональной вариативности русских наречий в хронологический период с конца XVIII в. до XXI в.

Наречия как очень подвижная, динамичная зона функционирования и развития русского языка представляет собой исключительно интересный материал для исследования, потому что находится в поле пересечения свойств и функций разных частей речи, семантических особенностей разных морфолого-синтаксических групп слов, по-разному взаимодействующих в разные эпохи существования русского языка.

Наречия как постоянно расширяющийся в русском языке класс слов являются регулярно обновляющейся областью грамматической системы русского языка: «наречия обладают значительным и имеющим потенциал дальнейшего расширения и развития репертуаром скрытых категориальных грамматических признаков, образующих их собственную, но только скрытую грамматику...» [Пеньковский 2004: 286].

Научный инструментарий синхронического и диахронического изучения русских наречий на протяжении многих десятилетий постоянно совершенствуется, а в последние годы, с появлением и развитием корпусных технологий, сформировались новые стратегии научного поиска. Применение методов корпусного анализа позволяет объективировать и верифицировать на большом массиве языкового материала интуицию исследователя, выявить трудноуловимые и скрытые семантические и грамматические процессы в функционировании языковых единиц.

Благодаря увеличению объема и совершенствованию инструментария современных корпусов, в первую очередь НКРЯ, с самого начала ориентированного на научные исследования русского языка, ср. [Национальный корпус 2009], в последние десятилетия сформировалось целое направление –

микродиахронические исследования, – которые, в отличие от собственно диахронических исследований, изучающих значительные периоды истории русского языка, охватывают период с XVIII в. до XXI в.

Аналогичную идею необходимости изучения микродиахронических изменений в значении и поведении наречий – идею исследования «ближней диахронии» – еще в докорпусную эпоху высказывал А.Б. Пеньковский [Пеньковский 2004].

Предлагаемая в данном исследовании научная процедура микродиахронического корпусного анализа русских наречий, основанная на сложившемся подходе к корпусным исследованиям, позволяет выявить и интерпретировать динамику семантических и функциональных изменений русских наречий с конца XVIII в. вплоть до нашего времени.

Таким образом, **актуальность исследования** определяется научной значимостью изучения семантической эволюции и функциональной вариативности русских наречий посредством востребованного в современной науке о языке исследовательского аппарата микродиахронического анализа больших массивов корпусных данных в исторической перспективе.

Объектом исследования являются исторические изменения русской адвербиальной системы в период с конца XVIII до XXI вв.

Непосредственным **предметом исследования** является динамика семантического развития и функционального варьирования некоторых русских наречий в «ближней диахронии».

На предварительном, эмпирическом уровне анализа, с опорой на материалы А.Б. Пеньковского [Пеньковский 2004], был выбран первичный **список наречий**, которые в период конца XVIII в. – XIX вв. явным образом демонстрируют семантические и функциональные расхождения с интуитивно ощущаемой нормой их употребления в речевых практиках современных носителей русского языка. В этот список попали (1) наречия, характеризующие разные аспекты контролируемых (агентивных) ситуаций: *осторожно, бережно, аккуратно,*

заботливо, охотно; (2) наречия, характеризующие разные аспекты неконтролируемых или не полностью контролируемых ситуаций: *нечаянно, второпях*, и (3) наречия, отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент: *наверно(е), естественно*. Указанный набор наречий представляет собой лишь первоначальный список, необходимый как отправная точка для дальнейших исследований, в процессе которых этот список, несомненно, будет расширен.

Цель исследования – выявить микродиахронические изменения в семантике наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второпях, наверно(е), естественно* на интервале с конца XVIII в. до XXI в. и установить их функциональную вариативность как возможность употребляться в функции глагольного определителя, детерминанта, предикатива, вводно-модального слова, частицы.

В рамках реализации этой цели были поставлены следующие **задачи**:

– дать теоретическое освещение узловых проблем изучения наречия в истории науки о языке и в ее современном состоянии, истории формирования русских наречий, их семантических особенностей, морфологических свойств и синтаксических функций на современном этапе развития языка, их классификаций; охарактеризовать переходные явления в области наречий;

– рассмотреть традиционные и современные методы синхронического и микродиахронического изучения наречий, возможности корпусного анализа наречий, обосновать концепцию исследования;

– сформировать на основе Национального корпуса русского языка подкорпус употреблений наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второпях, наверно(е), естественно* в период с конца XVIII в. до XXI в.;

– выявить и интерпретировать динамику семантического распределения значений синонимических наречий, изменений диапазона значений многозначных

наречий, расщепления значения наречий, а также функциональной вариативности наречий, сопровождающей их семантические изменения;

– посредством корпусных инструментов осуществить количественный анализ языковых данных подкорпуса в целях объективации и верификации полученных результатов, а также оценить скорость микродиахронических сдвигов в семантике и функционале исследуемых наречий.

Материалом исследования являются языковые данные двух типов:

(1) данные лексикографических источников – толковых словарей современного русского языка [БАС 1950–1965; БАС-Н 2004–2021...; МАС 1985–1988; Даль 1999; БТСРЯ 2000; СЕ 2000; Ефремова 2006; СО 2025; Ожегов, Шведова 2000; БУСРЯ 2017] и исторических словарей русского языка [СРЯ XI–XVII 1975–2023...; СРЯ XVIII 1984–2025...];

(2) данные созданного нами на основе Национального корпуса русского языка подкорпуса употреблений наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второпях, наверно(е), естественно* в хронологический период с конца XVIII до XXI вв. – с разбиением на периоды конца XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв.

Объем материала составляет около 5 500 контекстов употребления наречий по двум хронологическим периодам.

Степень изученности проблемы. Изучение наречий в русистике имеет длительную историю. Категориальные и семантические свойства наречий обсуждались в работах классиков отечественного языкознания – А.А. Потебни [Потебня 1958], А.А. Шахматова [Шахматов 2006], А.М. Пешковского [Пешковский 2001], Л.В. Щербы [Щерба 1957; 1974 / 2008], В.В. Виноградова [Виноградов 1986], М.В. Панова [Панов 1999], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1999] и др. Большой вклад в изучение русских наречий внесли работы Т.Н. Маляр и О.Н. Селиверстовой [Маляр, Селиверстова 1998], [Селиверстова 2004], А.Б. Пеньковского [Пеньковский 2004], Ф.И. Панкова [Панков 2009]. В зарубежной русистике нашего времени также активно исследовались разные

аспекты русских наречий различных семантических и грамматических разрядов [Koktova 1986; Maier 1995; 1998; Haspelmath 1997; Sitarski 2001; Andersen, Lorentzen 2015].

В последние десятилетия появились работы, в которых реализованы новые подходы к изучению семантических и грамматических свойств наречной лексики. В работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995; 2006], В.Ю. Апресян [Апресян В. 1997], О.Ю. Богуславской, И.М. Богуславского [Boguslavskaya, Boguslavsky 2015], И.Б. Левонтиной [Левонтина 1996], Е.В. Урысон [Урысон 2007] и других представителей Московской семантической школы (большинство из них являются также авторами «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» и «Активного словаря русского языка»), описаны семантическая структура и синтаксические свойства наречий разных классов; в работах Е.В. Урысон исследованы также системные связи наречий и предлогов [Урысон 2017]. В работах М.В. Филипченко [Филипченко 2003] и Е.Л. Рудницкой [Рудницкая 1993] описаны механизмы встраивания в семантическую и синтаксическую структуру предложения наречий с фиксированной и плавающей сферой действия.

В работах последних лет изучение русских наречий получает новые импульсы. В частности, исследуются такие вопросы, как проблема квалификации наречий в русском языке [Голицына, Меркулова 2020], проблема определения диапазона наречия в русском языке [Панова, Кузьмина 2022], в том числе в сопоставительном аспекте [Lian Jin, Lazareva 2022]. Описаны особенности употребления наречий в разных дискурсивных практиках носителей русского языка, например, в научной речи [Дегальцева 2019].

Современные исследователи семантики и функций русских наречий, развивая научные традиции классического отечественного языкознания, значительно расширяют исследовательское поле, прежде всего за счет новых подходов и методов – в частности, обусловленных развитием корпусных технологий. В этом отношении перспективным видится применение корпусных методов в научной процедуре микродиахронического анализа. Корпусные данные

позволяют не только зафиксировать изменение значений, но и оценить скорость этих процессов в языке на разных временных срезах. Это подтверждает и опыт микродиахронического корпусного исследования языка русской классики, предпринятый научным коллективом под руководством Е.В. Рахилиной [Рахилина и др. 2024; Рахилина, Бычкова 2024; Рыжаченков, Рахилина 2024].

Применительно к наречиям эта проблематика четко очерчена в работах А.Б. Пеньковского, который предложил концепцию изучения так называемой «ближней диахронии» [Пеньковский 2004]. Современные методы корпусных исследований позволяют объективировать и верифицировать положения А.Б. Пеньковского посредством микродиахронического анализа массива корпусных данных.

Научная новизна исследования состоит в разработке научного аппарата для микродиахронического корпусного исследования семантических сдвигов и функционального варьирования русских наречий; во введении в научный оборот нового материала – микродиахронического описания наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второпях, наверно(е), естественно*, которые в этом аспекте корпусными методами еще не изучались; в описании семантической структуры и функций этих наречий для более чем двухсотлетнего периода их бытования в русском языке.

Теоретическая значимость исследования заключается в совершенствовании научного инструментария микродиахронического корпусного анализа, процедура которого разрабатывается исследователями Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН, и в его апробации на новом языковом материале.

Практическая значимость исследования обусловлена тем, что его результаты могут быть использованы в вузовском преподавании общих курсов современного русского языка и истории русского языка, специальных курсов по корпусной лингвистике, семантике; в лексикографической практике – для уточнения толкований наречий в словарях современного русского языка и при

создании словаря русского языка XIX в.; в создании инструментов для лингвистического комментирования текстов, а также могут найти практическое применение в качестве материала для корпусной грамматики.

Методологическую основу исследования составляют идеи структурно-семантического и функционального описания русских частей речи в трудах А.А. Потебни [Потебня 1958], А.А. Шахматова [Шахматов 2006], А.М. Пешковского [Пешковский 2001], Л.В. Щербы [Щерба 1957; 1974 / 2008], В.В. Виноградова [Виноградов 1986], Е.М. Галкиной-Федорук [Галкина-Федорук 1965], М.В. Панова [Панов 1999], В.А. Плунгяна [Плунян 2000] и др.; основы интегрального описания языка в работах представителей Московской семантической школы – Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995; 2006; 2010; 2014], В.Ю. Апресян [Апресян В. 1997], О.Ю. Богуславской, И.М. Богуславского [Богуславский 1985; 1996], [Boguslavskaya, Boguslavsky 2015], И.Б. Левонтиной [Левонтина 1996], Е.В. Урысон [Урысон 2007] и др.; концепции переходности и синкретизма В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000]; идеи авторов проекта «Лексикограф» Е.В. Падучевой, Г.И. Кустовой [Кустова, Падучева 1994]; [Падучева 2000; 2004; Кустова 2004]; принципы современных корпусных исследований [Национальный корпус 2009; Рахилина и др. 2024] и микродиахронического анализа наречий [Пеньковский 2004].

Методы исследования основаны на методике микродиахронического корпусного анализа, которая разрабатывается сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. Также использованы дескриптивный метод, структурно-семантический метод, метод анализа лексикографических толкований, метод контекстуального анализа, элементы сравнительно-исторического и сопоставительного методов, методов функционального анализа и дискурс-анализа.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Микродиахронический анализ наречий позволяет усовершенствовать инструменты их семантического и грамматического описания в синхронии и

диахронии, поскольку выявляет релевантные параметры, которые определяют семантический и функциональный потенциал слова.

2. Предлагаемый в работе научный инструментарий микродиахронического корпусного анализа русских наречий является надежным средством для выделения и верификации их значений, для определения степени употребительности слова в разных значениях, для объективации семантических сдвигов и функциональной вариативности русских наречий в исторической перспективе, что позволит уточнить их лексикографическое описание, представленное в словарях.

3. Семантические сдвиги и функциональная вариативность наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второях, наверно(е), естественно* в хронологический период с конца XVIII до XXI вв. подтверждают, что динамика смысловых и функциональных изменений русских наречий в целом отражает тенденцию к семантической дифференциации и внутреннему упорядочиванию адвербиальной системы, имеющую место примерно с 70-х гг. XIX в.

4. Динамика семантического распределения значений синонимических наречий *бережно* и *осторожно* в «ближней диахронии» заключается в том, что если для периода конца XVIII – XIX вв. характерно **семантически нераспределенное употребление** наречий (*бережно* употребляется в значении 'осторожно', а *осторожно* – в значении 'бережно'), то для последующего периода XX – XXI вв. в большинстве употреблений представлено **семантически дифференцированное употребление** этих слов (*бережно* ≠ *осторожно* и *осторожно* ≠ *бережно*).

5. Наречия *аккуратно, заботливо, нечаянно* и *естественно* на протяжении исследуемого периода демонстрируют **изменение своего семантического диапазона**. В период конца XVIII – XIX вв. для наречия *аккуратно* были характерны значения 'бережливо, скромно, воздержно'; 'вовремя, в срок'; 'точно', оценочные значения 'хорошо', 'правильно' и 'прилично', а также

функция определительно-уточняющей частицы, что не соответствует нормам современного употребления наречия. Наречие *заботливо* в указанный период употребляется в значениях 'озабоченно, с беспокойством', 'с осторожностью', что также не свойственно современным моделям его употребления. Наречие *нечаянно* в период конца XVIII – XIX вв. имеет значение 'неожиданно, внезапно', которое в последующий период постепенно утрачивалось и в подкорпусе текстов XXI в. представлено лишь единичными примерами. Слово *естественно* проявляет большой семантический диапазон в период конца XVIII – XIX вв. в сравнении с современным состоянием за счет реализации в несвойственных современной норме значениях 'по природе', 'натурально', 'естественным образом', 'достоверно, правдоподобно'.

6. Для наречий *второпях* и *наверно(е)* характерны явления **расщепления значений** (семантической дифференциации). Наречие *второпях* расщепляет свою семантику на два распределенных по разным контекстам значения: 'торопясь, в спешке, из-за спешки' и 'наспех, наскоро, поспешно', что отчетливо видно и в языке конца XVIII – XIX вв., и в текстах XX – XXI вв. (при том что в словарях выделяется одно значение). Для наречия *наверно(е)* также обнаруживается эффект расщепления семантики на два значения, реализующихся в разных типах контекстов: 'точно, определенно' при ментальных фактивных предикатах и 'несомненно, обязательно, наверняка' при событийных предикатах.

7. Ряд наречий обнаруживает **функциональную вариативность**. Слово *естественно* употребляется в функции наречия, вводного слова и предикатива на протяжении всего периода конца XVIII – XXI вв., а также в функции модальной частицы в период конца XVIII – XIX вв. и в функции коммуникатива в период XX – XXI. Динамика функциональных изменений слова *наверно(е)*, которое на протяжении периода конца XVIII – XXI вв. употреблялось в функции вводного слова (в значении 'вероятно, по-видимому') и в функции наречия (в значении 'несомненно, безусловно'), идет в направлении усиления вводно-модальных употреблений и сокращения наречных употреблений.

В период конца XVIII – XIX вв., помимо функции наречия, *охотно* употреблялось в роли предикатива; *второюх* – в роли предиката двусоставного предложения; *аккуратно* – в роли частицы.

8. Исследование объема и характера изменений в семантике и функционале наречий в период с конца XVIII до XXI вв. демонстрирует необходимость создания отдельного словаря русского языка XIX в., а также позволяет поставить вопрос о целесообразности создания в существующих электронных словарях современного русского языка зоны микродиахронического комментария, который бы включал информацию об особенностях употребления слова в языке XVIII–XIX вв. и отражал изменения в семантике, сочетаемости и других значимых характеристиках слова в современной речевой практике по сравнению с текстами XVIII–XIX вв.

Достоверность полученных результатов обеспечивается широкой теоретической базой, большим объемом исследуемого материала, извлеченного из лексикографических источников и Национального корпуса русского языка, релевантностью применяемых методов.

Апробация результатов данного исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в статьях, докладах и материалах конференций. Диссертация прошла апробацию на международных научных конференциях в 2023 – 2025 гг. (VII Готовские чтения, Москва, ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН; VIII Конгресс РОПРЯЛ, Красноярск, КГУ; XII Международный конгресс по когнитивной лингвистике, Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова; Иваново, ИГУ; Нижний Новгород, ННГУ им. Н.И. Лобачевского; Орел, ОГУ им. И.С. Тургенева; Ярославль, ЯГПУ). Диссертация прошла обсуждение в отделе корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Результаты работы отражены в **3 публикациях** общим объемом 2,5 п.л. (личный вклад автора – 2,5 п.л.) в изданиях, входящих в Перечень рецензируемых

научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Олонцев А. А. Наречия «бережно» и «осторожно»: проблема выявления изменений концептуальных схем в микродиахроническом корпусном исследовании / А. А. Олонцев // Когнитивные исследования языка. – 2024. – Вып. 2 (58), Ч. 1. – С. 323–327. (*Scopus, ВАК*). Объем 0,4 п.л.

2. Олонцев А. А. Семантические изменения наречий в русском языке: лексема «аккуратно» (на основе корпусных данных) / А. А. Олонцев // Русский язык в школе. – 2025. – Т. 86, № 2. – С. 86–95. (*Scopus, ВАК*). Объем 1,1 п.л.

3. Олонцев А. А. Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 235–242. (*Scopus, ВАК*). Объем 1 п.л.

– и в 5 публикациях, включенных в сборники международных научных конференций (общий объем – 2,2 п.л., личный вклад автора – 2,075 п.л.):

1. Олонцев А. А. Русские наречия в свете микродиахронического корпусного анализа (на примере наречия нечаянно) / А. А. Олонцев // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации : сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 04–05 апреля 2024 года. – Нижний Новгород : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2024. – С. 180–187. Объем 0,5 п.л.

2. Олонцев А. А. Семантическая эволюция и функциональное варьирование русских наречий через призму микродиахронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей Международной научной конференции, Ярославль, 24–25 мая 2024 года / Под науч. ред. Е. Н. Лагузовой, Т. П. Курановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – С. 205–212. Объем 0,4 п.л.

3. Олонцев А. А. Функциональное варьирование лексики «наверное» в свете микродиахронического корпусного исследования / А. А. Олонцев // Современная филологическая наука: достижения и инновации : Сборник материалов Международного симпозиума, Иваново, 23–25 мая 2024 года. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. – С. 372–376. Объем 0,3 п.л.

4. Олонцев А. А. Микродиахроническое корпусное исследование динамики семантических изменений русского наречия «заботливо» (конец XVIII–начало XXI вв.) / А. А. Олонцев // Язык, Культура, Коммуникация: изучение и обучение : сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Орел, 10–11 октября 2024 года. – Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева ; ООО «Модуль-К», 2024. – С.187–192. Объем 0,5 п.л.

5. Кустова Г. И., Олонцев А. А. Микродиахронический корпусный анализ семантических изменений русских наречий (на примере слова второпях) / Г. И. Кустова, А. А. Олонцев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : Материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ (г. Красноярск, 10–14 сентября 2024 года). Выпуск 8. – СПб. : РОПРЯЛ, 2024. – С. 78–83. Объем 0,5 п.л. (вклад А. А. Олонцева – 0,375 п.л.).

Общий объем опубликованных работ составляет 4,7 п.л. (вклад А. А. Олонцева – 4,575 п.л.).

Структура работы. Диссертация содержит введение, две главы, заключение, список сокращений и условных обозначений, список литературы.

В первой главе «Русские наречия в теоретическом освещении: диахрония, синхрония, микродиахрония» освещаются основные теоретические проблемы исследования наречной системы русского языка, характеризуются методы изучения наречий и обосновывается концепция работы.

Во второй главе «Опыт микродиахронического корпусного анализа русских наречий: конец XVIII – начало XXI вв.» отражены результаты

исследования семантических изменений и функциональной вариативности наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второпях, наверно(е), естественно*.

В **заключении** представлены основные результаты и формулируются перспективы исследования.

Список сокращений и условных обозначений включен в диссертацию для краткой номинации словарей и источников материала.

Список литературы представлен тремя разделами (источники; научная и учебно-методическая литература; словари, справочники и энциклопедии) и содержит 187 наименований.

Общий объем диссертации составляет 245 страниц.

ГЛАВА I. Русские наречия в теоретическом освещении: диахрония, синхрония, микродиахрония

В главе I обсуждаются представленные в отечественном языкознании традиционные подходы к теоретическому осмыслению наречия в современном русском языке и в истории русского языка (раздел 1.1), рассматриваются переходные явления в области наречий в синхронии и диахронии (раздел 1.2), освещаются методы исследования наречий в современной русистике, на базе чего обосновывается концепция исследования (раздел 1.3).

1.1. Наречие в современном русском языке и в истории русского языка

Проблема описания русских наречий в лингвистической традиции всегда занимала особое место в силу определенных трудностей в трактовке образования этой части речи, ее категориальных свойств и семантических особенностей. При этом, по утверждению А.Б. Пеньковского, долгое время господствовал традиционный взгляд на наречия как на «формальную, малосодержательную категорию», который отказывал наречиям «и в собственной семантике, и в собственной грамматике» [Пеньковский 2004: 284]. Однако реальное функционирование наречий в массиве текстов, принадлежащих к разным хронологическим периодам, обнаруживает значительное семантическое разнообразие и существенный функциональный потенциал наречий, которые не сводятся к их традиционным интерпретациям в словарях и грамматиках: «наречия обладают значительным и имеющим потенциальное дальнейшее расширение и развития репертуаром скрытых категориальных грамматических признаков, образующих их собственную, но только скрытую грамматику...» [там же: 286]. Ср. также схожее по мысли рассуждение М.В. Филипенко: «Наречия – интереснейший предмет для лингвистического исследования, так как правила, регулирующие функционирование наречий, затрагивают практически весь строй

языка, они требуют обращения к таким общим вопросам, как моделирование семантического представления высказывания, природа актантных и сирконстантных связей, распределение аспектуальной информации среди элементов текста и др.» [Филипенко 2003: 6]. Данные соображения позволяют поставить вопрос как о семантическом и грамматическом своеобразии наречия как части речи в русском языке, так и о новых путях его изучения.

1.1.1. Изучение наречия в науке о языке: традиции и современность

Исследование наречий в мировом языкознании начинается еще в античные времена. Так, в докторской диссертации Ф.И. Панкова указывается, что наречия как особый класс были выделены позднее остальных, базовых частей речи примерно во II–I вв. до н.э.), в рамках учения представителей александрийской грамматической школы Аристарха Самофракийского и его ученика Дионисия Фракийского, который назвал новую часть речи *epirrhema*¹. Древнеримские грамматисты передают этот термин на латинском языке как *adverbium* (словообразовательная калька с древнегреческого *epirrhema*) и указывают, что у наречия нет признаков ни имени, ни глагола, оно является неизменяемым. Этот термин вошел во все грамматики европейских языков. В свою очередь, русское слово *наречие* тоже является словообразовательной калькой с латинского или греческого языка, с этимоном 'быть при глаголе' [Панков 2009: 92].

Изучение наречий в русистике также имеет длительную историю. Категориальные и семантические свойства наречий обсуждались в работах классиков отечественного языкознания – А.А. Потебни [Потебня 1958], А.А. Шахматова [Шахматов 2006], А.М. Пешковского [Пешковский 2001], Л.В. Щербы [Щерба 1957; 1974 / 2008], В.В. Виноградова [Виноградов 1986], М.В. Панова [Панов 1999] и др. «В истории языкознания, – пишет Д.Р. Копосов, –

¹ Буквально – «приглаголие» (*epi* 'на, при'; *rhema* 'глагол').

взгляд на наречия неоднократно менялся, что вызвано разнородностью его грамматических примет в русском языке» [Копосов 2008: 208].

В грамматических учениях отечественного языкознания издавна существовали тенденции не выделять наречие в особую часть речи. Например, М.В. Ломоносов включал наречие, вместе с частицами, местоимениями и междометиями, в общую грамматическую категорию, противостоящую, так сказать, «полноценным», знаменательным частям речи. К.С. Аксаков вообще исключал наречие из системы частей речи: «Наречие не есть часть речи. Часть речи то, что получило в слове особую форму, особый отдел; наречие своей особой формы (в слове) не имеет. Оно выражает отношение, то есть уже синтаксическое явление. Наречием могут быть разные части речи, в разных отношениях употребляемые» [Аксаков 1880: 402]. Концепции синтаксической, неморфологической квалификации наречия придерживался и Ф.И. Буслаев, также отказывая наречию в принадлежности к системе частей речи [Буслаев 1959: 540]. Л.В. Щерба, отказывая наречию в собственной семантике и собственной грамматике, характеризовал наречие как «исключительно формальную категорию, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных» [Щерба 1957].

Тенденцию описывать наречия через набор отрицательных признаков отражает «Грамматический словарь» Н.Н. Дурново, где к наречиям относятся полнознаменательные слова, которые не являются ни существительными, ни подлежащими, ни глаголами [Дурново 1924 / 2001].

Аналогичный подход встречается и в современных грамматических описаниях. И.Г. Милославский указывает, что наречия не обозначают ни предмет, ни признак предмета, не могут определяться прилагательными [Милославский 2011], из чего можно заключить, что у наречия нет собственных морфологических признаков. Л.А. Савелова также отмечает, что наречие «не соотносится ни с именем, ни с глаголом, в отличие от некоторых других лексико-грамматических

классов слов, выделяемых в самостоятельные части речи (местоимение, категория состояния, предикатив» [Савелова 2009: 32].

Одним из первых в истории отечественной науки о языке признал самостоятельность наречия как особой части речи А.А. Барсов, который в своей «Российской грамматике» отмечает: «Наречие есть неизменяемая часть речи, которая по большей части полагается при глаголе и показывает, каким образом что существует, действует или страждет» [Барсов 1981: 148]. Наиболее подробно эта точка зрения представлена у А.А. Потебни. В соответствии с его общими взглядами на происхождение частей речи как рефлекс морфологизации членов предложения посредством закрепления за ними устойчивых средств выражения, ученый квалифицировал и наречие как грамматикализованное обстоятельство, категориальным значением которого является несогласуемый признак, «связуемый с другим признаком, данным или возникающим, и лишь через его посредство относимый к предмету» [Потебня 1958: 119].

Представителями «синтаксической линии» в описании наречий можно считать А.А. Шахматова и А.М. Пешковского.

А.М. Пешковский считал наречие категорией прежде всего синтаксической. Развивая формальный подход к квалификации грамматических категорий, исследователь указывал на то, что семантика «признак признака» выражается у наречия в синтаксическом употреблении, хотя и признавал, что имеются и морфологические средства (формы на *-о / -е*, на *-ски*, на *-ьи* и т.д.). Также в числе важнейших признаков этой части речи А.М. Пешковский отмечает наличие значительного количества неизменяемых слов [Пешковский 2001: 98].

А.А. Шахматов понимал частеречную категорию наречия достаточно широко, включая в ее состав вводные слова и междометия, но при этом строго определил присущее наречию категориальное значение: «Наречие может быть определено, во-первых, как отвлеченное название признака или отношения, во-вторых, как название признака или отношения в их сочетании с другими признаками. Отсюда тесная связь наречия с другими частями речи, переход их в

наречие, их адвербиализация» [Шахматов 2006: 94]. В концепции наречия А.А. Шахматова важно указание на функциональный изоморфизм с именем прилагательным (свойство «быть признаком») и на способность при определенных условиях переходить в служебные части речи (в предлог или союз).

Морфологическая точка зрения на наречие, в противоположность синтаксической, развивалась в трудах представителей Московской лингвистической школы. Исходя из формального подхода к выделению частей речи и других грамматических категорий, Ф.Ф. Фортунатов определил наречия как класс слов, лишенных словоизменения, но имеющих словообразование. Поскольку способность слов иметь в своем составе показатель формальной принадлежности при основе считается основополагающим, наречия были разделены на два разряда: наречия грамматические (*весело* → формальный показатель *-о*) и неграмматические (синхронически непроеизводные – типа *вчера, здесь*). В один разряд с наречиями по формальным критериям попадают инфинитивы и деепричастия [Фортунатов 1956]. Продолжение этой линии можно увидеть и в современных концепциях, ориентирующихся на формально-грамматические признаки. Так, М.В. Панов предлагал включать такие производные от прилагательных наречия на *-о*, как *быстро, светло, смутно* и под., в парадигму прилагательного (он называет их «позиционные наречия»), в отличие от «обычных» наречий типа *пешком, наспех, снизу* и пр. [Панов 1999: 126].

Наиболее обоснованная точка зрения, учитывающая весь комплекс признаков: семантических, морфологических и синтаксических, – связана в отечественной науке о языке с именем академика В.В. Виноградова: «Наречие – это грамматическая категория, под которую подводятся несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые слова, примыкающие к глаголу, к категории состояния, к именам существительным, прилагательным и производным от них (например, к тем же наречиям) и выступающие в синтаксической функции качественного определения или обстоятельственного отношения. Наречия

морфологически соотносительны с именами существительными, прилагательными, глаголами, с местоимениями и именами числительными» [Виноградов 1986: 340]. Именно такой, комплексный, подход к квалификации наречия как части речи был воспринят и академическими грамматиками, и многочисленными вузовскими и школьными учебными пособиями, он также получил распространение и дальнейшее развитие в работах современных грамматистов.

На современном этапе по-прежнему существуют разные подходы к выделению частей речи [Алпатов 1986]. В частности, остается много нерешенных проблем как в области состава категории наречия, так и в плане классификации наречий. Трудности связаны, прежде всего, с ощущением определенной «периферийности» наречия как части речи в системе частей речи, о чем в свое время говорил еще Л.В. Щерба: «...Может оказаться, что какие-то слова не подпадут ни под какую категорию» [Щерба 1957: 65]. Именно в этой плоскости ставится вопрос в работе Г.И. Пановой и Г.И. Кузьминой: «Семантический и функциональный диапазоны наречий в современном русском языке не имеют чётких границ. Это связано с тем, что в процессе развития языка многие слова других частей речи, прежде всего предложно-падежные словоформы существительных, подвергаются адвербиализации, то есть приобретают свойства, характерные для наречий, в связи с чем возникает вопрос: это уже наречие или ещё нет?» [Панова, Кузьмина 2022: 580].

Практически все исследователи сходятся в том, что главным морфологическим признаком наречия является его неизменяемость (конечно, с известными оговорками по поводу возможности форм сравнительной и превосходной степени у некоторых наречий). См., например, трактовку наречия, предложенную в «Русской грамматике» (1980): «Н а р е ч и е – это часть речи, обозначающая непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства: *идти д о м о й – дорога д о м о й; п р е к р а с н о читает – п р е к р а с н о образован; о ч е н ь*

интересуется – очень интересный – очень интересно рассказывает; по-московски гостеприимен – по-московски гостеприимно встретил – гостеприимство по-московски. Главным формальным признаком наречия как части речи является отсутствие словоизменения. Исключение составляют наречия, образующие формы сравнительной степени» [Русская грамматика–I 1980: 701].

В то же время с квалификацией синтаксических функций наречия связаны некоторые разночтения. Разные авторы по-разному формулируют функцию наречия в предложении, ср., например: «Наречия, таким образом, предназначены для опосредованной экспликации признака предмета» [Савелова 2009: 87] и «Функция адвербиального выражения [которым является и наречие – А.О.] – давать некоторую характеристику описываемой в предложении ситуации» [Филипенко 2003: 9]. Определение синтаксической функции может зависеть от того, насколько широко понимается класс наречий, включаются ли в их состав вводно-модальные слова и / или слова категории состояния. В «Русской грамматике», например, представлен широкий подход к определению объема понятия наречий как части речи (включающий предикативные наречия и предикативы), в силу чего синтаксические функции наречия интерпретируются следующим образом: «По своему общему значению непроцессуального признака наречия близки прилагательным. Этим значением определяются синтаксические функции наречий: во-первых, они определяют глагол, имя или другое наречие, соединяясь с ним связью примыкания; во-вторых, наречия свободно употребляются в функции сказуемого; в-третьих, наречия определяют предложение в целом» [там же: 701]. К широкому пониманию наречий, включающему не только предикативы, но и некоторые вводно-модальные слова, склоняются и такие ученые, как М.В. Всеволодова [2000: 66-69]; Ф.И. Панков [2008]; М.В. Филипенко [2003] и др.

Если мы определяем предикативные наречия как слова категории состояния и относим их к особой части речи, вслед за В.В. Виноградовым [Виноградов

1986], ср. также [Копосов 2008; Голицына, Меркулова 2020; Панова, Кузьмина 2022] и др., то нуждается в корректировке и такая функция наречий, как возможность употребляться в роли сказуемого однокомпонентного предложения².

Чтобы преодолеть указанное противоречие, Г.И. Панова и Г.И. Кузьмина вводят понятие «переносного частеречного употребления» и «синкретизма синтаксических функций» для наречий: «Могут употребляться в переносной частеречной функции в позиции прилагательного, обозначая признак предмета и выполняя функцию несогласованного определения, сохраняя собственную частеречную семантику: *поворот налево, тропинка направо*. Обстоятельственные наречия места могут быть синкретичным членом предложения, выполняя одновременно функцию обстоятельства и сказуемого в двусоставном предложении с подлежащим-существительным: *Лес далеко; Вода поблизости*» [Панова, Кузьмина 2002: 582].

В целом следует отметить, что неразрешенные теоретические проблемы в области наречий обусловлены неопределенностью понятийного объема и концептуальной неоднозначностью самого объекта исследования: «Множественность интерпретации сущностных признаков наречия как части речи обусловлена его грамматической природой, определяющей его связи с различными категориями слов, благодаря которым наречие входит в различные грамматические плоскости, и поэтому в качестве объекта научного описания может рассматриваться в одной из этих плоскостей или в их совокупности, на их пересечении» [Савелова 2009: 23].

Эта множественность интерпретаций отражается в работах и других отечественных исследователей 2-й половины XX – XXI вв. [Маляр, Селиверстова 1998; Панов 1999; Филипенко 2003; Пеньковский 2004; Панков 2009 и др.]. Так,

²Вообще говоря, функция сказуемого наречию не противопоказана. На базе непредикативного употребления в роли определения к существительному (типа *яйцо всмятку*) возможно и употребление в роли именной части в составном именном сказуемом – типа *Яйцо было всмятку* [Золотова 1982; Шелякин 2001]. Однако отметим, что данная интерпретация справедлива лишь в случае, если мы не рассматриваем слово *всмятку* в примерах типа *(яйцо) всмятку* (в рамках концепции грамматической переходности) как принадлежащее к классу несклоняемых, или «позиционных», прилагательных [Панов 1999].

М.В. Филипенко предлагает включить в научные стратегии изучения наречия оценку роли контекста предложения и выражаемой им семантической структуры ситуации, которая представляет собой результат корреляции семантики глагола и «аспектуально значимого контекста» – глагольных префиксов, предложно-падежных форм, слов и выражений в функции сирконстантов и др. [Филипенко 2003]. В свою очередь, Ф.И. Панков указывает: «Оказалось, что для системного описания наречий необходимо учитывать такие признаки данного класса, которые раньше во внимание не принимались. Это, в частности, роль словоформ в актуальном членении высказывания и их интонационные характеристики» [Панков 2009: 13].

В современной зарубежной русистике также активно исследовались проблемные зоны русских наречий различных семантических и грамматических разрядов. Так, функциональное описание русских наречий дано в работе [Koktova 1986], а общим проблемам классификации адвербиалов и их функциям в предложении посвящены работы [Sitariski 2001; Andersen, Lorentzen 2015]. Типологический анализ наречий времени в языках мира, в том числе и в русском, осуществлен в работе [Haspelmath 1997]. Пространственные и ориентационные наречия, а также наречия *случайно* и *неожиданно* в русском языке характеризуются в работах [Maier 1995; 1998].

В последнее время появились исследования, в которых реализованы новые подходы к изучению семантических и грамматических свойств наречной лексики. В работах Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995], В.Ю. Апресян [Апресян В. 1997], О.Ю. Богуславской, И.М. Богуславского [Boguslavskaya, Boguslavsky 2015], И.Б. Левонтиной [Левонтина 1996], Е.В. Урысон [Урысон 2007] и других представителей Московской семантической школы, представленных, в частности, в [НОССРЯ 2004], описаны семантическая структура и синтаксические свойства наречий разных классов; в работах Е.В. Урысон исследованы также системные связи наречий и предлогов [Урысон 2017]. В работах М.В. Филипенко [Филипенко 2003] и Е.Л. Рудницкой [Рудницкая 1993] описаны механизмы

встраивания в семантическую и синтаксическую структуру предложения наречий с фиксированной и плавающей сферой действия. В работах Г.И. Кустовой рассмотрены относительные наречия в их соотношении с относительными прилагательными по данным Национального корпуса русского языка, а также типы конструкций с адвербиалами [Кустова 2017; 2019а].

В работах последних лет изучение русских наречий получает новые импульсы. В частности, исследуются такие вопросы, как проблема квалификации наречий в русском языке [Голицына, Меркулова 2020], проблема определения диапазона наречия в русском языке [Панова, Кузьмина 2022], в том числе в сопоставительном аспекте [Lian Jin, Lazareva 2022]. Описаны особенности употребления наречий в разных дискурсивных практиках носителей русского языка, например, в научной речи [Дегальцева 2019]. В работе О.И. Глазуновой проанализированы семантические и функциональные особенности наречий с семантикой высокой степени интенсификации признака [Глазунова 2024].

Для целей нашего исследования принципиальное значение имеют идеи комплексного – синхронно-диахронного и функционально-семантического – описания русских наречий, сформулированные А.Б. Пеньковским [Пеньковский 2004], которые отчасти легли в основу концепции предлагаемой работы. Трактруя категориальные признаки наречий через понятие «скрытых категорий» [Булыгина 1977; 1980; Булыгина, Крылов 1990], ученый указывает, что «категориальные признаки наречий выявляют себя через различные сочетаемостные, конструктивные, позиционные и иные ограничения, которые накладываются на употребление наречного слова и составляют сущность стихийно сложившихся, но не получивших кодификации узуальных норм, действующих в адвербиальной сфере» [Пеньковский 2004: 286]. Примечательно, что для достижения поставленной цели выявления у наречий скрытого, неявного грамматического содержания А.Б. Пеньковский прямо указывает на необходимость накопления для каждого наречия значительного корпуса текстовых данных разных хронологических периодов, что напрямую выводит нас на обоснование

микродиахронического корпусного исследования, предпринятого в настоящей работе.

Можно резюмировать, что на современном уровне описания русских наречий выявлены следующие проблемные зоны, трактуемые исследователями по-разному в зависимости от доминирующей точки зрения на объект изучения: (1) квалификация категориального значения наречия как части речи или обоснование его отсутствия; (2) уточнение понятийного объема категории наречия посредством включения или исключения предикативных слов (предикативов, слов категории состояния), вводно-модальных слов, так называемых «местоименных наречий», наречий в функции присубстантивного определения (позиционных прилагательных, несклоняемых прилагательных) и пр.; (3) выявление перечня синтаксических функций наречий (возможность или невозможность выступать в функции сказуемого однокомпонентного предложения, вводно-модального слова, определения и пр.); (4) проблема классификации наречий как уточнение границ классов определительных (или «качественных» [Русская грамматика–I 1980]) и обстоятельственных наречий, наречий обусловленности, дейктических слов в функции наречия («местоименных наречий»), разграничение наречий меры и степени и наречий образа или способа действия.

Ряд сформулированных выше теоретических проблем может быть разрешен с опорой на принятое в современной науке, идущее еще от Л.В. Щербы «полевое» понимание грамматических категорий и частей речи, в которых выделяются зоны центра и периферии [Бондарко 1978; 2005]. Части речи как грамматические категории формируют область центра посредством соответствия слов инвариантным и прототипическим признакам, релевантным именно для данной части речи. Применительно к наречиям Л.А. Савелова полагает, что в качестве таковых могут быть названы: «(1) значение обстоятельного признака (адвербиальное значение); (2) способность замещать в составе высказывания позицию компонента, синтаксически зависимого от глагола (предиката) или от

предикативной единицы в целом; (3) отсутствие словоизменительной парадигмы» [Савелова 2009: 75]. В области периферии какие-либо из этих признаков могут нейтрализоваться или не проявляться.

В настоящей работе мы придерживаемся «узкого» понимания наречия, ориентированного на традиционное, – см., например, [Валгина 2002], – согласно которому из состава наречий исключаются слова категории состояния и вводно-модальные слова, но, вслед за «Русской грамматикой» (1980), включаются «местоименные» наречия [Русская грамматика–I 1980, § 1648]. Отношения между собственно наречиями и другими претендентами на их роль могут быть описаны с использованием аппарата разных лингвистических концепций – в рамках теории синкретизма и переходности [Бабайцева 2000]; посредством механизма семантической деривации [Падучева 2000; 2004; Кустова 2004].

Современное состояние системы русских наречий невозможно понять без обращения к диахроническим данным, так как многие семантические и грамматические особенности наречий как «переходной области» между разными частями речи как раз коренятся в истории образования класса этих слов, во многом «унаследованы» ими из предшествующих периодов развития русского языка.

1.1.2. История формирования русских наречий

Наречия как постоянно расширяющийся в русском языке класс слов являются регулярно обновляющейся областью грамматической системы русского языка: «на протяжении всей истории языка наречие выступает как одна из самых живых, подвижных и наиболее продуктивных частей речи, непрерывно пополняющаяся новыми образованиями» [Brandner 2002: 81]. О состоянии системы наречий в начале письменного периода древнерусского языка см. также [Коневецкий 1991: 173]. Динамика изменений в сфере наречий и возможность подвергнуть ее научной рефлексии по текстовым данным делают наречия

идеальным объектом для предпринятого в работе микродиахронического исследования. Изменчивость и подвижность состава наречий и наречных выражений берут свое начало в истории формирования этой части речи в русском языке.

Как было отмечено в предыдущем разделе 1.1.1 настоящей главы, наречие в диахроническом аспекте является одной из самых «молодых» частей речи, на фоне, например, существительных или глаголов. На ранних стадиях существования русского языка круг наречий был крайне ограничен [Павлович 1979: 327]. Лингвокогнитивная интерпретация этого обстоятельства связана с тем, что наречие появляется на достаточно высокой стадии развития абстрактного мышления, отраженной в естественном языке, когда возникают, так сказать, «абстракции второго порядка», а именно возможность осмыслить наличие признака для уже отвлеченных от предмета грамматических значений времени и пространства, меры и степени, способа и образа действия [Иванов 1983].

В когнитивно-дискурсивной теории частей речи Е.С. Кубряковой дается концептуальная характеристика двум типам «признаковости»: признак имманентный как неотъемлемый атрибут мыслимого объекта и признак переменный, ситуативный, процессуальный. Первый тип признака впоследствии развился в прототипическое прилагательное, а второй тип – в прототипический глагол [Кубрякова 1978; 2004]. Наречие формируется в периферийной зоне признака первого типа, который является характеристикой уже признака второго типа: «наречие при глаголе выполняет ту же функцию, что и прилагательное при существительном, уточняя его...» [Brandner 2002: 82].

В силу своей «молодости» наречие как часть речи черпает для своего образования средства из арсенала других, уже сложившихся частей речи, прежде всего существительного: «для раннего периода истории русского языка образование подобных слов [наречий – А.О.] от предложно-падежных сочетаний за счет обособления формы и выхода ее из парадигматических систем имени полагается безусловным (равно как и от беспредложных именных форм – ср.

рысью, пешком, зимой)» [Копосов 2008: 212]. При этом репертуар наречий пополняется также из прилагательных, местоимений, числительных и даже некоторых специфических глагольных форм. Поэтому наречия сохраняют свою грамматическую (синтаксическую, а иногда – и морфологическую) соотносительность с другими знаменательными частями речи на протяжении всей своей истории. Попадая в иные семантические и синтаксические условия, ранее склонявшиеся формы порывают связь со своей исконной парадигмой словоизменения и как бы застывают.

Однако имеется и наиболее древний слой наречий, так называемых «местоименных», или первичных (ядерная часть немотивированных наречий, согласно академической «Русской грамматике» (1980) [Русская грамматика–I 1980, § 1648]), которые образовались на базе других частей речи очень давно, еще в дописьменную эпоху, и совсем утратили связь с исконными формами. На этом основании некоторые ученые вообще подвергают сомнению тезис о том, что наречия образовались позднее имен существительных и прилагательных. По меньшей мере, некоторая часть наречий должна была сформироваться одновременно с другими именными частями речи. На каком-то древнейшем этапе синкретичная категория имени объединяла «не только то, что позднее стало существительным и прилагательным, но также то, что позднее стало наречием» [Чурмаева 1978: 193].

Практически все исследователи соглашаются с тем, что древнейшим пластом в системе наречий русского языка являются так называемые «местоименные» наречия [Буслаев 1959; Коневецкий 1974; Чурмаева 1989 и др.]. «Местоименные наречия образуют лексическое ядро средств выражения синкретичных пространственно-временных и причинно-целевых отношений» [Савелова 2009: 39].

Первичные наречия соотносятся с древними местоименными корнями³. Большинство же наречий являются производными, вторичными (мотивированными [Русская грамматика–I 1980, § 1647]), их связь с производящими словами других частей речи в большей или меньшей степени осознается носителями языка, является живой синхронической семантической или словообразовательной связью.

Для более поздних этапов развития наречий русского языка характерны определенные тенденции изменений в системе словообразования русских наречий, которые в работе Л.А. Савеловой обобщаются следующим образом: (1) расширилась база образования наречий – как за счёт новых слов, лексических классов, так и посредством вовлечения в неморфологическое производство наречий такой новой лексико-грамматической категории, как деепричастия [Коневецкий 1974]; (2) изменился характер продуктивности словообразовательного типа отадъективных наречий на *-о*, в который включаются и образования на базе относительных прилагательных (*поминутно, заочно, досрочно* и др.); (3) получило распространение образование наречий от

³ *Къ-* – вопросительное местоимение, *тъ-, съ-, и-, он-, ов-* – указательные местоимения, *вьсь-, инь-* – определительные местоимения. К ним добавлялись суффиксальные распространители *-уд-* / *-юд-* + древние падежные флексии *-а, -ы, -у* (ср. в древнерусском – наречия *куда, туда, сюда, куды, туды, сюды, всюду*); по другой модели мог быть суффиксальный распространитель *-м-* / *-мо-* + бывшие падежные флексии *-ь, -а, -ы* (ср. в древнерусском *камо, тамо, семо, овамо*); по третьей модели имелся суффиксальный распространитель *-гд-* + те же падежные флексии *-ь, -а, -ы* (ср. в древнерусском *егда, когда, овогда, тогда, иногда, вьегда*); по четвертой модели – суффиксальный распространитель *-д-* + флексии *-е-* (← *ь*), *-у* (ср. древнерусские *къдъ → где, вьсьгдъ → везде, съдесъ → здесь*); по пятой модели – прибавляется служебный элемент *-ли*, который мог мыслиться в других условиях и в качестве отдельного служебного слова (в древнерусском *коли, ежели, ели, нижли*, которые можно трактовать как сложные слова с двумя корнями).

В процессе исторического развития наречия включились в продуктивную для наречий словообразовательную модель приставочной деривации – с префиксами *от-, до-, по-*. Как пишет Е.И. Янович, в истории русского языка произошло распределение морфонологических моделей префиксального образования наречий: в письменном языке с приставкой *от-* закрепились наречия на *-да* с пространственным значением (ср. *отсюда, оттуда, откуда*), а с приставкой *до-* закреплялись наречия на *-ль* с временным значением (ср. *доколь, досель*) [Янович 1986: 232]. Далее по закону аналогии произошло парадигмальное объединение антонимических наречий с приставками *от-* и *до-* по одной модели (*откуда – докуда, отсюда – досюда*), а временные и пространственные наречия с формантом *-ль / -ле / -ли* архаизовались или ушли в просторечие (*отсель / отселе – доколь / доколи*). Затем система пространственных и временных местоименных наречий (как и исходная по отношению к ним система местоимений) подверглась сокращению за счет сокращения самого набора исходных местоименных основ. На следующем этапе местоименные наречия стали образовываться уже на базе застывших предложно-падежных сочетаний местоимений – по аналогии с образованием наречий на базе застывших предложно-падежных сочетаний существительных (*по чему → почему, за чем → зачем, за тем → затем, по том → потом, во все → вовсе* и под.).

причастий (*беспокояще, волнуяще, гнетуще*), начавшееся во второй половине XIX в. [Виноградов 1986]; (4) произошло перераспределение моделей в образовании наречий от отдельных семантических классов прилагательных: (*русьски* → *по-русски*; далее – аналогическое распространение модели на любой признак, имеющий отношение к лицу: *по-студенчески, по-шляпински* и под.); (5) оформилась семантическая дифференциация вариативных производных (например, *ныне* и *нынче* в современном литературном языке обозначают разные временные промежутки); (6) из наречного состава общеупотребительного варианта языка вышли суффиксальные производные на *-ва* (*одинова, шутова*), *-сь* (*летось, вчерась*), *-ча* (*давеча, топереча*), *-(иц)ею* (*вторицею, седмицею*) и др.; (7) утратило продуктивность образование наречий на *-ь* (ушли из языка такие наречия, как *выспрь, изусть, неудобь, сугубь, посторнь* и др.) [Савелова 2009: 42–45], ср. также [Ермакова 1964], [Чурмаева 1978; 1989; 1990].

Большинство зародившихся еще на ранних стадиях существования русского языка моделей образования вторичных, производных наречий сохраняют свою активность и в последующие периоды языкового развития. Более того, будучи изначально результатом действия процессов деривации, сами вторичные наречия становятся основой для перехода в другие части речи – отметим, например, их регулярную синтаксическую транспозицию в производные предлоги (*навстречу ветру, вблизи дома, напротив сада* и пр.) [Виноградова 1974].

Для нашей темы наибольшее значение имеют исторические и синхронические связи наречий и прилагательных, которые отражаются, в частности, в лексикографическом представлении наречий (они включаются в словарную статью прилагательных, см. главу II).

Кроме того, для нашего исследования представляется важным тот факт, что динамика исторического развития русских наречий отражает тенденцию к семантической и функциональной специализации изначально схожих по смыслу и роли в высказывании наречных лексем, см. [Савелова 2009: 46]. Такая специализация сопровождается лексико-семантическими сдвигами, изменениями

в парадигматических отношениях наречий и в особенностях их синтагматических связей с определяемыми словами.

Значимой в этом плане является предложенная в работах А.Б. Пеньковского идея «ближайшей диахронии», то есть временного периода примерно с конца XVIII в. до начала XX в. [Пеньковский 2004]. Функционирование наречий в этот период времени следует проецировать на особенности современной семантики и функций наречий в целях выявления путей семантической специализации и функциональной дифференциации схожих по смыслу наречий, которые в предшествующий современному период развития языка находились в отношении «свободного варьирования» [Пеньковский 2004: 288]. Анализу указанной исследовательской области и посвящена II глава настоящей работы.

1.2. Наречие в современных грамматических описаниях: семантические особенности, морфологические свойства и синтаксические функции

Как уже было показано разделе 1.1.1, квалификация семантических и морфологических особенностей русских наречий зависит от узкого или широкого понимания объема этой категории.

При широком понимании наречий в их состав, например, включаются слова категории состояния: в академической «Русской грамматике» (1980) предикативы рассматриваются в составе наречий [Русская грамматика–I 1980, § 1653]; академик Ю.Д. Апресян говорит о модальных наречиях применительно к лексемам *можно, нельзя, невозможно* [Апресян 2006: 47]. Слова, которые в ряде концепций считаются предикативами, Ф.И. Панков [Панков 2008] квалифицирует как наречные модификаторы; М.В. Всеволодова также относит предикативы к одному из семантических разрядов наречий [Всеволодова 2000]. При узком понимании наречий слова категории состояния могут вообще выводиться за пределы системы частей речи [Шигуров 2001], их принято рассматривать как

отдельную группу слов, не сводимую к наречиям [Щерба 1957; 2008], или как особую часть речи [Виноградов 1986].

Также при широком понимании наречий некоторые ученые включают в их состав вводные (вводно-модальные) слова, которые, в такой трактовке, выступают как реализация наречия в периферийной для него синтаксической роли при сохранении морфологической неизменяемости [Всеволодова 2000; Шелякин 2001] – ср. в этой связи замечание Ф.И. Панкова о том, что логичнее «рассматривать возможность их употребления в качестве вводных слов как одну из синтаксических функций наречий в предложении...» [Панков 2009: 106]. В.Б. Евтюхин, критикуя идею В.В. Виноградова о модальных словах как особой части речи, отмечает, что «наречия, используемые в качестве вводных слов», необоснованно выводятся «за пределы наречий» [Евтюхин 2008: 572]. При узком понимании наречий вводно-модальные слова в их состав не включаются. Вводные слова либо вообще оказываются за рамками проблематики частей речи [Щерба 1957; 2008], если считать «вводность» особой синтаксической функцией разных по морфологической частеречной принадлежности слов, либо рассматриваются как особый класс слов, имеющих специфический морфолого-синтаксический статус, но при этом не входящих в систему частей речи [Клобуков 1979], либо рассматриваются как самостоятельная часть речи [Виноградов 1986; Милославский 2011].

Предельно широкое понимание наречий включает в их состав одновременно и предикативы, и вводно-модальные слова – ср., например: «Наречия – самостоятельный грамматический категориальный класс слов, объединяющий неизменяемые (то есть несклоняемые, неспрягаемые и несогласуемые) слова, в основном («самостоятельном») употреблении способные примыкать к глаголам, причастиям, деепричастиям, наречиям, именам прилагательным, существительным, числительным, местоимениям, компаративам, выступать в синтаксической функции как второстепенных, так и главных членов предложения и – во вторичном употреблении – в функции

вводного слова» [Панков 2009: 110]. Как уже было отмечено ранее, в разделе 1.1.1, мы придерживаемся близкого к традиционному узкого понимания наречия, то есть не включаем в состав этой части речи предикативы и вводно-модальные слова, но, вслед за «Русской грамматикой» [Русская грамматика-1 1980: 702], включаем местоименные наречия.

1.2.1. Категориальная грамматическая семантика наречий

В общем виде категориальная семантика наречия может быть, вслед за Л.А. Савеловой, сформулирована как 'признак предиката или атрибута предмета' [Савелова 2009]. В силу того, что, как мы уже говорили ранее, этот тип признака представляет собой «абстракцию второго порядка», существует определенная трудность в его теоретической интерпретации, связанная с объективной сложностью синкретичной семантики самого объекта: «Качество и предмет, противопоставление которых нашло своё выражение в особенностях грамматической структуры имён прилагательных и имён существительных, остались соединёнными, нерасчленёнными в категории наречия» [Чурмаева 1989: 14].

Осложняет категориальную семантику наречия и его роль в номинации совокупной ситуации, описываемой целым высказыванием, а именно – предназначенность «давать некоторую характеристику ситуации, которую описывает синтаксически подчиняющий наречие предикат» [Филипенко 1994: 17]. На этой основе возникает и возможность наречия выступать в функции обстоятельственного детерминанта, характеризующего предикативную основу предложения в целом [Русская грамматика–II 1980]. Как указывает Д.Р. Копосов, «...обстоятельственные наречия в контексте способны демонстрировать «синкретическую» синтаксическую отнесенность – к составу сказуемого и составу подлежащего одновременно, определяя в таком случае предложение

в целом. *Отсюда и более широкие возможности развития лексико-семантических отношений* [курсив наш – А.О.]» [Копосов 2008: 211].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» категориальная семантика наречия определяется в совокупности с его морфологическими свойствами и синтаксическими функциями, что еще раз подчеркивает неразрывность этих разноуровневых признаков в понятийном содержании наречия: «Наречие – лексико-грамматический класс неизменяемых, как правило, слов, обозначающих признак 1) действия, 2) качества или 3) предмета и выступающих в синтаксической функции 1) обстоятельства или 2) определения, реже 3) сказуемого» [ЛЭС 1990: 322]. В «Грамматике современного русского языка» (1970) и в «Русской грамматике» (1980) значение наречия как части речи определяется схожим образом – как «непроцессуальный признак действия, предмета или другого непроцессуального признака – качества либо свойства» [Грамматика 1970; Русская грамматика–I 1980, § 1645].

Также и в учебных пособиях по морфологии акцент делается, в основном, на два семантических компонента – ‘признак действия’ и ‘признак признака’: «Наречие – знаменательная неизменяемая часть речи, обозначающая признак процессуального или непроцессуального признака... [Клобуков 1979: 225]. Способность наречий выступать не только как «признак действия», но и как «признак признака» связана с семантикой. Так, «позиция распространителя непредикативного компонента высказывания, выраженного прилагательным или наречием», является типовой для большой группы наречий «со значением степени и меры проявления признака: *совершенно новое решение, немного грустный взгляд, очень далеко идти*» [Савелова 2009: 27]. Впрочем, наречия этой группы могут сочетаться и с некоторыми семантическими классами глаголов, ср.: *немного устал; совершенно забыл*.

В работе Ф.И. Панкова перечислены типы предикатов, непредикативный признак которых может передаваться наречием: «(1) признак собственно действия (а также события и процесса) как акционального предиката: *Спортсмен быстро*

бежит; Наша Таня громко плачет; (2) признак бытия как экзистенциального предиката: *Такого закона давно нет; Рыба здесь ещё водится*; (3) признак состояния как статального предиката: *Борис тяжело болен; Мы очень рады*; (4) признак отношения как реляционного предиката: *Молодые страстно любят друг друга; Моцарт гораздо талантливее Сальери*; (5) признак признака как характеризационного предиката: *Вы слишком самоуверенны; Оля совсем худенькая*» [Панков 2009: 108]. По поводу пп. 4 и 5 надо заметить, впрочем, что показатели меры, степени и предела едва ли можно считать специализированными характеристиками отдельных семантических классов предикатов (именно реляционных и характеризационных), они имеют широкий круг сочетаемости со словами разных семантических классов и грамматических разрядов, в семантике которых присутствует идея шкалы, градуируемости и т.п., ср. [Апресян 1995: 65 - 66].

В качестве семантически и / или синтаксически производного, вторичного типа употребления наречия отмечается также его возможность обозначать и признак предмета, то есть характеризовать предмет – в роли определения или в составе составного именного сказуемого в двусоставном предложении: *На завтрак я предпочитаю яйцо всмятку / Яйцо оказалось всмятку* [Камынина 1999: 118; Шелякин 2001: 220].

Ф.И. Панков выделяет следующие виды непроцессуального признака предмета: «(1) признак лица, человека: *Человек спереди мгновенно выхватил из рук Иуды кошель* (М. Булгаков); *Штурмовики навсегда* (название кинофильма, 2006); *Карелин – трижды чемпион Олимпийских игр*; 2) признак животного, птицы, рыбы, насекомого: *Бурбули избежали части многих «новых» и «модных» пород; когда из-за границы везли собак подешевле и сомнительного качества*; 3) признак собственно неживого предмета: *Зарплату «по-чёрному» можно сделать белой* (Округа, 03.12.05); – *Где вы обычно обедаете? – В кафе напротив; Люблю яйцо всмятку* [Панков 2009: 109].

Как резюмируют Г.И. Панова и А.Е. Кузьмина, «в подавляющем большинстве лингвистических источников наречию приписывается способность обозначать признак а) действия, б) другого признака и в) предмета и выполнять синтаксические функции а) обстоятельства, б) определения и в) сказуемого. Способность наречия обозначать признак состояния не отмечается» [Панова, Кузьмина 2022: 581]. Последнее замечание неточно, так как наречия со значением степени и предела обозначают как раз признак состояния – в понимании этого термина, предложенного, например, в [Булыгина 1982], [Падучева 2004], – см. выше примеры *тяжело болен, очень рад*; ср. также: *Парк совершенно пуст; Он слегка пьян*). Отметим также, что признак состояния наречия соответствующего семантического класса могут обозначать, когда употребляются при словах так называемой категории состояния, например: *В лесу было очень холодно* (которые в действительности не имеют специфики с точки зрения наличия градуируемого признака в семантике). На возможность наречия обозначать непроцессуальный признак состояния указывает и Ф.И. Панков: «Наречия передают значение непроцессуального признака предиката (собственно действия, бытия, состояния, отношения, признака), предмета (лица, животного, собственно предмета) или другого непроцессуального признака» [Панков 2009: 110].

Перспективный подход к анализу грамматических значений наречий представлен в работах А.Б. Пеньковского. Анализируя «поведение» наречий при структурировании ситуации вокруг центра – глагола – ученый обнаруживает коррелирующие с глаголами специфически наречные категориальные семантические признаки, на основе которых «разные значения одного слова или разные наречные слова образуют оппозиции различных типов». А.Б. Пеньковский отмечает корреляции наречий с видом / видами глагола в рамках признака «интенсивность», ср. *безрезультатно* + сов. / несов. – *тщетно* + несов; *настойчиво* + сов. / несов. – *упорно* + несов. Ученый выделяет также признаки «прерывность – непрерывность», «квантованность – неквантованность»,

«направленность во времени» («ретроспективность – проспективность»), «реальность – ирреальность», «активность – неактивность» (субъекта действия) и др. А.Б. Пеньковский считал такие значения наречий грамматическими [Пеньковский 2004: 289]. Грамматическими же он считал и «значения наречий как слов, обслуживающих глагол в составе предложения / текста, т. е. глагол в его предикативной функции и, следовательно, в его связи со сферами субъекта и объекта действия. Выделяется два основных категориальных типа субъектно-объектных наречных значений – детерминационные и ориентационные» [там же: 289–290]. Для нашей темы особенно важны идеи А.Б. Пеньковского [там же: с. 290–291] о субъектно-объектной детерминации наречий, ср. *самовольно, по своей воле, добровольно* (субъектная детерминация) VS. *насильно, насильственно* (объектная детерминация); о виртуальных субъектных и объектных валентностях наречий. В связи с употреблениями наречий типа *неожиданно* А.Б. Пеньковский говорил о субъектно-объектной ориентации наречий, ср.: *Так я неожиданно увидел этого человека* (субъектная ориентация) – *К нам неожиданно приехали гости* (объектная ориентация) [там же: 291]. Ниже мы описываем наречия группы *неожиданно, нечаянно* (в значении ‘неожиданно’) как экспериенциальные, а принципы их встраивания в синтаксическую структуру предложения – в терминах кореферентности-некореферентности, см. раздел 2.3.1, но сама идея ориентации наречий в предложении является одним из важнейших принципов для описания наречий.

Итак, в рамках концепции, принятой в настоящем исследовании, в состав конкретизаций общего категориального значения наречия мы включаем такие семантические компоненты, как ‘признак действия (в широком смысле)’, ‘признак состояния’, ‘признак совокупной ситуации (в роли детерминанта)’, ‘признак другого признака (предмета, атрибута предмета, характеристики действия / состояния)’ и ‘признак предмета’. Ср., например, схожую точку зрения Л.А. Савеловой, согласно которой наречия «обозначают непроцессуальный признак различных характеристик предмета – действия, отношения, состояния,

положения, непроцессуального и процессуального признака» [Савелова 2009: 33]. Модусная семантика вводно-модальных слов, а также семантика выражения самого состояния, свойственная предикативам, в этот ряд не включается.

1.2.2. Морфологические свойства наречий

На протяжении всей истории изучения наречий главным морфологическим свойством наречий признается их неизменяемость, то есть отсутствие форм словоизменения [Щерба 1957: 72; Русская грамматика–I 1980, § 1645]. Поскольку данное свойство определяется через отрицание наличия какого-либо положительного содержания (ведь неизменяемыми являются и слова других частей речи и / или грамматических разрядов – несклоняемые существительные и прилагательные, инфинитивы, компаративы, предикативы, служебные части речи), многие ученые считают морфологический критерий выделения наречия в особую часть речи вспомогательным, в отличие от семантического и, главным образом, – синтаксического [Савелова 2009: 32].

Дискуссионным является вопрос о статусе производных от наречий на *-о*: *работать быстро – работать быстрее – работать быстрее всех*. В учебной литературе они нередко считаются формами сравнительной и превосходной степени наречий, ср. [Валгина и др. 2002]. В «Русской грамматике» (1980) указывается только на возможность образования сравнительной степени: «Наречия на *-о*, *-е*, мотивированные качественными прилагательными (*весело, грустно, прохладно, сильно, сладко, тихо, тяжело*), имеют морфологическую категорию степени сравнения, представленную двумя рядами форм – положительной и сравнительной степени: *весело – веселее, грустно – грустнее, сладко – слаще, тихо – тише, плохо – хуже*» [Русская грамматика–I 1980, § 1646]. При этом отмечается, что данные формы качественных наречий полностью совпадают с аналогичными формами прилагательных, а различие между ними проявляется только синтаксически.

Эта особенность настолько резко противопоставляет качественные наречия на *-о* всем остальным группам наречий, что некоторые ученые вообще склонны включать их в парадигму прилагательных [Панов 1999]. С другой стороны, если мы принимаем точку зрения, что компаративы следует относить к особому лексико-грамматическому или «морфологическому» разряду слов [Русская грамматика–I 1980; Милославский 2011] или даже к особой части речи [Грамматика 1970], то следующий логичный шаг – рассматривать образование компаратива как процесс «не словоизменения, а словообразования, тем более что компаратив образуется с помощью суффиксов, а не флексий» [Панков 2008: 71]. В этой связи Ф.И. Панков не рассматривает компаратив как форму наречия и выделяет различающиеся по результатам процесса деривации виды компаративов: деадъективные компаративы (*Петя выше Васи*) и деадвербиальные компаративы (*Петя прыгнул выше Васи*) [Панков 2009: 87]. Но даже если мы признаем факт формообразования наречий, это не означает наличия у них реального словоизменения – о различиях между формообразованием и словоизменением, см., например [Немченко 1984; ЛЭС 1990; ЯБЭС 1998 и др.]: в конечном итоге, сами компаративы тоже выступают как неизменяемые грамматические феномены.

1.2.3. Синтаксические функции наречий

Вопрос о синтаксических функциях наречий становится вопросом первостепенной важности, потому что именно синтаксический критерий многими исследователями рассматривается как главенствующий вообще для выделения наречия в особую часть речи. Как уже говорилось выше, репертуар синтаксических функций наречий определяется в зависимости от узкого или широкого понимания понятийного объема данной категории.

Так, согласно широкому пониманию наречий, включающему в их состав слова категории состояния, репертуар синтаксических функций наречий выглядит

следующим образом: «во-первых, они определяют глагол, имя или другое наречие, соединяясь с ним связью примыкания; во-вторых, наречия свободно употребляются в функции сказуемого; в-третьих, наречия определяют предложение в целом» [Русская грамматика–I 1980, § 1645]. Данная расширенная трактовка синтаксических функций наречий («свободно употребляются в функции сказуемого») исходит из теоретического решения включить в состав наречий предикативы.

С опорой на широкое понимание наречий Ф.И. Панков считает, что наречие вообще может быть любым членом предложения (например, субстантивированное наречие или наречие в автореферентном употреблении [Падучева 1985] выступает как подлежащее или дополнение, адъективированное наречие – в роли несогласованного определения, предикативное наречие – в роли главного члена односоставного безличного предложения), а в синтаксической функции вводного слова – не являться никаким членом предложения [Панков 2009: 104–106].

В нашем исследовании принято узкое понимание наречий, поэтому функции наречий мы выводим из общей предназначенности наречия (в ядерной, прототипической области данной категории) выражать непроцессуальный признак действия, состояния, другого непроцессуального признака или целой ситуации. Наречия «выступают в предложении в роли детерминантов или присловных [качественно-определятельных либо обстоятельственных] распространителей» [Савелова 2009: 33]. Способность наречий в ряде случаев выступать в роли сказуемого в двусоставном предложении, то есть в предикативной функции, трактуется как область периферии в полевого устройстве категории наречий, как производная, вторичная функция наречий, так же как и его способность быть несогласованным определением при существительном. Ср., например, указание Г.И. Пановой и А.Е. Кузьминой на то, что «функция определения у наречия – это ... переносная функция наречия, возникающая в синтаксических условиях, характерных для другой части речи, –

прилагательного» [Панова, Кузьмина 2022: 582]. Наречие в функции сказуемого в двусоставном предложении авторы определяют как явление «частеречного синкретизма»: «наречие в таких высказываниях является синкретичным членом предложения, который можно назвать обстоятельство-сказуемое» [там же: 582].

Также среди синтаксических свойств наречий исследователи отмечают их возможность включаться в причастные и деепричастные обороты и, соответственно, входить в состав обособленных / необособленных распространенных согласованных определений и обособленных распространенных обстоятельств [Панков 2009: 104], образовывать ряд однородных членов со словами других частей речи в функции обстоятельства – с предложно-падежными формами существительных и с деепричастиями / деепричастными оборотами [Валгина 2002]. Для нашей темы эти конструкции (однородные ряды с предложно-падежными формами и деепричастиями) важны потому, что именно в них могут реализовываться разные значения наречий (см., например, раздел 2.3.2).

Отметим, что указанные синтаксические функции наречий не являются рядоположенными, они образуют определенную иерархию. Так, наименее обусловленной, минимально распределенной семантически и грамматически и присущей всем наречиям является способность быть признаком действия, которую и следует признать исходной как в диахроническом, так и в синхроническом плане [Панов 1999; Панова, Кузьмина 2022 и др.].

Остальные функции присущи одним группам наречий и не присущи другим. Так, функцию детерминанта, характеризующего предложение в целом, могут выполнять только обстоятельственные наречия с семантикой пространства, времени, условия, причины, цели и уступки; наречия определительные, тем более – качественные, к выполнению этой функции не приспособлены [Русская грамматика-I 1980]. Не все наречия могут характеризовать состояние, выраженное безличным предикативом: этого не могут делать некоторые наречия образа действия (*нешком, молча* и пр.) [Панков 2009]. С другой стороны, свойство быть

признаком другого признака, характеризуя прилагательное или другое наречие, или признаком состояния, в основном, характерно для некоторых определительных наречий – наречий степени и ограничительных наречий [Панова, Кузьмина 2022: 581]. Та же группа наречий типа *очень, слишком, слегка* и под. не может выступать в роли сказуемого в двусоставном предложении или в роли несогласованного определения.

На функционально-синтаксическое разнообразие наречий указывает и Л.А. Савелова, отмечая, что «одни наречия употребляются исключительно непредикативно – другие могут употребляться как в непредикативной позиции, так и в позиции предиката; одни наречия выступают как сентенциальные – другие как присловные – третьи могут занимать в разных высказываниях и присловную, и сентенциальную позицию; одни наречия распространяют исключительно глагольные предикаты – другие распространяют прилагательные, наречия, категорию состояния и некоторые глаголы [Савелова 2009: 83]:

а) способны употребляться только непредикативно (*очень, ласково*) – способны употребляться непредикативно и предикативно (*разговаривает не по-нашему – вот это по-нашему*);

б) употребляются сентенциально (*почему, как*) – употребляются присловно (*до упаду, наспех*) – употребляются присловно и сентенциально (*вечером, обязательно*);

в) распространяют только глаголы (*гуськом, утром*) – распространяют прилагательные, наречия, категорию состояния, некоторые глаголы (*очень, совершенно*)» [Савелова 2009: 34].

Впрочем, по поводу конструкций с наречиями типа *утром*, в литературе отмечалось, что такие наречия сочетаются и с существительными. Вообще,

необходимо отметить разобранное выше сочетание *город ночью* из работы [Панова, Кузьмина 2022]).

При этом отметим, что неизменяемость может обеспечивать наречию не только большую свободу сочетаемости по модели примыкания с разными частями

речи, но и особую семантическую емкость, особенно во вторичных, не свойственных базовому, прототипическому функционалу наречий моделях сочетаемости. Можно вспомнить в этом отношении замечание В.В. Виноградова о том, что наречия в сочетаниях типа *парк летом* или *город ночью*, в сравнении со стандартными атрибутивными сочетаниями *летний парк* или *ночной город*, более богаты обстоятельственными оттенками» [Виноградов 1972: 397]. Г.И. Панова и А.Е. Кузьмина объясняют это тем, что «*город ночью* – это номинация целой ситуации. Здесь наречие, примыкая к существительному и формально являясь несогласованным определением, проявляет по-прежнему обстоятельственный характер и свёрнуто представляет содержание виртуального придаточного определительного, компонентом которого и является наречие: *Город, каким он является ночью*» [Панова, Кузьмина 2022: 581]. Особенно очевидна обстоятельность наречия в сочетаниях с отглагольными существительными типа *поворот налево*.

Как справедливо отмечает Л.А. Савелова, «синтаксические отличия имеют семантическую основу» [Савелова 2009: 83], то есть источником семантического и грамматического разнообразия наречий является семантика. Это напрямую выводит нас на проблему классификации наречий, у которых традиционно выделяется значительное число семантических классов, лексико-морфологических и функционально-грамматических разрядов.

1.2.4. Проблема классификации русских наречий

Решение вопроса о классификации наречий тесно связано с узким или широким пониманием понятийного объема этой категории (какие классы слов включаются или не включаются в состав наречий), а также с тем, какой критерий полагается главным для выделения наречий в особую часть речи в русском языке. Поскольку для типологии наречий возможны разные основания, наречия

представляют собой пересекающиеся классы слов, сгруппированные по разным признакам как синхронического, так и диахронического плана.

Базовой классификацией для наречий можно считать деление наречий по способу воплощения категориального значения этой части речи, которое представляется универсальным для всех неслужебных частей речи. Это общее деление единиц языка на номинативные (знаменательные) и дейктические [Бюлер 1993; ЯБЭС 1998]. Этому противопоставлению соответствует деление наречий на знаменательные и местоименные «в зависимости от того, называет ли наречие признак или только указывает на него» [Русская грамматика–I 1980, § 1648].

И знаменательные, и местоименные наречия по типу выражаемого ими лексического значения и по своим семантико-грамматическим свойствам формируют ступенчатую, иерархическую классификацию, в основании которой лежит базовое противопоставление двух лексико-грамматических разрядов: «1) собственно-характеризующие, то есть обозначающие свойства, качества, способ действия, интенсивность проявления признака, 2) обстоятельственные, обозначающие признак, внешний по отношению к его носителю, т. е. характеризующие по месту, времени, условию и другим обстоятельствам (*дома, там, вчера, вместе, вдвоем*)» [там же, § 1648]. В других источниках собственно-характеризующие наречия могут именоваться определительными [Валгина 2002]. При этом дальнейшее подразделение наречий внутри этих групп также может по-разному осуществляться разными учеными, может варьироваться как количество выделяемых семантических групп наречий, так и сами наречия, входящие в ту или иную группу.

Так, в «Русской грамматике» [1980] внутри классификационной группы «собственно-характеризующих наречий» выделяются наречия **образа действия** и наречия **степени (или количественные)**. «В наречиях образа действия представлены и разнообразные частные виды общего значения качественности и свойственности – от значения качественно-характеризующего (*быстро, весело, как, так*) до значений сравнения, уподобления (*по-бабьи, по-медвежьи,*

по-старому, по-нашему; дыбом, ежиком, столбом)» [Русская грамматика–I 1980, § 1650]. В качестве особого подраздела в составе наречий **образа действия** выделяются **качественные** наречия, образованные на базе качественных прилагательных: *быстро, весело*. Они унаследовали от качественных прилагательных ряд морфологических и словообразовательных свойств⁴: «1) они образуют формы сравнительной степени; 2) от них могут быть образованы наречия с модификационными значениями слабой степени проявления признака (*великовато, грустновато, бедновато*), усиления признака (*труднёнько, ранехонько и ранешенько ...*)» [Там же].

Наречия **степени** обозначают характер интенсивности признака – они выражают сильную степень проявления признака: *очень, страшно, удивительно, исключительно, слишком, много, гораздо* и т.д. или слабую степень проявления признака: *едва, едва-едва, еле, еле-еле, чуть-чуть, немного, несколько, капельку* (разг.), *крошечку* (разг.). Поэтому они иногда называются **количественными**. В работе О.И. Глазуновой представлена трехчленная шкала степени выражения признака наречием: «Значение интенсивности, соотносящееся в русском языке с наречиями степени, включает следующие стадии воплощения: 1) высшую степень проявления признака (*очень, удивительно, исключительно, слишком, много, абсолютно, совершенно, чересчур, чрезвычайно, крайне, весьма, совсем*); 2) сравнительно-относительную степень проявления признака (*настолько, гораздо, необычно, вдвое, втрое*); 3) приблизительную степень проявления признака с низкой или высокой мерой его реализации (*едва, еле, чуть, почти*)» [Глазунова 2024: 76]. В лексикографической школе интегрального описания языка Ю.Д. Апресяна градация степени выражения признака описывается через понятие нормы: «меньше нормы (ср. *немного, мало; еле, едва, чуть, слегка; слабо* и т. п.); норма (ср. *достаточно, довольно*), больше нормы (ср. *очень, предельно, крайне, совершенно* и др.)» [НОССРЯ 2004: 747]. Эти наречия имеют синтаксическую особенность – как правило, они относятся к прилагательному или другому

⁴За исключением слов, образованных от адъективированных причастий типа *вызывающе, ошеломляюще*.

наречию: *очень интересный, очень интересно*, хотя в ряде контекстов они могут употребляться и при глаголе с семантикой, предполагающей какое-либо параметрическое представление, – типа *Мальчик **очень** вырос; Отец **сильно** постарел* (о качественно-количественных наречиях см. также [Битехтина 1974]; [Битехтина 1982]).

Вообще говоря, как сам список классификационных разрядов качественно-характеризующих наречий, так и непосредственно состав этих классов может по-разному трактоваться в разных источниках. Так, в качестве особого подтипа определительных наречий Г.И. Панова предлагает выделять так называемые «**ограничительные наречия**». Они сочетаются практически только с прилагательным или наречием и обозначают признак признака, указывая на ограниченность его проявления в каком-либо аспекте, ср.: *экологически важная проблема* (важная в каком отношении?), *экономически развитая страна; текст пунктуационно грамотный, рассуждать юридически грамотно* [Панова 2022: 226]. В действительности, такие наречия, которые в [Кустова 2019а; 2019б] названы относительными (поскольку они, как правило, образуются на базе относительных прилагательных), выражают не только ограничительные значения и сочетаются также с глаголами, ср.: *технически оснастить / обслуживать; буквенно обозначить* (выражение актанта); *установить юридически*. Л.А. Савелова в этих случаях предпочитает говорить об «аспектных наречиях»: «Особое место в составе кваликативных наречий занимают лексемы с компонентом значения 'с точки зрения' / 'в аспекте' (мы условно называем их аспектными): *государственно, исторически, лингвистически, нравственно* и т.п.» [Савелова 2009: 140].

Также иногда группу наречий образа действия с дополнительной семантикой уподобления (*по-русски, по-прежнему, по-новому*) считают особым подклассом определительных наречий – **сравнительно-уподобительными** [Русский язык 1964]. В отдельный подтип могут быть выделены и **количественные** наречия – *дважды, трижды* [Валгина и др. 2002].

Высказывалось мнение о выделении в особую группу так называемых оценочных наречий (термины могут варьироваться): «Другую часть модальных наречий составляют эмоционально-экспрессивно-оценочные наречия, которые, в отличие от некоторых квалификативных, выражают одобрение, неодобрение или оценку возможностей кого-либо, а не качественную оценку действия или ситуации (*превосходно, сногшибательно, отвратительно*)» [Савелова 2009: 142] (ср. термин «интерпретационные значения», применяемый к прилагательным, наречиям и предикативам в работах [Кустова 2022; 2024]).

Меньше разногласий у ученых вызывает состав и квалификация лексико-грамматического разряда **обстоятельственных наречий**. Согласно «Русской грамматике» [1980], «выделяются наречия места (*около, далеко, поблизости, рядом, спереди, дома, лесом, дорогой, внизу, вокруг, издалека, влево, сверху, изнутри, издали, здесь, там, тут, везде, всюду, нигде, куда, никуда, оттуда, отсюда*); в времени (*теперь, вчера, завтра, днем, ночью, утром, вечером, зимой, весной, давно, скоро, раньше, накануне, вовремя, когда, всегда, иногда, сейчас, сегодня, тотчас, ежедневно, повседневно, издавна, сначала, сперва, уже*); причины (*сгоряча, со зла, сослепу*; прост. *спьяна* и *спьяну, сдуру, спроста*); цели (*назло, нарочно, насмех*); совместности (*вместе, совместно, вдвоем, втроем, сообща, попарно; наедине, поодиночке*)» [Русская грамматика–I 1980, § 1652].

В работе Л.А. Савеловой в основу классификации положен характер выражаемой наречиями прототипической семантики. На этом основании она постулирует 6 вершинных классов для классификации наречий: количественные, квалификативные, пространственные, временные, наречия обусловленности и модальные. Внутри этих классов выделяются разнообразные микросистемы с разновидностями базовых значений [Савелова 2009: 137].

Имеется опыт семантической классификации наречий по способу характеристики действия; такие характеристики могут быть разнообразны – «по эмоциональной окраске (*говорит взволнованно, негодующе*), параметрические

характеристики (*быстро, медленно говорит, сердце бьется учащенно*), связанные с аксиологической оценкой (*хорошо поет, плохо поступает*); характеристика через принадлежность субъекта к определенной группе или сравнение с этой группой» [Морфология 2008: 559], ср. *по-мужски, по-вятски* (в [Русский язык 1964: 188], как уже упомянуто выше, такие наречия называются сравнительно-уподобительными). Принимая данную классификацию, Т.Н. Голицына и И.А. Меркулова добавляют к ней еще один параметр – характеристику «с точки зрения количества, интенсивности, насыщенности (*очень, крайне, весьма, слишком, чересчур, вдвое* и под.)» [Голицына, Меркулова 2020: 11].

Имеются классификации, в основу которых положены функциональные или коммуникативные свойства наречий. Так, М.В. Филипенко на основе коммуникативно-синтаксического критерия различает наречия с плавающей и фиксированной сферой действия, которые по-разному проявляют себя в смысловой организации высказывания: наречия с плавающей сферой действия (типа *весело, легкомысленно, нарочно*) описывают «внешние» характеристики ситуации и нераспределенно сочетаются с глаголами разных семантических групп; наречия с фиксированной сферой действия (типа *тихо, медленно, ночью*) описывают только определённый компонент в семантической структуре предиката, то есть связаны с семантическим участником ситуации [Филипенко 2003: 24–25].

Ф.И. Панков, исходя из разрабатываемой им модели функционально-коммуникативного описания наречий, предлагает подразделять наречия по их роли в организации высказывания (диктальные и строевые, то есть модальные), по характеру выражаемых значений (характеризационные и логические), по наличию оценочности (внеоценочные и оценочные) и др. [Панков 2009]. При широком понимании наречий могут выделяться добавочные классификационные группы наречий. Например, в «Русской грамматике» [1980] в составе качественных наречий выделяются предикативные наречия, которые выступают «в функции главного члена однокомпонентного предложения», ср. *Мне весело*;

Ему плохо; В комнате тепло и сухо [Русская грамматика–I 1980, § 1653]. В группу модальных наречий иногда включают слова *можно, нельзя, невозможно* [Апресян 2006: 47], которые В.В. Виноградов причисляет к особой части речи – модальным словам [Виноградов 1986]. Единицы, употребляемые в синтаксической функции вводных слов, также могут характеризоваться как особый семантический класс наречий [Всеволодова 2000; Шелякин 2001]. Напомним, что, в соответствии с принятой в данной работе концепцией, предикативы и вводные слова не входят в состав наречий.

Особое место в типологии наречий занимают местоименные наречия, потому что они входят в два непересекающихся классификационных ряда. С одной стороны, они включены в общую для всех наречий классификацию по характеру выражения лексического значения и по семантико-грамматическим свойствам и, соответственно, делятся на наречия определительные и обстоятельственные. С другой стороны, они имеют собственную классификацию, отчасти унаследованную из классификации обычных местоимений по лексико-грамматическим разрядам: «1) *лич н ы е*, со знач. «как свойственно лицу (лицам), как делает, поступает лицо (делают, поступают лица)»: *по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему*; в разг. речи употребляются наречия *по-его, по-ее, по-их*, в просторечии *по-ихнему*; 2) *в о з в р а т н о е*: *по-своему* со знач. «как свойственно лицу – субъекту действия»: *знаю, что ты поступишь по-своему; он все понимает по-своему*; 3) *у к а з а т е л ь н ы е*: *здесь, там, тут, туда, потому, поэтому, затем, оттого, тогда, так, этак*; 4) *о п р е д е л и т е л ь н ы е*: *по-всякому, всячески, везде, всюду, отовсюду, всегда, по-иному, по-другому, много*; 5) *в о п р о с и т е л ь н ы е*: *где, куда, откуда, когда, зачем, отчего, почему, как*; 6) *н е о п р е д е л е н н ы е*: *где-то, откуда-то, куда-либо, как-нибудь, где-нибудь, куда-нибудь, когда-нибудь, кое-как, кое-где, кое-куда, кое-когда*; 7) *о т р и ц а т е л ь н ы е*: *нигде, никуда, никогда, низачем, никак, негде, некуда, некогда, незачем, неоткуда*» [Русская грамматика–I 1980, § 1648]. Следует отметить, что местоименные наречия могут иметь

синтаксическую функцию, не свойственную знаменательным наречиям, – они выступают в роли средств связи в сложноподчиненном предложении: в роли соотносительных (указательных) слов в главном предложении (*так, там, туда, оттуда, везде, всюду, отовсюду, тогда*) и в роли союзных слов в придаточном предложении (*как, когда, где, куда, откуда, зачем, отчего, почему*).

В научной литературе также представлены классификации наречий по иным основаниям. Л.А. Савелова в пределах общерусского языка выделяет частные наречные системы, различающиеся по разновидности языка, в которой они употребляются. Есть примерный список общеупотребительных наречий, бытующих во всех разновидностях русского языка. Кроме этого, «выделяются частные наречные системы литературного языка и просторечия, они противопоставлены частным наречным системам социолектов и территориальных диалектов» [Савелова 2009: 103]. Также возможно деление наречий на исконные и заимствованные, на входящие в активный запас языка и принадлежащие пассивному запасу (с одной стороны, неологизмы, с другой – историзмы и архаизмы).

В целом отметим, что для такой подвижной и динамичной области языка, как наречие, невозможно построить единую и непротиворечивую классификацию, которая смогла бы учесть все периферийные участки системы, все ее переходные зоны. Именно описанию переходных явлений в области наречий посвящен следующий раздел настоящей главы.

1.2.5. Переходные явления в области наречий в синхронии и диахронии

Стратегии научного поиска в современной лингвистике отличаются повышенным вниманием к нелинейному характеру устройства и функционирования как отдельных единиц языковой системы, так и целых ее областей [Демьянков 1984], исследовательским интересом к зонам переходности и синкретизма [Бабайцева 2000], механизмов порождения языковых явлений и их

трансформации в реальном речевом окружении [Кустова 2017, 2021 и 2024], что позволяет глубже понять языковые закономерности и точнее описать реальное многообразие и внутреннюю противоречивость самого объекта исследования.

Наличие переходных явлений в разных областях системы не ведет к ее деструкции, а, напротив, является закономерным источником ее развития и совершенствования. Особенно это справедливо для открытых, саморазвивающихся систем, к которым относится и естественный язык. «Взаимосвязь языковых явлений влечет за собой их взаимодействие, которое может нарушить соответствие между формой и содержанием, вызвать переход одних явлений в другие как в диахронии, так и в синхронии» [Бабайцева 2000: 126].

Наречие в этом смысле представляет собой, если можно так выразиться, идеальный переходный и синкретичный феномен. Пребывание в зоне переходности – это нормальный способ существования наречия в языке и речи как в диахроническом, так и в синхроническом аспекте. Открытость и проницаемость границ категории наречия, подвижность и развивающийся характер русской адвербиальной системы обуславливают постоянное семантическое и функциональное движение наречной системы, активное парадигматическое и синтагматическое взаимодействие наречий с единицами других частей речи.

Русское наречие, как никакая иная часть речи, в своем функционировании явным образом демонстрирует отмеченную закономерность: «Наречие тесно связано со всеми частями речи – как неслужебными, так и служебными. С однозначными словами наречия связаны словообразовательно: они мотивируются словами других знаменательных частей речи. При этом основным словообразовательным значением наречий является значение транспозиционное, то есть в их семантике совмещается присущее мотивирующему слову значение признака (непроцессуального или процессуального) со значением наречия как части речи» [Русская грамматика–I 1980, § 1654].

Изначально формируясь на базе других знаменательных частей речи, наречие в то же время и само может выступать как основа для частеречной деривации, главным образом – в области служебных частей речи. В рамках нашей темы – семантических изменений и функционального варьирования русских наречий – наибольший интерес представляет соотношение наречий с предикативами (ср. [Дегтярева 2006; Летучий 2018], вводно-модальными словами и частицами).

Слова категории состояния (предикативы), как уже отмечалось выше, не всегда выделяют в особую часть речи, а, в рамках достаточно широко распространенной точки зрения (ср. [Панков 2008], [Русская грамматика–I 1980]), считают особым типом употребления наречий – предикативным наречием. При таком подходе направление переходности – от «обычного» наречия к предикативному: *Он плохо себя чувствует* → *Ему плохо*.

Альтернативную точку зрения на этот вопрос выражает Л.А. Савелова, которая считает, что наречия и слова категории состояния находятся в отношениях кодеривации на базе общего производящего слова – прилагательного или существительного: «Со словами категории состояния у наречий устанавливаются сугубо функционально-грамматические корреляции, нет отношений словообразовательной производности, поскольку и те и другие мотивированы прилагательными или существительными» [Савелова 2009: 149].

Нерешенной остается и проблема соотношения наречий и вводно-модальных слов: *Мой друг – безусловно честный человек* → *Безусловно, он честный человек*. Этот переход обусловлен изменением синтаксической функции наречия: обозначение диктумного признака компонента ситуации или всей ситуации в целом переходит в обозначение модусной характеристики ситуации, выражение точки зрения говорящего на ситуацию. На формально-синтаксическом уровне наречие утрачивает свойство быть членом предложения и вступать в синтаксические отношения с другими членами предложения. Также для таких случаев характерна мена интонационного контура и просодического выделения.

В диссертации [Кузнецова 2017] наречия в функции вводно-модальных слов квалифицируются как «модусные транспозитивы».

С точки зрения целей нашего исследования важно, что синтаксическая деривация подобного рода может сопровождаться изменением семантики: *Она это знает **наверное*** (= точно, бесспорно). → *Она, **наверное**, это знает* (= предположительно, гипотетически); *Роды протекали вполне **естественно*** (= нормально, обычно) → *Ему дали непосильную работу; **естественно**, он ее не выполнил* (= само собой разумеется, без сомнения).

В рамках моделей синхронической синтаксической производности рассматривается также переход наречий в служебные слова – предлоги, союзы и частицы.

Интересующий нас переход наречий в частицы разных семантических групп достаточно активен. При этом переходе меняются синтаксические условия употребления производного слова. Важным сигналом перехода наречия в частицу может служить изменение исходной синтактики, которое сопровождается, разумеется, и изменением семантики, ср.: *Вечер был **особенно** хорош* → *Мы все растерялись, **особенно** я; Он был **исключительно** одаренный человек* → *Премии получили **исключительно** передовики производства; Трудно перевести это **буквально*** → *Он творил **буквально** чудеса.*

Иногда семантика производной частицы может существенно расходиться с семантикой исходного наречия: *Действовать **решиительно*** (= твердо, непреклонно) → *К нам приходит **решиительно** всякий сброд* (= без сомнения); *Задача решается **просто*** (= без усилий). → *Он **просто** трус* (= всего-навсего); *Дорога шла **прямо*** (= не уклоняясь) → *Ты **прямо** фокусник какой-то* (выражает усиление с оттенком удивления).

1.3. Методы изучения наречий в современной русистике: синхрония, диахрония, микродиахрония

Научный инструментарий синхронического и диахронического изучения русских наречий на протяжении значительного количества лет постоянно совершенствуется, используя новые стратегии научного поиска, которые сложились в современном, ориентированном на междисциплинарность гуманитарном знании.

Традиционные методы синхронического структурно-семантического и функционального анализа, диахронического историко-лингвистического и сравнительно-исторического анализа наречий, применение которых дало ощутимые научные результаты, обогащаются благодаря включению в поле исследования достижений когнитивной лингвистики, лингвопрагматики, порождающей семантики и дискурс-анализа. Активно используются технологии анализа корпусных данных. Для адекватного описания динамики семантических и функциональных изменений в русской адвербиальной системе была предложена методика микродиахронического корпусного анализа, на которую мы и опираемся в данной работе.

1.3.1. Структурно-семантические и функциональные методы изучения наречий в синхронии и диахронии: общая характеристика

На протяжении длительного периода изучения русских наречий посредством применения постоянно развивающегося исследовательского аппарата, основанного на традиционных описательных методах и методах структурно-семантического анализа, были получены значительные научные результаты, хотя ряд положений до сих пор остается дискуссионным [Потебня 1958; Буслаев 1959; Щерба 1957; 2008; Шахматов 2006; Виноградов 1986; ЛЭС 1990].

В целом определено категориальное значение, морфологические свойства и синтаксические функции современных русских наречий, даны классификации наречий по разным основаниям, выявлен их состав, описаны особенности речевой реализации наречий разных семантических и функциональных классов, а также активные процессы в этой динамичной области системы языка [Грамматика 1970; Русская грамматика 1980].

На этом фоне применения синхронических описательных методов представлен опыт расширения объекта анализа за счет включения других функциональных разновидностей русского языка (внутреннее сопоставление) [Савелова 2009].

Акцентом на формально-грамматический аспект функционирования русских наречий, в соответствии с которым формируются как основания для выделения наречий в особую часть речи, так и принципы их описания, отличаются формально-грамматические методы исследований, также имеющие значительную научную традицию, восходящую к работам Ф.Ф. Фортунатова, ср. также [Панов 1999; Милославский 2011].

В свою очередь, в рамках «семантикоцентричных» подходов были разработаны основы семантического описания наречий и классификации, базирующиеся на контенсивных, содержательных принципах [Пеньковский 2004]. Семантикоцентричной, безусловно, является и концепция интегрального описания языка Ю.Д. Апресяна [Апресян 1995; Апресян В. 1997; Языковая картина мира 2006], предполагающая, разумеется, описание не только наречий, но слов самых разных частей речи. Для нас особенно важно то, что на базе этой концепции сложилась системная лексикография, которая, в отличие от традиционных способов словарного описания слов (например, через подбор синонимов), предполагает не только комплексный анализ семантических признаков слова, но включает в словарную статью максимально полный набор характеристик слова – морфологию, сочетаемость, конструкции, интонационные особенности и др. [НОССРЯ 1997 / 2004; ПАС 2010].

Обогащение метода семантического анализа посредством достижений когнитивно ориентированных методов логического анализа языка, «ролевых грамматик», «ситуационных грамматик», «фреймовых семантик» позволило включить проблему семантики и функций наречий в контекст описываемой в предложении ситуации [Филипенко 2003], что коррелирует с понятием «сфера действия лексических единиц», обоснованным И.М. Богуславским [Богуславский 1985; 1996 и 2008; Boguslavskaya, Boguslavsky 2015].

Активно используется в изучении русских наречий и научная идеология лингвистического функционализма [Бондарко 1978; 2005], что отражает преимущественное внимание ученых к сочетаемым свойствам и синтаксическим функциям наречий. Это характерно и для анализа функциональных возможностей наречий в рамках концепции коммуникативного синтаксиса [Золотова 1998; 2000]. В рамках теории функционально-коммуникативной грамматики [Всеволодова 2000; Шелякин 2001] разработана модель функционально-коммуникативного описания русских наречий, основанная «на методе анализа обстоятельственных категорий от уровня языковой семантической системы до уровня реализации их в речевых построениях» [Панков 2009: 22]. Схожая методика использована для уточнения семантико-функционального диапазона наречия в современном русском языке [Панова, Кузьмина 2022], для анализа активных процессов в современных русских наречиях [Голицына, Мекрулова 2020].

Вообще говоря, методы моделирования активно используются в анализе русских наречий. Например, «метод моделирования устройства системы русского наречия /.../ находит применение в выявлении и описании поливариантной структуры адвербиальной системы русского языка, актуализированной множеством функционально детерминированных частных вариантов, а также в характеристике постоянных и варьируемых звеньев системы русского наречия ...» [Савелова 2009: 13].

Диахронические исследования русских наречий, осуществляясь в рамках традиционных и современных компаративных методик, также накопили и обобщили значительный материал по проблематике формирования этой категории в целом, по особенностям исторического образования разных лексико-грамматических классов наречий и истории происхождения отдельных наречных слов и выражений [Чурмаева 1978, 1989; 1990; Павлович 1979; Иванов 1983; Янович 1986; Коневецкий 1994]. Важной чертой указанных исследований является их ориентация на выявление и интерпретацию обусловленности многих явлений в адвербиальной системе современного русского языка предыдущими стадиями ее развития [Brandner 2002].

Именно аргументированное ощущение живой и возобновляющейся соотносительности современной жизни наречий в русском языке с более ранними периодами его существования потребовало создания комплексного подхода к анализу наречий, совмещающего синхронию и диахронию. Это нашло свое выражение в исключительно продуктивной идее «ближней диахронии» А.Б. Пеньковского, что в современной терминологии принято именовать «микродиахрония».

Обосновывая свой подход к анализу динамики системы русских наречий, А.Б. Пеньковский пишет, что «необходимо преодолеть неподвижность системы, внести в нее динамический импульс. Этого можно достичь двояким образом: 1) Привести в движение объект наблюдения (динамическая синхрония); 2) Вывести наблюдателя за пределы системы, изменив тем самым его позицию и точку зрения (диахроническая статика)» [Пеньковский 2004: 286–287]. «Движение объекта» («сдвиги» в употреблении наречия) обнаруживается при нарушении «интуитивно осознаваемой нами нормы употребления наречного слова в семантической сфере и в контексте другого наречия – его противочлена» [там же: 287].

Чтобы осуществить намеченный путь исследования, не нужно обращаться к самым ранним стадиям развития русского языка, нужен «такой временной

масштаб, который позволяет видеть конкретные формы и различать в них мельчайшие детали. Эту возможность мы получаем, избирая в качестве точки отсчета то состояние адвербиальной сферы, в котором она находилась в русском литературном языке конца XVIII – начала XIX в.» [там же: 287]. Таким образом, этот подход позволяет выявить и интерпретировать динамику семантических и функциональных изменений русских наречий от указанной точки отсчета до нашего времени, что и составляет суть предпринятого в данной работе исследования.

Микродиахронический анализ подобного рода выводится на качественно новый уровень в плане отбора материала для исследования, повышения его объективности и валидности благодаря возможности использовать в процедуре анализа большие массивы корпусных данных.

1.3.2. Возможности корпусного изучения наречий.

Микродиахронический корпусный анализ

Современные подходы к изучению семантики и функций русских наречий, развивая научные традиции классического отечественного языкознания, значительно расширяют исследовательское поле, прежде всего за счет новых подходов и методов, в частности, обусловленных развитием электронных корпусов и баз данных. В этом отношении перспективным видится применение корпусных методов в научной процедуре микродиахронического анализа.

Микродиахронический анализ является относительно новым направлением в отечественной лингвистике, которое сформировалось, в первую очередь, благодаря развитию корпусов и совершенствованию их лингвистического аппарата. Микродиахронический анализ представляет интерес не только сам по себе, но и как инструмент для исследования синхронного состояния языка, в том числе в типологическом аспекте: сопоставление современного состояния языка с состоянием сто- или двухсотлетней давности позволяет более рельефно осветить

и то, и другое. При изучении подобных процессов корпус дает эффективные инструменты, которые позволяют составить целостную картину. Корпусные данные позволяют не только зафиксировать изменение значений, но и оценить скорость этих процессов в языке на разных временных срезах.

Сопоставление нескольких временных срезов состояния языка (в рамках определенного временного интервала) по данным корпусов способствует выявлению и верификации динамики изменения значений и синтаксических функций слов русского языка в их системном взаимодействии, а также скорости семантических и функциональных изменений. Тот же аналитический инструментарий, впрочем, можно применять и для изучения истории семантического развития отдельного слова.

Изложенные выше соображения подтверждает, в частности, и опыт микродиахронического корпусного исследования языка русской классики, предпринятый научным коллективом под руководством Е.В. Рахилиной [Рахилина и др. 2024; Рахилина, Бычкова 2024; Рыжаченков, Рахилина 2024]. Как показали эти исследования, даже в текстах классической литературы XIX века, например, в произведениях Лермонтова, обнаруживается множество семантических и морфосинтаксических расхождений с современным языком, которые нуждаются в каталогизации, лингвистическом анализе и комментировании [Рахилина и др. 2024], а, например, «процент устаревших языковых единиц в “Герое нашего времени” составляет не менее 20» [Рахилина, Резникова, Бородина 2016: 245]. Важным для нашего исследования является следующий тезис: «Если отступления от синхронной грамматической нормы обычно очевидны даже при поверхностном чтении, то исторические изменения в лексике часто остаются незаметными для носителя» [Рыжаченков, Рахилина 2024: 2012]. Поэтому именно анализ корпусных данных способен верифицировать и объективировать эти ненаблюдаемые явления в семантической истории слов и выражений русского языка.

Применительно к наречиям эта проблематика была очерчена в работах А.Б. Пеньковского, который сфокусировал исследовательское внимание на том, что в текстах, начиная с XVIII в. и примерно до 70-х гг. XIX в., наблюдается значительно большее смысловое и функциональное разнообразие в употреблении наречий (в сравнении с русским языком XX в.), связанное с недостаточной специфицированностью разных значений применительно к разным условиям употребления: «...Отношения между единицами в наречных парах, пучках, рядах и многочисленных группах до конца 3-й четверти XIX в. оставались отношениями неупорядоченной или слабо упорядоченной эквивалентности. Наречия в таких объединениях не обнаруживали сколько-нибудь существенных различий в значениях, валентностных и сочетаемостных возможностях и свободно замещали друг друга в тождественных или близких контекстах. С другой стороны, благодаря широте и диффузной размытости наречной семантики одно и то же наречие могло свободно использоваться в различных контекстах» [Пеньковский 2004: 288].

Наблюдения ученого позволили уловить динамику семантического и функционального развития системы русских наречий, начиная примерно с 70-х годов XIX в. и вплоть до наших дней: «...Адвербиальная сфера, функционировавшая на началах свободного варьирования, подвергается кардинальным преобразованиям. Здесь идут, усиливаясь и углубляясь, многочисленные и разнонаправленные процессы дифференциации. Они вносят в слабо связанные распадающиеся наречные множества все более строгие принципы внутренней упорядоченности – с все более тонкой и четкой специализацией их членов, с все более жесткими ограничениями, накладываемыми на их употребление, с выделением /.../ все новых и все более мелких семантических признаков, которые определяют развитие отдельных наречных рядов и всей адвербиальной сферы в целом, обуславливают возрастающую сложность и уникальность содержания отдельных ее элементов и превращают ее в высокоорганизованную систему» [там же: 288–289].

Современные методы корпусных исследований дают возможность верифицировать положения А.Б. Пеньковского посредством микродиахронического анализа массива корпусных данных. Это позволяет обосновать **концепцию настоящего исследования**, связанную с применением научного аппарата микродиахронического корпусного анализа для выявления семантических и функциональных преобразований русских наречий за период с конца XVIII до XXI вв. (см. подробнее раздел 2.1 главы II). Данное исследование осуществляется посредством микродиахронического корпусного анализа, процедура которого разрабатывается и апробируется на корпусном материале сотрудниками Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН (в создании НКРЯ и совершенствовании корпусных методов принимали также участие исследователи из НИУ ВШЭ, МГУ им. М.В. Ломоносова, РГГУ, СПбГУ, ИЯз РАН, ИЛИ РАН и др. университетов и научно-исследовательских институтов, см. [Национальный корпус русского языка 2009]).

Предлагаемый в исследовании научный инструментарий позволяет объективировать и верифицировать наши интуитивные представления о преобладании того или иного значения наречной леммы в современный период, а также об изменениях в семантической парадигме наречия на фоне прошлых состояний русского языка – столетней или двухсотлетней давности. Также он способствует выявлению функциональной вариативности лексем – применительно к наречиям это означает установление условий разных типов их употреблений как собственно наречий, как безлично-предикативных слов, как модальных (вводных) слов и как частиц. Для этого осуществляется качественный и количественный анализ употребления наречий по разным периодам истории языка.

Кроме этого, корпусные данные позволяют не только зафиксировать изменения значений наречий, но и оценить динамику изменений в функционировании синонимичных лексем во времени. Например, интуитивно кажется, что наречие *нежданно* в значении 'неожиданно, непредвиденно' [БАС-

VII 1958; МАС-II 1986], которое широко представлено в текстах XIX века, постепенно вытесняется наречием *неожиданно* '1. непредвиденно; 2. внезапно' [БАС-VII, 1958; МАС-II, 1986] и сохраняется, в основном, в сочетаниях *нежданно-негаданно*.

Вот некоторые иллюстрации из НКРЯ по соответствующим хронологическим периодам⁵:

НЕЖДАННО (XVIII–XIX вв.): *Всегда Бог ему пошлет все нужное, иногда, он говорит, бывали такие случаи, что **нежданно**, будто с неба, ему необходимое свалится, как посылка, а лишнего никогда нет – вот и мне точно также* [А.Н. Дубельт. Письма к мужу (1850)]; *Вчера совсем **нежданно** получил я дружеский ответ Франциуса и Рама; они мне сообщают известия об остальных моих товарищах-студентах* [А.Н. Вульф. Дневник (1832)]; ***Нежданно** ко мне пришла от него помощь* [Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)].

НЕОЖИДАННО (XX–XXI вв.): *Но **неожиданно** оказалось, что менеджеры по управлению персоналом разучились выбирать лучших* [Кадры, которые нам не подходят // «Computerworld», 2004]; *Новичок, ставя перед собой посильные задачи, увлекается поиском их решения и **неожиданно** для себя испытывает переживание, близкое по феноменологии к мотивации потока* [А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова. Роль мотивации «потока» в развитии компетентности хакера // «Вопросы психологии», 2003]; *Одно второстепенное в романе Лермонтова обстоятельство **неожиданно** получает глубокий смысл: единственную подлинную, непреходящую любовь Печорина зовут Верой* [Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», 2002].

⁵В приводимом ниже описании лексем *неожиданно* и *нежданно* использованы фрагменты нашей работы: Олонцев А. А. Семантическая эволюция и функциональное варьирование русских наречий через призму микродиакронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей Международной научной конференции, Ярославль, 24–25 мая 2024 года / Под науч. ред. Е. Н. Лагузовой, Т. П. Курановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. – С. 205–212. [Олонцев 2024с].

Однако детальный анализ корпусных данных за период XX–XXI вв. показывает, что наречие *нежданно* по-прежнему употребляется в современной речи, причем не только в художественных текстах, для выразительности, намеренной архаизации или придания стилистической возвышенности повествованию, но и, например, в языке СМИ, во вполне нейтральных контекстах: *Ведь когда гражданин берёт кредит, а ему в нагрузку «цепляют» несколько дополнительных финансовых продуктов, он получает нежданно дополнительную нагрузку, с которой не справляется* [Господа банкиры, предъявите паспорта! // Парламентская газета, 2020.12.11]; *Взять нежданно свалившуюся на мир пандемию коронавируса* [В парламенте намерены снять барьеры на пути социальных НКО // Парламентская газета, 2020.06.08]; *Но не тут-то было – друзья-товарищи нежданно нагрянули всем табором, чтобы устроить ему сюрприз* [Известия, 31.08.2019]. На подготовительном этапе исследования, с опорой на материалы А.Б. Пеньковского [Пеньковский 2004], был выбран исходный **список наречий**, которые на временном интервале с конца XVIII до XXI вв. явным образом демонстрируют семантические и функциональные расхождения с интуитивно ощущаемой нормой их употребления в речевых практиках современных носителей русского языка. В этот список попали наречия, характеризующие разные аспекты агентивных (контролируемых) ситуаций: *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно*, характеристики неконтролируемых или не полностью контролируемых ситуаций: *нечаянно, второпях*, и наречия, отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент: *наверно(е), естественно*. Указанный набор наречий представляет собой лишь первоначальный список, которым ограничивается данная работа. Он необходим как отправная точка для дальнейших исследований, в процессе которых, несомненно, будет расширен.

В качестве источников языкового материала для анализа выбранных нами наречий на основе Национального корпуса русского языка (основной корпус, газетные корпуса, корпус «Русская классика») нами было сформировано два

подкорпуса их употреблений в разные хронологические периоды: конец XVIII – XIX вв. и XX – XXI вв. Общий объем выборки текстовых фрагментов с интересующими нас словами составил около 5 500 контекстов.

Корпусные данные соотносятся с данными лексикографических источников – толковых словарей современного русского языка [БАС 1950–1965; МАС 1985–1988; Даль 1999; БТСРЯ 2000; СЕ 2000; Ефремова 2006; Ожегов, Шведова 2000; БУСРЯ 2017] и исторических словарей русского языка [СРЯ XI–XVII 1982; СРЯ XVIII 1989].

В целом предлагаемый нами научный инструментарий корпусного микродиахронического анализа русских наречий должен стать надежным аналитическим средством для верификации и объективации данных, полученных в ходе синхронно-диахронического описания семантики слов и выражений русского языка в исторической перспективе.

Основные выводы по содержанию главы I

В главе представлено теоретическое освещение данных существующей научной, учебно-методической и справочной литературы, посвященной синхроническому и диахроническому описанию системы русских наречий. Обосновано узкое понимание наречий, согласно которому из состава наречия исключаются слова категории состояния и вводно-модальные слова, но включаются местоименные наречия.

Показано, что многие семантические, словообразовательные, морфологические и синтаксические особенности наречий как «переходной области» между разными частями речи коренятся в истории образования класса этих слов, во многом «унаследованы» ими из предшествующих периодов развития русского языка. Изменчивость и подвижность состава наречий и наречных выражений берут свое начало в истории формирования этой части речи в русском языке.

Проанализированы разные точки зрения на проблему принципов выделения наречия в отдельную часть речи. Подтверждено, что своеобразие наречия как части речи проявляется: (1) на уровне категориального значения признака действия / состояния / другого признака / ситуации в целом; (2) на уровне морфологических свойств – неизменяемости; (3) на уровне синтаксических функций – быть обстоятельством или детерминантом (в периферийных функциях – быть несогласованным определением или входить в состав составного именного сказуемого в двусоставном предложении).

Дан обзор классификаций наречий по разным основаниям: знаменательные VS. местоименные; собственно-характеризующие (определительные) VS. обстоятельственные.

Охарактеризованы переходные явления в области наречий, в частности, переход наречий во вводно-модальные слова и частицы.

Дана общая характеристика традиционных и новых методов синхронического структурно-семантического и функционального, диахронического историко-лингвистического и сравнительно-исторического анализа наречий. Обоснована целесообразность применения методики микродиахронического корпусного анализа для адекватного описания динамики семантических и функциональных изменений в русской адвербиальной системе.

По результатам проведенного теоретического исследования была выработана концепция данной работы, которая заключается в корпусном микродиахроническом качественном и количественном исследовании семантических изменений и функциональной вариативности ряда русских наречий, а также в оценке скорости изменений, их динамики. Материалом исследования послужили наречия, характеризующие разные аспекты агентивных и неагентивных ситуаций, а также отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент.

Реализация предложенной исследовательской модели осуществляется во второй главе настоящей работы.

ГЛАВА II. Опыт микродиакронического корпусного анализа русских наречий: конец XVIII – XXI вв.

В главе II представлен концептуальный аппарат описания наречий (раздел 2.1) и результаты корпусного микродиакронического анализа русских наречий, характеризующих разные аспекты агентивных (контролируемых) ситуаций и ситуаций с неполным контролем (разделы 2.2 и 2.3), а также русских наречий, отражающих точку зрения наблюдателя и / или включающих модальный компонент (раздел 2.4).

2.1. Концептуальный аппарат описания наречий, используемый в работе

Цель нашей работы, как уже было сказано во введении, – сравнить употребления группы наречий (по данным НКРЯ) с конца XVIII в. до настоящего времени и установить произошедшие за этот период семантические и функциональные изменения. Весь изучаемый период был разбит на два интервала – конец XVIII–XIX вв. и XX–XXI вв. Сразу оговоримся, что, с точки зрения языка, эта граница условна: тексты начала XX в. создавались авторами, которые сформировались в XIX в., и несут на себе черты языка XIX в.; то же относится к границе между XX и XXI вв. и между XVIII и XIX вв. Однако данная условность «круглых чисел» неизбежна.

Для того чтобы корректно описать семантические изменения, необходимо иметь надежные инструменты выделения и разграничения значений.

Поскольку наша тема – не лексикографическое, а корпусное исследование, формулировка значений наречий кажется задачей технической и вспомогательной. Однако, в действительности, это необходимый и фундаментально важный подготовительный этап работы. Поэтому мы вынуждены

были большое внимание уделять анализу словарей и лексикографическому представлению значений.

Подготовительная работа естественным образом включала два этапа:

- анализ словарных толкований;
- идентификация (верификация) значений по подкорпусам конца XVIII–XIX вв. и XX–XXI вв., необходимая как для фиксации изменений, так и для статистических подсчетов.

При работе со словарными толкованиями возникли неизбежные трудности, так как аппарат традиционных лексикографических толкований несовершенен (в частности, используются синонимические и отсылочные толкования, см., например, [Шимчук 2003: 31–32]). В работах Московской семантической школы, в первую очередь – в трудах Ю.Д. Апресяна (см., в частности, [Апресян 1995; 2006; 2010; 2014]) были изложены принципы системной лексикографии и интегрального лексикографического представления лексемы (провозглашенные еще Л.В. Щербой [1974], но не реализованные до конца XX в.). В интегральное лексикографическое представление лексемы входит: семантика (аналитическое толкование на специальном метаязыке; в качестве подготовительного этапа предполагается анализ ситуации, которую описывает лексема); коннотации; прагматическая информация; морфология (грамматическая парадигма, особенности форм; морфологическая семантика); модель управления (для предикатной лексики); синтаксические характеристики (сочетаемость и синтаксические конструкции); парадигматические связи – синонимы (в том числе – фразеологические), аналоги, конверсивы, антонимы; словообразовательные связи, в том числе – дериваты; просодия и коммуникативные свойства (несет ли лексема фразовое ударение; тяготеет ли к теме / реме и под.); в интегральном словаре в словарную статью лексемы записываются также некоторые типы правил ([Апресян 2006: 55–69; 2010; 2014], см. также [Апресян 1995: 95–106]).

Однако эти принципы начали реализовываться только в словарях XXI вв. – НОССРЯ, ПАС, АС. При этом фактически они применяются, в основном, для

существительных, прилагательных и глаголов; словарных статей наречий в этих словарях чрезвычайно мало – обычно есть только прилагательные; например, в НОССРЯ есть статьи, включающие *нечаянно*, *охотно* и *наверно* (два последних – в синонимических рядах с глаголами), но нет статей на другие наречия из нашего списка; в 1-ом томе «Активного словаря русского языка» [АС–I] мы обнаружили лишь несколько наречий – *безбожно* (только в значении степени: *безбожно врать / фальшивить*), *безвыходно*, *безмолвно*, *безусловно*, *близко*, *быстро*, *больше* (ср. степ. прил. и нар.); в большинстве случаев АС не дает наречий, если есть однокоренное прилагательное (*беззаботный*, *беззаветный*, *безмятежный*, *благоразумный*, *благородный* и т.д.). В словарях XX в. (как, впрочем, и во многих словарях XXI в., в которые нередко механически переносится значительная часть информации из словарей XX в. – если не считать специальных словарей вроде [Бурцева 2005]) наречия тоже часто не имеют отдельной словарной статьи; качественные наречия включаются в статью однокоренного прилагательного и не толкуются – ср. *бережно*, *заботливо*, *нечаянно* и др. (БАС, МАС, БТСРЯ), для них даются только примеры употребления – причем для современных словарей это нередко просто предложения, то есть минимальные контексты (в словарях Т.Ф. Ефремовой [СЕ 2000] и [Ефремова 2006] примеры вообще отсутствуют). В более ранних словарях БАС и МАС приводятся также примеры из текстов. Однако они извлечены, в основном, из текстов классической литературы XIX – первой половины XX вв., которые не отражают актуального (то есть конца XX – начала XXI вв.) словоупотребления.

Даже если наречие имеет словарное толкование, оно обычно толкуется через синонимы (то же относится к толкованию однокоренного прилагательного). Однако эти синонимы имеют сложную семантическую парадигму (систему значений) и собственные типы употреблений в текстах (будучи полноценными единицами лексической системы), поэтому синонимические замены далеко не всегда являются эквивалентными толкуемому слову и друг другу.

Весьма красноречив и поучителен в этом отношении пример лексикографического представления наречия *нечаянно*. Как мы покажем ниже (см. раздел 2.3.1), идею толковать *нечаянно* через ‘ненамеренно, случайно’, которая реализована в целом ряде словарей, нельзя признать удачной, так как *ненамеренно* и *случайно*, хотя и имеют смысловые сближения, не вполне синонимичны, а в качестве средств толкования скорее описывают разные типы употребления *нечаянно* и должны служить не для объединения, а для противопоставления этих типов.

В разных словарях обнаруживается разное деление на значения: в одних словарях значения получают самостоятельный статус (и собственный номер), в других те же значения могут даваться под одним номером в виде конъюнкции или дизъюнкции (примеры см. ниже). Поэтому мы препарировали лексикографические данные, систематизируя формулировки толкований из словарных статей. В каждом параграфе представлены итоги предварительного этапа исследования – анализа лексикографических источников, – хотя для удобства читателя мы иногда давали и сами словарные толкования.

На следующем этапе исследования – в ходе работы с корпусом – выяснилось, что словарные толкования не всегда отражают реальное употребление лексической единицы в разные периоды ее функционирования в языке и нуждаются в уточнении. В нашем случае может существенно различаться набор значений и их иерархия в семантической парадигме слова в периоды конца XVIII–XIX вв. и XX–XXI вв. Соответственно, нумерация значений в словарной статье может не отражать их реального соотношения (подтверждаемого корпусными данными). В ходе исследования выяснилось, что период «ближней диахронии» (XVIII–XIX вв.) нередко требует особой лексикографической фиксации для многих лексем и заслуживает не только комментариев к этим лексемам в электронных ресурсах (как это делается в некоторых уже существующих проектах, о которых шла речь в главе I, см. [Рахилина, Резникова, Бородина 2016]; [Рахилина, Бычкова 2024]; [Рыжаченков, Рахилина 2024]), но и

отдельного словаря XIX в. («Словарь русского языка XIX века» разрабатывается группой лексикографов ИЛИ РАН, см. https://xix.iling.spb.ru/?_gl=1*_snbtso*_ga*MTc2NjI3Njc4Mi4xNzcyMDYxMjIw*_ga_0XSXPB8GSZ*czE3Nzg4NTQ4NDkkbzkkZzEkdDE3Nzg4NTQ4OTMkajE2JGwwJGgw, но пока реализована лишь небольшая часть проекта).

В силу этого для фиксации значений и их идентификации в текстах нам пришлось использовать не только словарные толкования, но весь инструментарий современной семантики.

Важным инструментом описания семантики является фреймовый анализ [Рахилина, Резникова 2013] – анализ ситуаций, обозначаемых лексемой в определенном значении.

Интересующая нас методика фреймового анализа разработана в лексической типологии и успешно апробирована на большом материале [Рахилина, Прокофьева 2004]; [Элементы 2023] (разумеется, понятие фрейма используется и в других направления лингвистики, но их обзор не предполагается нашей темой). Фрейм в лексической типологии – это тип ситуации, который лексикализован одной и той же или разными лексемами в каждом из изучаемых языков. В характеристику фрейма входят различные признаки и параметры ситуации – конкретная / абстрактная, предельная / неопредельная, контролируемая / неконтролируемая; характер актантов (онтологические категории участников ситуации – см. [Падучева 2000; 2004]), наличие-отсутствие каузации, наличие-отсутствие результата и др. Разным фреймам (модификациям фрейма) соответствуют разные значения слова либо разные слова. Например, при описании поля ‘**менять(ся)**’ выделяются: фрейм **модификации** (*Он очень изменился за это время; Принцесса преобразилась; модифицировать систему*); фрейм **превращения** (*Кощей превратил царевну в лягушку; Корабль переделали в казино*), фрейм **обмена** (*обменять / выменять лекарства на хлеб*) и др., см. [Овчинникова и др. 2026]; полю ‘**делить(ся)**’ соответствуют фреймы: ‘**делить на части**’ (*разделить пирог на четыре части*), ‘**распределять между собой**’

(разделить конфеты между собой); **‘вместе обладать, использовать’** (делить комнату в общежитии) и др. (см. [Андреева 2026]). Фреймовый подход эффективен не только в типологических исследованиях, но и при описании материала одного языка. Мы будем вместо термина «фрейм» использовать более привычные термины «концептуальная схема ситуации» и «тип ситуации». Естественно, что структура фрейма (ситуации) отражается в семантическом типе предиката, обозначающего ситуацию.

Другим эффективным методологическим приемом при описании значений является анализ сочетаемости (ср. [Рахилина 2000: 16–17; 109–113]; [Зализняк 2006]). Использование сочетаемости как одного из важнейших инструментов выделения и разграничения значений было обосновано еще в работах А. Вежбицкой [Wierzbicka 1985]. Идея А. Вежбицкой состояла в том, что сочетаемость предопределяется семантикой лексемы, и разные компоненты значения «отвечают» за сочетаемость с теми или другими словами и классами слов.

В дальнейшем эта методика эффективно применялась в работах Е.В. Рахилиной для описания предметных существительных, в работах Е.В. Падучевой – для описания глаголов, в работах Г.И. Кустовой – для синхронического описания глаголов, прилагательных и наречий, см., например, [Рахилина 2000], [Падучева 2004], [Кустова 2004]. Ключевая роль сочетаемости как одной из важных составляющих в инструментарии комплексного описания лексемы была обоснована в работах [Апресян 1974 / 1995; 2006], [Апресян и др. 2019]; эти идеи (в числе других) легли в основу концепции «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка» [НОССРЯ 1997 / 2004] и «Активного словаря русского языка» [АС 2014–2025].

В ходе исследования семантического взаимодействия наречия с другими словами в предложении мы также обращались к этим идеям.

Ключевым контекстом для анализа семантики наречия является предикат, с которым синтаксически связано наречие (предикат, разумеется, отражает признаки ситуации). Здесь учитывались:

- семантические характеристики предиката и особенности обозначаемой им ситуации: агентивный – неагентивный (в том числе – стативный), физическая ситуация (физическое действие человека, физический процесс) – нефизическая ситуация (ср. ментальные предикаты *знать*; *рассматривать* [что как что]; *предполагать*) – ситуация, совмещающая физические и нефизические компоненты, ср. *встретить X-а в коридоре* ('идти' + 'увидеть');

- состав актантов предиката и их семантические роли (в частности – наличие пациенса, экспериенцера);

- аспектуальные свойства предиката и ситуации: единичная – повторяющаяся – постоянная ситуация.

Мы использовали семантические классификации предикатов и принципы семантического анализа, представленные в работах [Апресян 2006], [Булыгина 1982], [Васильев 1981; 1990; 2005], [Кустова 2004], [Падучева 2004], [Филипенко 2003].

В предложении может употребляться финитная форма предиката (сказуемое) либо его «редуцированная» форма: адъективная репрезентация – причастие, ср. *осторожно приоткрытая дверь*; адвербиальная репрезентация – деепричастие, ср.: *осторожно оглянувшись*. Все эти варианты мы рассматривали как связь с глаголом, в том числе случаи, когда причастие обозначает перфектное состояние (результат предшествующего действия) и смещается в сторону прилагательного, ср. *аккуратно подстриженный*. (принципиальную «глагольную ориентацию» наречий как слов, «находящихся на службе у глагола», подчеркивал еще А.Б. Пеньковский [2004: 289]).

Иногда приходится учитывать не только сочетаемость, но и позицию наречия при предикате (на важность этого параметра также обращал внимание А.Б. Пеньковский [2004: 172–174]).

При изменении сочетаемости может измениться не только значение, но и функциональная характеристика слова. Например, если *аккуратно* сочетается не с предикатом предложения, а с количественной группой: *доставляет мне аккуратно пятнадцать тысяч* [НКРЯ] или с адвербиальным выражением: *Он ложился аккуратно в 22 часа* [НКРЯ], – это свидетельствует не только о семантических, но и о функциональных изменениях: слово в таких контекстах употребляется в функции частицы. Возможен и «сдвиг» в другую сторону – в позицию предиката предложения: *Мне охотно* или *Я второпях*.

Еще один необходимый этап работы – анализ свойств самого наречия. Наречия, по сравнению с другими частями речи, в том числе служебными, описаны гораздо менее полно и подробно. Это относится как к грамматическим свойствам наречий (прежде всего синтактике, ведь именно она является ключевой характеристикой для неизменяемых слов), так и к семантическим. Как было показано в разделе 1.2.4, основное деление наречий, принятое в литературе, – на качественно-характеризующие и обстоятельственные – является слишком общим, а более детальной общепринятой семантической классификации пока не существует: разные исследователи выделяют классы наречий разного объема и по разным основаниям (см. обзор в главе I).

Поскольку анализ языковых особенностей наречий не является нашей специальной темой, мы не можем углубляться в эту проблематику и вынуждены принимать некоторые рабочие решения исходя из конкретных задач исследования и опираясь на существующую литературу.

Для целей нашего исследования релевантными представляются такие свойства наречий, как сфера действия, агентивность-неагентивность (семантическая связь с агенсом, экспериенцером или наблюдателем), кореферентность-некореферентность.

Одна из важных семантико-синтаксических характеристик наречий – их сфера действия (СД). Противопоставляются наречия с фиксированной СД и

плавающей СД [Филипенко 2003], [Рудницкая 1994] (в общетеоретическом плане понятие сферы действия было обосновано в работах [Богуславский 1985; 1996]).

Наречие (как и, например, деепричастие) – это «редуцированный», несамостоятельный предикат, который в предложении присоединяется к другому предикату – чаще всего, к сказуемому (*аккуратно пришел; осторожно открыл*), но не только, ср. контекст деепричастий: *аккуратно сложив бумаги в папку; осторожно подкрavшись; охотно меняя тему; нечаянно прикоснувшись к лезвию* – и причастий: *аккуратно завернутый в бумагу; осторожно пробирающийся сквозь чащу; охотно раздававший автографы; нечаянно угодивший в болото* (напомним, что контекст причастий и деепричастий мы рассматриваем как контекст глаголов).

Большинство описанных в работе наречий – *аккуратно, бережно, заботливо, осторожно, охотно* – присоединяются к предикатам агентивных ситуаций. Хотя наречие, характеризующее агентивную ситуацию, не имеет синтаксически выразимых валентностей агенса (субъекта) и пациенса (объекта), оно, безусловно, связано с семантическими ролями глагольного предиката, ориентировано на них, что настойчиво подчеркивал А.Б. Пеньковский. Говоря о глубинном плане семантики наречий, который «несет информацию о субъектах и объектах» («вторых» субъектах и объектах, которые соответствуют субъектам и объектам глаголов), ученый выдвигал идею валентностей наречий и подчеркивал, что существуют «...глубинные планы в семантике наречий *второях* ‘небрежно’ + ‘из-за спешки’ и *заботливо* ‘тщательно’ + ‘в заботе о’, обусловленные их субъектной и объектной детерминацией второго плана. Говоря о вторых субъектах и объектах, мы имеем в виду **виртуальные субъектные и объектные валентности**, которыми наречия как лексические единицы обладают еще вне и до текста» [Пеньковский 2004: 290]. Однако эта идея, к сожалению, не получила дальнейшего развития. Наречия традиционно считаются предикатными словами, однако их основная валентность – валентность на ситуацию (обычно выражаемую

глаголом), фрагмент ситуации (ср. терминологию фиксированной и плавающей сферы действия).

Наша проблематика не позволяет нам подробно исследовать (и тем более решать) эту проблему, поэтому мы вынуждены принять технические терминологические решения, позволяющие анализировать материал.

В литературе используется термин «агентивный признак» применительно к прилагательным (см., например, [Рахлина 2000: 114]). Тем более правомерно говорить об агентивных наречиях – это наречия, которые характеризуют действие агенса и сочетаются с агентивными глаголами: *аккуратно, бережно, заботливо, осторожно, охотно* (раздел 2.2). Они обозначают дополнительный (к основному предикату) признак агенса.

Агентивные наречия имеют кореферентное употребление, то есть характеризуют действие того же лица, которое является агенсом основного глагола: *аккуратно развернул подарок* = X развернул, X был аккуратен.

Однако наречие не всегда семантически связано с субъектом. И речь идет не только об «объектной ориентации», которую рассматривал А.Б. Пеньковский, когда говорил, что наречия типа *заботливо, бережно* семантически связаны не только с субъектом, но и с объектом [Пеньковский 2004: 290–291], но и о другом типе употребления, который у Пеньковского [там же: 291] тоже назван объектной ориентацией: *К нам неожиданно приехали гости*. Во избежание путаницы такой тип употребления мы будем называть некорреферентным: глагольный предикат относится к *гостям*, а характеристика *неожиданно* – к *нам*, то есть глагол и наречие характеризуют разных субъектов, причем субъект *неожиданно* – экспериенцер.

Некорреферентное употребление экспериенциальных наречий, когда наречие приписывает характеристику не подлежащему (субъекту глагола-сказуемого), а другому участнику ситуации (синтаксически – дополнению), описано в [Кустова 2004: 269]: *Врач больно сжал запястье пациенту*: ‘Врач сжал, пациенту больно’, ср. также [Кустова 2026, в печати].

В предложениях типа *Х больно ударил Y-а* синтаксический объект (дополнение), точнее его референт, имеет двоякую роль: в качестве объекта ситуации *Х ударил Y-а* объект Y является пациентом, но в качестве носителя состояния ‘больно’ Y является экспериенцером.

Конструкция с некорреферентными субъектами предикатива и инфинитива описана также в [Кустова 2024] для предикативов с интерпретационной семантикой (*Некрасиво читать чужие письма* = X читает, Y оценивает это действие как нарушающее этическую норму).

Мы не ставим задачи последовательно описать корреферентные-некорреферентные употребления наречий, но при описании некоторых наречий мы вынуждены обращаться к этой терминологии. В частности, в нашем материале встретился случай, когда в одном значении наречие характеризует субъекта ответственности, который выражен подлежащим (*Х нечаянно выронил ключи* – ‘X утратил контроль, X выронил ключи’), а в другом – экспериенцера, который некорреферентен подлежащему (...*приехала так нечаянно, не предупредив* [НКРЯ] – ‘X приехал к Y-у неожиданно: X приехал, Y не ожидал’), см. раздел 2.3.1.

Наречия *нечаянно* и *второпях* описаны в особом разделе (2.3), поскольку они характеризуют ситуации с нарушением или отсутствием контроля. Они сочетаются с контролируруемыми предикатами, которые используются для описания ситуаций с нарушением контроля (*нечаянно положил ключи не в ту сумку* – хотя ситуация «X положил ключи в сумку» является контролируемой, в ней есть фрагмент с нарушением контроля – ошибочный выбор сумки). Эти наречия могут присоединяться и к предикатам неконтролируемых ситуаций (ср. *нечаянно упал / уронил чашку; второпях забыл бумаги*); впрочем, эти предикаты часто описывают незапланированный, случайный (и обычно негативный) результат контролируемой ситуации, то есть в более широком плане связаны с агентивными ситуациями.

Забегая вперед, отметим, что *нечаянно* и *второпях* могут быть связаны не только с неконтролируемыми, но и с контролируемыми предикатами:

1) некорреферентное *нечаянно* формально относится к агентивным предикатам, ср.: *Он уехал так нечаянно* = ‘X уехал, Y не ожидал’, – *уехал* – агентивный предикат X-а, но наречие связано с Y-ом; 2) *второных* в значении ‘поспешно’ также относится к агентивным контролируемым предикатам: *второных седлали коней*. Однако наиболее репрезентативным для них является использование в качестве характеристик неконтролируемых или не полностью контролируемых ситуаций, что и отражено в названии раздела 2.3.

Раздел 2.4 посвящен единицам (они выступают не только в функции собственно наречий, но и вводных слов) с модально-оценочной семантикой, которые связаны с понятием наблюдателя. Понятие наблюдателя было введено в работе [Апресян 1986] для объяснения, в частности, неправильности предложений типа **На дороге показался я* (в отличие от правильных предложений *На дороге показался грузовик*). Во многих случаях под наблюдателем понимают субъекта восприятия (зрительного, слухового), ср. термин Е.В. Падучевой «эксперимент за кадром» [Падучева 2004: 210–214]. Однако есть и более широкое понимание фигуры наблюдателя (которого придерживаемся и мы в данной работе) – например, в [Кустова 2024], где наблюдатель понимается как «внешнее», «постороннее» лицо, которое не участвует в ситуации, но осмысляет и оценивает ее как интерпретатор, ср. *Неэтично обсуждать коллег в их отсутствие* (субъект обсуждает, наблюдатель-интерпретатор оценивает его действие как неэтичное). При этом наблюдатель может получать информацию о ситуации не только перцептивно, при непосредственном восприятии (как наблюдатель в узком смысле), но и из любых других источников.

Единицы с модально-оценочной семантикой, подобные рассмотренным в разделах 2.4.1 (*наверное*) и 2.4.2 (*естественно*), как правило, функционируют в языке не только в качестве наречий, но и в качестве вводно-модальных слов. Мы не можем подробно останавливаться на проблеме полифункциональности, сошлемся на уже упоминавшуюся диссертацию [Кузнецова 2017], где слова *безусловно*, *бесспорно*, *несомненно*, *естественно*, *натурально* названы

«модусными транспозитивами» и где подробно описано их функционирование. В этой работе наречное и вводное употребления слов с модусной семантикой считаются вариантами употребления одного и того же слова, и предлагается «говорить не о разных морфологических (частеречных) характеристиках данных слов, а о разных “позиционных вариантах”» [Кузнецова 2017: 79]; в работе [Киселева, Пайар 1994] также предлагается различать позицию вводности и позицию невводности; Н.К. Онипенко выделяет уже пять позиций для слов с модусной семантикой, в том числе рамочную – слово, присоединяющее придаточное, ср. *Верно, что Р* (устное выступление, цит. по: [Кузнецова 2017: 81]; ср. также [Онипенко 2013]).

В следующих разделах изложены результаты микродиахронического анализа конкретных наречий.

2.2. Характеристики контролируемых ситуаций

2.2.1. Наречия *бережно* и *осторожно*⁶

Наречия *бережно* и *осторожно* в современном русском языке – в некоторых своих семантических реализациях – близки по смыслу и являются синонимами, что отражается и в словарях. Русские словари не дают отдельных лексикографических описаний этих слов в наречной «ипостаси», указывая лишь на то, что *бережно* и *осторожно* – это наречия, образованные от прилагательных [БАС–I 1950; БАС–VIII 1959; МАС–I 1985; МАС–II 1986; СЕ–I 2000; БТСРЯ 2000]. По умолчанию предполагается, что данные качественные наречия наследуют все значения соответствующих прилагательных. В свою очередь, толкования исходных прилагательных *бережный* и *осторожный* имеют общие

⁶В подразделе 2.2.1. в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: Олонцев А. А. Наречия «бережно» и «осторожно»: проблема выявления изменений концептуальных схем в микродиахроническом корпусном исследовании / А. А. Олонцев // Когнитивные исследования языка. – 2024. – Вып. 2 (58), Ч. 1. – С. 323–327. (В списке литературы – [Олонцев 2024а]).

компоненты (*бережный* включает в толкование ‘осторожный’, а *осторожный* – ‘бережный’), как минимум, в одном из своих значений.

Приводимые ниже значения являются результатом анализа и обобщения материалов указанных выше словарей.

Разумеется, в разных словарях, в зависимости от объема, лексикографических и семантических представлений автора / авторов, типа источников, времени создания и др. факторов, нумерация и детали толкований не всегда совпадают. Так, в [МАС–I 1985] у *бережный* выделяется одно значение, но оно представлено в виде конъюнкции: ‘заботливый и осторожный. *Бережное отношение*’, – что соответствует двум значениям. В [БТСРЯ 2000] словарная статья *бережный* включает те же два значения, представленные в виде дизъюнкции: ‘заботливый, внимательный или осторожный, аккуратный’, – плюс отдельное значение ‘бережливый’. Примеры, приводимые для наречия *бережно*, которое включено в словарную статью прилагательного *бережный*, соответствуют этим трем значениям: *Б. укутывать, обнимать* [‘заботливо’]; *Б. наливать в бутылку что-л.* [‘осторожно, аккуратно’]; *Б. расходовать бензин* [‘бережливо, экономно’].

В ходе работы с материалом словарей учитывался семантический класс глагола (или другого слова), с которым сочетается наречие, характеристики актантов – одушевленность-неодушевленность, семантическая роль (агенса, пациенса, экспериенцера, посессора и т.п.). Выделенные на основе анализа словарей значения верифицируются многочисленными контекстами употреблений из НКРЯ.

Анализ словарей и данных НКРЯ позволил выделить следующие значения:

БЕРЕЖНЫЙ: (1) ‘заботливый, внимательный’; (2) ‘осторожный, осмотрительный, аккуратный’; (3) ‘расчетливый, бережливый, экономный’ [БАС–I 1950; МАС–I 1985; Ефремова–I 2000; БТСРЯ 2000];

ОСТОРОЖНЫЙ: (1) ‘крайне осмотрительный в своих действиях, поступках’ [БАС–VIII 1959; МАС–II 1986], ср.: *осторожный человек*; (2) ‘совершаемый,

производимый с предосторожностью, так, чтобы не привлечь внимания, не потревожить кого-, что-л.’ [БАС-VIII 1959; Ефремова–I 2000]; (3) ‘совершаемый негрубо, **бережно**, заботливо, чтобы не потревожить, не причинить вреда и т.п.’ [БАС-VIII 1959; МАС–II 1986] – вариант в БТСРЯ: ‘совершаемый не в грубой форме, **бережный**, заботливый; тактичный’ [БТСРЯ 2000], ср.: *О. обращение с чем-л.* В словарях выделяются также значения (4) и (5), которые нас не интересуют и приводятся для полноты картины: (4) ‘сдержанный, слабый, нерезкий’ [БАС-VIII 1959; Ефремова–I 2000], ср. *осторожные ночные звуки, осторожная радость*; (5) ‘сдержанный, нерезкий; нерешительный (о словах, суждениях)’ [СЕ–I 2000; БТСРЯ 2000]⁷ (последнее значение «поглощается» значением (3) из БАС и МАС).

Нас интересуют значения *бережный* 1 и 2 и *осторожный* 2 и 3, так как именно они напрямую связаны с наречиями.

Как видно из формулировок, некоторые семантические компоненты у отдельных значений совпадают. Поэтому в реальных речевых употреблениях наречия, образованные на базе этих прилагательных, в некоторых случаях взаимозаменяемы (ср. *Х бережно / осторожно положил Y*; см. примеры ниже). Однако есть и такие контексты, где употребление одного наречия вместо другого дает аномалию. На одну из таких аномалий в работе о художественной речи А. Платонова обратил внимание Т.Б. Радбиль: ... *и бережно пошел дальше* («Чевенгур»). Исследователь отмечает, что если вместо *бережно* [*пошел*] использовать *осторожно* [*пошел*], то аномалия устраняется [Радбиль 2007]. Слово *бережно* (в значении ‘внимательно, заботливо’, то есть ‘намереваясь **сберечь** что-л., **не повредить** какой-л. объект’) обычно используется в ситуации, которая предполагает наличие **объекта** и тем самым обязательную направленность на объект этого отношения.

⁷Из рассмотрения исключаются отмеченные в словарях случаи употребления слова *осторожно* в роли слова-предложения в функции предупреждения: «*Осторожно!* (восклицание в знач.: будь внимателен, грозит опасность)» [Ожегов, Шведова 2000].

Отметим, что бережное отношение, обращение распространяется не только на одушевленный объект – человека:

Братья, бережно придерживая Андрея Николаевича, выдернули пробку из надувного матраца /.../ [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998],

– но и на неодушевленный объект, особенно если есть дополнительные мотивы – объект является хрупким:

Прежде всего снял очки, протер их и бережно положил на ящик вверх стеклами [И. Грекова. Первый налет (1960)];

– объект представляет ценность для субъекта:

Королевич осторожно, как величайшее сокровище, взял воздушный платочек двумя пальцами, осмотрел со всех сторон и бережно сунул в наружный боковой карманчик своего парижского пиджака [Валентин Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)].

Таким образом, в концептуальную схему использования наречия *бережно* входит наличие двойной семантической связи этого признака не только с действием, но и обязательно с объектом действия (хотя бы инкорпорированным), то есть *бережно* включает не только характеристику действия, но и специальную цель субъекта относительно объекта. Поэтому, с точки зрения семантических ограничений, действующих в современном языке, можно *бережно нести что-л., бережно обнимать / укутывать / класть / прижимать, бережно относиться к чему-л., бережно обращаться с чем-л.*, но нельзя **бережно идти, ехать, сесть, стоять*, то есть сочетаемость с действиями, не имеющими валентности на объект, аномальна.

Концептуальная схема ситуации, которая имеет характеристику *осторожно*, то есть ‘стараясь не нарушить положения вещей, хода событий; остерегаясь воздействия негативных факторов’, напротив, семантически акцентирует именно план **субъекта** – источника этого отношения, а наличие объекта не имеет значения: поэтому можно и *осторожно ходить*, и *осторожно молчать*, и даже *осторожно дышать*, см. [Радбиль 2007].

Бережно и осторожно в подкорпусе XX – XXI вв.

В современном языке, примерно с начала XX в. и до наших дней, имеет место семантическое распределение наречий *бережно* и *осторожно*, которое связано с реализацией разновалентных концептуальных схем. Это распределение легко подтвердить многочисленными примерами из НКРЯ (подкорпус XX – XXI вв.).

БЕРЕЖНО – ‘стараясь не повредить / не навредить’:

Напряженно думая и бережно прижимая к груди улику, Шерлок Холмс пошел дальше [В. Э. Карпов, Т. В. Мещерякова. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // «Информационные технологии», 2004];

Поскольку прибор поставляется в сложенном состоянии, бережно разверните его /.../ [«Столица», 1997.06.17];

Теперь надо рассказывать о тех, кто бережно и деликатно включают элементы народного костюма в модели сегодняшнего дня... [Народный костюм: архаика или современность? // «Народное творчество», 2004];

Одного взгляда на сам музей, напоминающий русский терем, <... > достаточно, чтобы понять: здесь бережно хранят традиции предков и последовательно собирают все лучшее, что создается в Школе [Музей-ларец // «Народное творчество», 2004].

ОСТОРОЖНО – ‘осмотрительно’:

А не думаете ли Вы, осторожно спрашивал его изумленный Олег Басилашвили, что, ежели не голосовать, ежели бюллетень-то с полной ответственностью не опустить в урну, то вся их работа, вкупе с клубами и жаркими странами, может накрыться в один миг медным тазом? [vmalcolm. Запись LiveJournal (2004)];

Хавбеки Дзанетти, Сорин и Симеоне участвовали в наступлении весьма осторожно – ибо пружиной выстреливавшая английская контратака в любой момент могла удвоить счет [Дмитрий Навоша. Защита Англии. Эрикссон - Бьелса - 1:0 // «Известия», 2002.06.07];

*В восточнославянской мифологии Мороз – существо уважаемое, но и опасное: чтобы не вызывать его гнев, **обращаться** с ним следовало **осторожно**; прося не губить урожай, его задабривали; им пугали детей* [Елена Душечкина. Дед Мороз и Снегурочка // «Отечественные записки», 2003];

*Тем не менее **ездить** по снегу надо очень **осторожно** – клиренс у Argo маленький, а ходы подвески практически отсутствуют* [Николай Качурин, Денис Литошик. Главное – маневры // «Автопилот», 2002.03.15].

Даже в ситуациях, где есть физический объект, характеристика *осторожно* может быть совершенно не связана с опасением повредить этот объект:

*А почему наш любимый папа смотрит так подозрительно? **Осторожно приоткрываю дверь** и заглядываю вовнутрь... Обычная сцена – Павлик играет на компьютере.* [Елена Павлова. Вместе мы эту пропасть одолеем! // «Даша», 2004];

– очевидно, осторожность вызвана не тем, что субъект опасается повредить дверь (ср.: *бережно положил очки / развернул прибор*).

Как видно из примеров, у рассматриваемых значений есть две семантические модели, которые связаны с установками субъекта в ходе реализуемой ситуации, обозначенной главным предикатом (обычно – глаголом): в одном случае субъект старается не причинить ущерб объекту, «оберегает» объект, который может быть поврежден (*бережно развернуть; бережно положить*) или утрачен (ср. *бережно относиться к традициям*); во втором – опасается внешнего негативного воздействия, вмешательства внешних сил, от которого может пострадать и объект (если он есть), и сам субъект, и, вообще, может нарушиться ход ситуации. Таким образом, семантическая доминанта *осторожно* – сохранение контроля над ситуацией.

Несколько огрубляя, можно констатировать, что в современном языке у *бережно* основным значением является ‘заботливо, стараясь не повредить объект, не навредить ему, оберегая его от негативных воздействий’, у *осторожно* основное значение – ‘осмотрительно, опасаясь нарушить ход ситуации, остерегаясь вмешательства негативных факторов’. В первом случае внимание

обращено на объект, во втором субъект старается контролировать прежде всего себя, свои действия и окружающую обстановку. Именно в силу «объектной ориентации» ситуация, характеризуемая наречием *бережно*, предполагает манипуляции с объектом или с телом человека, находящегося в беспомощном состоянии, не (полностью) контролирующего свое тело (ребенок, больной, раненый, спящий и т.п.).

Выделяемые в [БТСРЯ 2000] компоненты в значении *осторожный* 3 – ‘Совершаемый не в грубой форме, **бережный, заботливый; тактичный**’. *О. обращение с чем-л., О. предложение. О. вопрос. О. замечание* – по-разному реализуются в разных контекстах: компонент ‘заботливый’ можно усматривать лишь в редких случаях при наличии физического объекта (*осторожное обращение с мелкими вещами. [МАС–II 1986]*). В остальных случаях (*О. вопрос. О. замечание*) акцентируется скорее компонент ‘тактичный, деликатный’.

Расхождение значений для *бережно* и *осторожно* подтверждается возможностью их «встречи» в одном контексте в качестве однородных членов, что было бы нежелательно при их понятийном тождестве; в подкорпусе XX – XXI вв. обнаружено 73 контекста – с сочинительным соединительным союзом *и* или с бессоюзной связью, ср., например:

*Литературовед, коль скоро он отваживается на интерпретацию, оказывается призванным на свой страх и риск, а вместе с тем **осторожно и бережно приближаться** к тому, что в составе художественного произведения является тайной [В. Е. Хализев. Теория литературы (1999)];*

*Мы ценим друг друга за хорошее отношение, может быть, даже любим (обратим внимание, как **осторожно, бережно относится** автор письма к этому главному слову – «может быть, даже любим...») – в этом вся сила семьи [Галина Ронина. Черное и белое // «Сельская новь», 1988];*

*Срифмовались любовь, боль и кровь, и, несмотря на нетерпение, на жадность, он заставил себя **двигаться бережно и осторожно**, не позволил сорваться с места в карьер, а затем обнаружил, что гримаса боли на ее лице*

сменилась оскалом жадности, и вместе с этой переменной исчезла и вся его осторожность... [С. А. Самсонов. Аномалия Камлаева (2006-2007)];

Между тем председатель Петр Артемьевич вот уже полгода гулял с женой по деревне под ручку – на виду у всех вел Марию Тихоновну бережно, осторожно, как барыню-сударыню [Виль Липатов. Еще до войны (1971)].

Бережно и осторожно в подкорпусе конца XVIII–XIX вв.

Анализ текстов более раннего хронологического периода существования русского языка показывает, что ситуация была иной. Так, в работах А.Б. Пеньковского были отмечены некоторые употребления в языке А.С. Пушкина, свидетельствующие о том, что слово *бережно* употребляется именно в значении ‘осторожно’: *На красных лапках гусь тяжелый, / Задумав плыть по лону вод, / Ступает бережно на лед*. Ученый справедливо отмечает, что приводимые в русских толковых словарях [БАС-I, 1950; МАС-I 1985] толкования слова *бережно* – ‘заботливо’, ‘внимательно’ – к данному употреблению не подходят [Пеньковский 2004: 93]. Здесь *бережно* – именно ‘осторожно’, ср. толкование прилагательного *осторожный*: ‘Совершаемый, производимый с предосторожностью, так, чтобы не привлечь внимания, не потревожить кого-, что-л.’ [МАС-II 1986]. В другой работе А.Б. Пеньковский приводит еще один пример семантической недифференцированности *бережно* и *осторожно*: *Он встал и бережно сделал несколько шагов* (Г.П. Данилевский) [Пеньковский 2004: 288].

Корпусные данные конца XVIII – XIX вв. также демонстрируют многочисленные примеры употребления *бережно* в значении ‘осторожно’:

Услышав о нем, он немедленно встал, бережно прошел между столами и стульями, достиг передней, собственноручно снял шинель, надел, вышел – и исчез на неопределенное время [Ф.М. Достоевский. Господин Прохарчин (1846)];

Эйхенвальд весьма удовлетворительна, но в последнем действии упала очень плохо, бережно и ненатурально [В.А. Теляковский. Заметки по управлению

Московскими Императорскими театрами с 13 октября 1898 года по 26 ноября 1899 года (1899)];

... он испугался при мысли, что барин, может быть, его не докликался: **подошел бережно** к дверям и увидел, что князь, все еще сидя в креслах, покоится тихим сном [Н.И. Греч. Черная женщина (1834)];

Ни пустой шум суеты, ни гром экипажа не смутит тебя: **объедут бережно** и улицу, в которой ты будешь жить [Н.В. Гоголь. Выбранные места из переписки с друзьями (1843-1847)];

Стрелка показывала уже восемь минут второго, когда Петр Андреевич Клейнмихель, осторожно отворив дверь кабинета, поспешно, но **бережно** ступая по полу, подошел к письменному столу и, выпрямившись, встал, как на часах [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)].

По этому поводу здесь уместно вспомнить уже приводившийся нами ранее комментарий А.Б. Пеньковского: «Отношения между единицами в наречных парах, пучках, рядах и многочленных группах до конца 3-й четверти XIX в. оставались отношениями неупорядоченной или слабо упорядоченной эквивалентности. Наречия в таких объединениях не обнаруживали сколько-нибудь существенных различий в значениях, валентностных и сочетаемостных возможностях и свободно замещали друг друга в тождественных или близких контекстах. Ср. отношения между *бережно* и *осторожно* ...» [Пеньковский 2004: 288].

Однако если в предшествующий период развития русского языка для этих наречий действительно имели место отношения «свободного замещения в тождественных контекстах», тогда и наречие *осторожно* должно было бы использоваться в значении 'бережно'. Как мы показали выше, в БАС имеется словарная дефиниция исходного прилагательного *осторожный*, которая предполагает сему 'бережный' в качестве элемента толкования одного из значений: '2. Относящийся бережно, внимательно к кому-, чему-либо; **деликатный**' [БАС-VIII 1959]. При этом показательно, что в качестве

иллюстраций к данному толкованию прилагательного приводятся только примеры из текстов XIX в.: «*Николай понял, что что-то должно было случиться до обеда между Соней и Долоховым, и, с свойственной ему чуткостью сердца, был очень нежен и **осторожен** во время обеда в обращении с ними обоими.* Л. Толст. Война и мир. [Анна Петровна:] *Душа моя, вы все **осторожны** со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болезнь?* Чех. Иванов. *У Обломова в кабинете переломаны или перебиты почти все вещи, особенно мелкие, требующие **осторожного** обращения с ними.* Гонч. Обломов. *Василий Иванович несколько раз пытался самым **осторожным** образом расспросить Базарова об его работе.* Тург. Отцы и дети» [БАС-VIII 1959].

При этом о реализации значения ‘бережный, деликатный’ можно говорить в случае взаимодействия субъекта с личным объектом, то есть с другим человеком; при взаимодействии с физическим предметом (*осторожное обращение с вещами*) скорее наблюдается синкретизм *бережного* и *осторожного*–‘осмотрительного’.

Что же касается самого наречия *осторожно*, то к нему в БАС приводятся только иллюстрации, без толкования. Однако если в примере из текста XIX в. можно усматривать у *осторожно* значение ‘бережно, деликатно’: *Нельзя было нежнее, **осторожнее** и вместе с тем серьезнее **обращаться**, чем обращался с нею граф Безухов.* Л. Толст. Война и мир, – то в примерах из текстов XX в. наречие *осторожно* употребляется уже в современном значении: ***Осторожно оглянувшись**, не идет ли кто, она [бабушка] обнимает меня.* М. Горький, В людях. *Она пошла вперед **осторожно**, боясь шуршать брусничником и мхами.* Бубенн. Бел. береза. [БАС-VIII 1959].

Таким образом, БАС, в принципе, подтверждает возможность употребления наречия *осторожно* в значении ‘бережно’, демонстрируя это на примерах из текстов XIX в. Но если для *бережно* можно найти множество примеров, когда наречие употребляется в значении ‘осторожно’, так сказать, «в чистом виде», ср. *ступая **бережно** на лед; подошел **бережно** к дверям,* то для *осторожно*

в «чистом» значении 'бережно' такие примеры найти трудно, и корпусные данные из подкорпуса конца XVIII – XIX вв. употребления *осторожно* демонстрируют скорее некоторый синкретизм 'бережно' и 'осторожно':

*Когда рана на холкѣ велика, смѣшать и стереть 64 золотника мази тополевой, 32 золотника патоки, и столькожъ чернаго мыла, съ рюмкою водки: этою смѣсью мазать **осторожно** рану* [В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство, часть II (1795)];

*На другой день послѣ того, когда погода ясная и сухая, выбираютъ плоды по одиначкѣ изъ корзины, и кожа **осторожно сдирается** ногтями* [О способѣ, какимъ приготовляются сливы въ Бриньолѣ // Магазины общепольныхъ знаний и изобрѣтений съ присовокупленіемъ моднаго журнала, раскрашенныхъ рисунковъ, и музыкальныхъ нотъ. Часть первая. съ Генваря до Іюня, 1795];

*Иногда сон преодолевал меня; тогда Туту легонько отворяла окошко, которого никогда я не запираю задвижкой, протягивала ко мне лапу и **осторожно** меня будила* [Антоний Погорельский. Двойник или мои вечера в Малороссии (1828)];

*Глаза ее, совсем посеревшие, устремились на вошедшего, и, когда он **осторожно** провел по лбу, стоны сделались явственнее и жалобнее* [Л.Н. Андреев. Друг (1899)];

*Нас у ворот крепости ожидала толпа народа; **осторожно перенесли** мы раненую к Печорину и послали за лекарем* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)]

– особенно акцентируется компонент 'бережно' при личном объекте.

Итак, корпусные данные показывают, что в языке XIX в. у *бережно* и *осторожно* было другое распределение значений по сравнению с современным языком, чем и объясняются соответствующие «нестандартные» употребления *бережно*, а также «смещенность» *осторожно* в сторону *бережно*, – хотя во втором случае о семантической эквивалентности и полной взаимозаменяемости говорить, по-видимому, не стоит.

Сопоставление корпусных данных

На следующем этапе исследования нам необходимо проверить, насколько актуально в речевой практике современных носителей русского языка выявленное для периода конца XVIII – XIX вв. отсутствие строгого семантического распределения наречий *бережно* и *осторожно*, – то есть нужно обследовать подкорпус XX – XXI вв. с целью обнаружения в нем возможных случаев употребления наречия *бережно* в значении ‘осторожно’ и наречия *осторожно* – в значении ‘бережно’.

Анализ первых 300 вхождений в подкорпус XX – XXI вв., извлеченных методом сплошной выборки, выявил 16 случаев употребления наречия *бережно* в значении ‘осторожно’:

Профессор бережно шел рядом со мной [Б.Б. Вахтин. Из китайского дневника (1966-1967)];

Она медленно и бережно села в сани [Ю.Н. Куранов. Облачный Ветер (1966)];

Зачем шум? Все бережно говорят, тихонько. Шум ведь никому не нужен [Вячеслав Рыбаков. Вода и кораблики (1992)];

Ничего нового ты не узнал, ты лишь окончательно убедился в том, о чем умело и бережно молчал сам с собою все свои одинокие годы [Андрей Дмитриев. Закрытая книга (1999)];

... и машина, помедлив, осторожно переместилась на отвод, бережно покачивая кузовом, проползла по набитой еще, с оледенелыми колеями дороге в сторону от бетонки... [Петр Проскурин. В старых ракетах (1983)];

– Это он на вас намекал, Карл Иванович, – бережно сказал Митя, – все отметили, наследник вроде вам завидует, потому что государь особливо к вам ласков [О.Д. Форш. Михайловский замок (1946)].

Надо отметить, впрочем, что эти примеры из литературных текстов XX в. для современного языка звучат достаточно непривычно и скорее производят впечатление нарушения нормы сочетаемости. При этом в единственном примере

из текста XXI в. употребление *бережно*, возможно, объясняется тем, что в предложении уже есть прилагательное *осторожный* (чтобы избежать повтора) – либо целями стилизации (архаизации языка, что характерно для произведений жанра фэнтези):

Осторожный пёс сперва замер, высоко задрал голову, а потом медленно, бережно пошёл с ними во двор [Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)].

При этом в некоторых из найденных контекстов обнаружено явление, которое А.Б. Пеньковский обозначил как «совмещение значений» [Пеньковский 2004], когда в контексте не дифференцируются, как это обычно бывает, а нейтрализуются семантические различия между разными значениями одной лексемы.

Так, в примере: *Николай Иванович бережно вел машину по бездорожью* [Ю.М. Поляков. Любовь в эпоху перемен (2015)] – можно усматривать и значение ‘желая **сберечь** машину от поломки’, присущее в норме наречию *бережно* (скорее всего, это основная версия интерпретации данного предложения), и значение ‘**остерегаясь** возможной аварии’, характерное для наречия *осторожно*.

Аналогично в примере: *Аверинцев говорил в Англии о своем повторяющемся кошмаре: он на шатких деревянных мостках над скверным болотом. Вдумчиво, бережно говорил Сергей Георгиевич Бочаров. Он начал с упомянутого Евгением Борисовичем аверинцевского приглашения в ИМЛИ...* [В.В. Бибихин. Сергей Сергеевич Аверинцев (1998-2004)] – *бережно* при непереходном употреблении глагола *говорить* (= ‘выступать с речью’), скорее всего, соотносится со значением ‘осторожно’, то есть ‘опасаясь сказать лишнее’; однако здесь возможна и вторая интерпретация: ‘деликатно, опасаясь обидеть, задеть чьи-то чувства’, – и даже третья: ‘скупое, экономя слова, сберегая речевые усилия’ – одно из значений наречия *бережно*.

Для наречия *осторожно* анализ первых 300 вхождений в подкорпус XX – XXI вв. выявил 9 случаев употребления, в которых можно усматривать значение

‘бережно’ – с учетом сделанной выше оговорки о синкретизме ‘бережно’ и ‘осмотрительно, остерегаясь плохого Р’:

*Мы **осторожно перенесли** его на ковер – боялись, что инфаркт (нелады с сердцем у него случались)* [Игорь Кио. Иллюзии без иллюзий (1995-1999)];

***Осторожно вынимать** из картонной коробки завернутые в газетную бумагу елочные игрушки – любимый ритуал моего детства* [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

*От самого сознания, что великая Плисецкая спит на моей кровати, подступили слезы. Я **осторожно накрыла** ее пледом* [Сати Спивакова. Не всё (2002)];

*Они отболтали тайну, и длинный, двухметровый ящик понесли, как гроб, и **осторожно спустили** его на дно воронкообразной могилы* [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998].

Заметим, что значение ‘бережно’ у наречия *осторожно* обычно можно усмотреть в тех ситуациях, когда субъект опасается причинить ущерб другому человеку (*осторожно перенесли его на ковер – боялись, что инфаркт*) или повредить объект (*осторожно вынимать елочные игрушки*). Не исключено, что ‘бережно’ – ассоциативный, «наведенный» компонент. В «чистом виде» он едва ли может быть верифицирован.

Подводя итог анализу корпусных данных, можно заключить, что в современном языке употребления *бережно* в значении ‘осторожно’ немногочисленны и являются, скорее всего, результатом сознательной архаизации либо особенностями идиолекта автора. Употребления *осторожно* в значении ‘бережно’, строго говоря, не верифицируемы: смысл ‘бережно’ может иметь статус ассоциативного компонента. В приводимых ниже подсчетах мы допускаем такую интерпретацию *осторожно* условно, со сделанными выше оговорками.

В целом же, в современном языке, в отличие от языка конца XVIII – XIX вв., *бережно* и *осторожно* вполне дифференцировались и специализировались: *бережно* акцентирует отношение к объекту (‘субъект опасается причинить ущерб

объекту’), *осторожно* выдвигает на первый план субъекта (‘субъект опасается причинить ущерб самому себе либо нарушить ход ситуации, что не исключает и ущерба объекту’).

Квантитативный анализ распределения значений наречий в разные хронологические периоды.

На завершающем этапе исследования, с целью оценить динамику семантических изменений, был проведен количественный анализ распределения значений для наречий *бережно* и *осторожно* в разные хронологические периоды. Как уже было сказано выше, подсчет количества употреблений проводился по первым 300 вхождениям каждого из наречий *бережно* и *осторожно* в подкорпус конца XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв. Подсчитывалось количество употреблений: (1) наречия *бережно*: семантически распределенных с употреблениями наречия *осторожно*; совпадающих по значению с наречием *осторожно*; (2) наречия *осторожно*: семантически распределенных с употреблениями наречия *бережно*; совпадающих по значению с наречием *бережно*. Получены следующие результаты (см. Табл. 1).

Таблица 1.

Семантическое распределение наречий *бережно* и *осторожно* в разные хронологические периоды

Бережно		кол-во	%	Осторожно	кол-во	%
конец XVIII – XIX вв.						
бережно	≠	189	63,0	осторожно ≠ бережно	143	81,0
осторожно						
бережно	=	111	37,0	осторожно = бережно	57	19,0
осторожно						
XX – XXI вв.						
бережно	≠	284	94,7	осторожно ≠ бережно	291	97,0
осторожно						

бережно	=	16	5,3	осторожно = бережно	9	3,0
осторожно						

Результаты анализа количественных данных доказывают ощущаемое на интуитивном уровне абсолютное преобладание семантически распределенных употреблений наречий *бережно* и *осторожно* (*бережно* ≠ *осторожно* и *осторожно* ≠ *бережно*) для периода XX – XXI вв. Иная картина наблюдается по данным за период конца XVIII – XIX вв., где преобладание семантически распределенных употреблений над семантически нераспределенными (*бережно* = *осторожно* и *осторожно* = *бережно*) не столь ощутимо: для наречия *бережно* наблюдается достаточно большое количество контекстов, где *бережно* употребляется в значении ‘осторожно’ – чуть больше одной третьей части от всей выборки; гораздо меньше контекстов для этого периода, где наречие *осторожно* употребляется в значении ‘бережно’ – чуть меньше одной пятой от всей выборки. В целом квантитативный анализ подтверждает мысль А.Б. Пеньковского о «дрейфе» в развитии области значений русских наречий от конца XVIII в. и до нашего времени в направлении «семантической дифференциации» и «внутренней упорядоченности».

К частным результатам проведенного квантитативного анализа можно отнести выявленную статистическую закономерность – количественную асимметрию семантически распределенных употреблений анализируемых наречий: наречие *бережно* в значении ‘осторожно’ употребляется примерно в два раза чаще, чем наречие *осторожно* в значении ‘бережно’, причем это соотношение сохраняется для обоих интересующих нас хронологических периодов. Одним из возможных объяснений этого может быть представление о смысловой выводимости *бережно* из *осторожно*: *бережно* предполагает *осторожно* в качестве своего условия, то есть является импликацией из *осторожно*.

Таким образом, микродиахронический анализ корпусных данных позволяет в полной мере говорить о концептуальной дифференциации и семантической специализации наречий *бережно* и *осторожно* только начиная с XX в., и то указанный процесс не представляется окончательно завершенным. Об этом свидетельствуют словарные толкования данных лексем в современных русских толковых словарях, а также корпусные данные по современному периоду развития языка, в которых все же имеется незначительное количество семантически нераспределенных употреблений наречных лексем *бережно* и *осторожно*.

2.2.2. Наречие *аккуратно*⁸

Наречие *аккуратно* имеет определенную смысловую близость с проанализированными в предыдущем разделе наречиями *бережно* и *осторожно*. Кроме того, это наречие, как и слова *бережно* и *осторожно*, имеет аналогичное категориальное значение образа действия. Но, в отличие от *бережно* и *осторожно*, *аккуратно* демонстрирует гораздо больший диапазон значений и грамматических функций, а также значительный оценочный потенциал.

***Аккуратно* в словарях и в подкорпусе XX – XXI вв.**

На начальном этапе мы провели анализ словарных толкований наречия *аккуратно* и сравнили их с данными подкорпуса XX – XXI вв. Обобщив данные основных русских толковых словарей, мы получили следующие результаты (каждое из значений верифицировано контекстами, извлеченными из подкорпуса XX – XXI вв.):

(1) ‘старательно и тщательно, соблюдая порядок’ [БАС–I 1950; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; СЕ–I 2000; БАС–Н–I 2004]:

⁸В подразделе 2.1.2 настоящего раздела 2.1, в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: Олонцев А. А. Семантические изменения наречий в русском языке: лексема *аккуратно* (на основе корпусных данных) / А. А. Олонцев // Русский язык в школе. – 2025. – Т. 86, № 2. – С. 86–95. (В списке литературы – [Олонцев 2025]).

*Промаринованные крылышки **аккуратно разложить** на решетке на верхней полке духовки, а снизу поставить сковороду, куда будет стекать маринад [«Даша», 2004];*

*В качестве шаблона берем отрезок водопроводной трубы подходящего диаметра с **аккуратно обрезанной** торцевой частью [«Народное творчество», 2004];*

(2) 'Исправно, соблюдая порядок, точность; пунктуально' [БАС–I 1950; МАС-I 1985; БАС-Н–I 2004; СЕ–I 2000]:

*«Если этот проект будет удачно реализован и если все регионы страны будут его **аккуратно выполнять**, то это затронет уже в 2021 г. 40 млн наших граждан», – резюмировала вице-премьер [Ведомости, 2021.02.05];*

*«Она также одна из двух-трех стран после США, которые **аккуратно платят** взносы», – отметил президент [РИА Новости, 14.07.2019];*

*Они **аккуратно ходят** на все лекции, а если преподаватель заболел, заботливо интересуются, когда же он дочитает им недостающие часы [«Коммерсантъ-Власть», 2002];*

*При этом, что интересно, в опрошенных агентством банках отмечают, что в целом заемщики **обслуживают** свои целевые кредиты достаточно **аккуратно**: доля ссуд с просрочкой выплат свыше 30 дней составляет 7,6 % [Vesti.ru, 28.01.2020];*

(3) 'Регулярно, периодически, не нарушая графика, распорядка' [СЕ–I 2000]:

*И **приходили** номера этих журналов более или менее **аккуратно** [М.А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937)];*

*Но покамест, летом и в начале осени восемьсот двадцать шестого года, Максим Яковлевич **аккуратно посылает** своему шефу депешу за депешей [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988-1989)];*

(4) 'Опрятно, чисто' [СЕ–I 2000]:

– Да, – ответил дед Иван, **аккуратно одетый**, причесанный и умытый и даже уже позавтракавший кружкой горячей воды [Людмила Петрушевская. Маленькая волшебница // «Октябрь», 1996];

А то вы все в пижаме да в пижаме... Уважающий себя человек **выглядит аккуратно!** И Дарья, переодевшись, торжественно повела себя на кухню кормить завтраком [Наталья Ермильченко. Колыбельная // «Мурзилка», 2000];

(5) 'Разг. Осторожно' [БАС–I 1950; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; СЕ–I 2000]:

МЧС России призывает граждан **аккуратно обращаться** с пиротехникой, не запускать петарды и фейерверки рядом с жилыми домами [Парламентская газета, 2020.05.08];

Это одна из тех основ, на которых стоит мексиканская экономика, и **действовать** здесь нужно крайне **аккуратно** [«Дипломатический вестник», 2004];

Тогда Моссовет срочно принял постановление об удалении монумента – скульптуру **аккуратно сняли** с постамента краном и вывезли на пустырь неподалеку от нового здания Третьяковской галереи [Парламентская газета, 2021.02.19].

Отметим, что в разных словарях эти значения даются в разном порядке. В [БТСРЯ] первым дается значение 'старательно и тщательно, соблюдая порядок' (**аккуратно перевязанная стопка книг**), в [БАС–Н–I 2004] первое значение – 'соблюдая порядок, точность; пунктуально'.

Исходя из общих представлений о логике семантического развития значений (от физических ситуаций – к абстрактным, см., в частности, [Кустова 2004]; [Падучева 2004]), мы будем считать значение 'старательно и тщательно' первым, а 'пунктуально' – вторым.

Отметим, что компонент 'соблюдая порядок' имеет статус, так сказать, метакомпонента и «проецируется» на разные ситуации – манипуляции с физическим объектом (1), нефизические ситуации или ситуации с нефизическим компонентом (2); регулярно повторяющиеся ситуации разной природы (3).

В первом значении *аккуратно* является характеристикой физических ситуаций: *аккуратно сложить вещи*.

Данная характеристика предполагает направленность на объект, в чем можно усматривать сходство с *бережно*. Однако *бережно* характеризует действие субъекта и отношение к объекту на интервале деятельности (*бережно положил очки на ящик – ?очки бережно положены / *бережно лежат*), а *аккуратно* в значении ‘тщательно, старательно’ характеризует ситуацию как на интервале деятельности субъекта (*аккуратно раскладывал вещи / обрезал края*), так и на интервале результата (то есть характеризует и сам результат – конечное состояние): *аккуратно разложил вещи → вещи аккуратно разложены; аккуратно обрѣзал края → аккуратно обрѣзанные края*.

При этом компонент ‘соблюдая порядок’ тоже имеет скорее физическое содержание и относится к «дизайну» ситуации, физическому расположению, соотношению предметов и их частей (например, обнаруживающему некоторую симметрию).

Кроме того, *аккуратно* в первом значении обычно относится к единичным ситуациям (конкретно-фактическое значение СВ и конкретно-процессное НСВ).

Значение (4) ‘опрятно, чисто’ (*аккуратно одет*) связано со значением (1) ‘старательно, тщательно’, но относится не столько к интервалу действия, сколько к интервалу результата: человек опрятно, прилично выглядит; одежда чистая и опрятная, то есть имеет аккуратный **вид**. *Аккуратно* в таких случаях обычно сочетается с причастиями в стативном значении, ср.: *аккуратно одетый*, либо со стативными глаголами, ср.: *Уважающий себя человек **выглядит аккуратно!***. В то же время контексты *аккуратно подстриженный* или *аккуратно причесанный* скорее предполагают, что действие старательно, тщательно производилось и на интервале активности (*аккуратно стригли волосы, бороду*), и эта характеристика «унаследована» результатом (*аккуратная стрижка / аккуратно подстрижен; аккуратно подстриженная борода*). Поэтому примеры вида:

*Передо мной стоял мужчина средних лет с **аккуратно подстриженной** бородой, тронутой сединой* [«Коммерсантъ-Власть», 2002]

– могут быть отнесены как к значению (1), так и к значению (4) – или могут считаться синкретичными.

Характеристика ‘пунктуально, соблюдая установленный порядок’ (значение 2) относится к регулярно повторяющимся ситуациям – не только физическим, но и абстрактным: ***аккуратно посещает** лекции; **аккуратно платит** взносы*. Здесь компонент ‘соблюдая порядок’ отражает скорее установленные договоренности, требования, ограничения. При этом нередко данная характеристика имеет более конкретное значение ‘вовремя, в срок’.

Значения (2) ‘пунктуально’ и (3) ‘регулярно, периодически’ семантически близки (реализуют идею регулярной повторяемости ситуации) и выделяются как отдельные не во всех словарях. Тем не менее мы их разграничили вслед за Т.Ф. Ефремовой: **Аккуратно**. Соблюдая во всем порядок, точность. || Регулярно, не нарушая графика, распорядка [СЕ–I 2000]. Мы исходили из тех соображений, что значение ‘пунктуально’ агентивное, оно отражает не просто регулярность, а сознательную установку человека **соблюдать обязательства**, договоренности, порядок, не нарушать сроки. Как всегда бывает при тесной связи значений, в ряде контекстов идея сознательной установки человека на соблюдение «графика» может нейтрализоваться, ср.: *X **аккуратно платит** / **посылает депеши*** – с точки зрения субъекта X это реализация стремления выполнять обязательства, с точки зрения внешнего наблюдателя – просто регулярность повторяющегося события, и тогда значение (2) ‘пунктуально’ становится неотличимым от значения (3) ‘регулярно’, которое может характеризовать неличные ситуации (***журналы приходят аккуратно***) или ситуации с неагентивным субъектом (***будете получать мои письма аккуратно***), а при наличии личного субъекта не акцентирует стремления к повторению, а указывает просто на наличие некоторой периодичности. Это отчетливо видно в тех случаях, когда у субъекта нет намерения соблюдать регулярность, ср. пример из текста XIX в. (полностью он

приводится ниже): *соседние селения **аккуратно** выходят друг на друга с дреколем в руках по самым ничтожным поводам и бьются в кровь* [НКРЯ] – очевидно, что здесь нет цели придерживаться какого-либо графика, ситуация просто периодически повторяется.

Наконец, значение (5) ‘осторожно’ относится к ситуациям, в которых есть риск причинения ущерба субъекту и / или объекту, ср. *аккуратно обращаться с пиротехникой*.

Аккуратно в подкорпусе конца XVIII – XIX вв.

Теперь произведем «наложение» этих данных на данные подкорпуса конца XVIII – XIX вв. Мы обнаружим, что в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. указанные выше 5 значений также представлены достаточно регулярно:

(1) ‘Тщательно’:

*Утром он разобрал, однако, все свои патенты и **аккуратно** по порядку снова уложил их* [И.И. Панаев. Прекрасный человек (1840)];

*Мы с ним [сотрудником по журналу] усердно работаем, и он мне чрезвычайно полезен: составляет смесь, политику, кроме того, переводит разные статьи по моему указанию. Все это он **делает** умно, скоро, **аккуратно*** [А.В. Никитенко. Дневник (1840)];

*Сто рублей она **аккуратно** распределяла на год* [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)].

(2) ‘Соблюдая порядок, точность; пунктуально’:

*Я так точно, **аккуратно** докладывал, как все есть, без утайки* [А.Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)].

(3) ‘Регулярно’:

*Мы с ней в переписке; она взялась каждую неделю, день за день описывать мне всё, что делается в доме Давыдовых, и в Риме каждую среду **аккуратно** я получал ее письма* [П.И. Чайковский. Письма Н.Ф. фон-Мекк (1882)];

*Играл целый день на скрипке, терпеть не мог надевать калоши и три раза в неделю **аккуратно** бегал на почту* узнавать, нет ли для него писем, хотя писем, сказать правду, он не получал никогда [В.А. Соллогуб. Неоконченные повести (1843)];

*Квартиры **переменял** он **аккуратно** почти через два месяца, потому что он, заплативши обыкновенно вперед за первый, – он имел привычку до того откладывать на завтра плату за второй, что хозяин являлся обыкновенно к нему с надзирателем...* [А.А. Григорьев. Человек будущего (1845)];

*У нас, например, в некоторых местностях соседние селения **аккуратно** выходят друг на друга с дреколием в руках по самым ничтожным поводам и бьются в кровь до тех пор, пока голос капитан-исправника не вразумит враждующих, что все они дети одного отечества* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Сила событий (1870)];

*Теперь, стало быть, вы в Абрамцеве и будете **получать** мои письма **аккуратно*** [И.С. Аксаков. Письма родным (1849-1856)].

(4) 'Опрятно, чисто':

*Домичек небольшой, садик при нем, аллея для прохладности... чисто, **аккуратно!*** [М.Е. Салтыков-Щедрин. Убежище Монрепо (1878-1879)]

– в данном примере, из-за неполноты предложения, неразличимы краткое прилагательное, наречие и предикатив; однако с точки зрения семантики это не существенно, так как их значения совпадают;

***Аккуратно** одетая девушка, а рядом с ней картонка продолговатая, коричневая, с глянцевитой крышкой* [Г.И. Успенский. Живые цифры (1888)];

*У крыльца конторы нас встретил чрезвычайно расторопный старичок, низенький и сгорбленный, с густой серой щетиной на бороде и отвислых щеках, с клочками седых волос, **аккуратно** зачесанными на виски, и с огромною связкою ключей в руках* [А.И. Эртель. Записки Степняка (1883)];

*Бородка его была особенно **аккуратно** подстрижена и причесана* [А.П. Башуцкий. Гробовой мастеръ (1841)].

(5) 'Разг. Осторожно':

*Мы снова сождали и дали ей улететь, а потом тихонько подползли к самой лиственнице и **аккуратно спрятались** за толстою валежиной [А.А. Черкасов. Из записок сибирского охотника (Часть 3) (1884)];*

*Гм... Прошу **аккуратно узнать** и донести. Череспосоцица есть? [И.С. Тургенев. Нахлебник (1848)];*

*– А теперь разом напьется за все дни. По мне уж лучше **пить аккуратно**. Я сам, грешный человек, пью; этак, по рюмочке, по две, оно не мешает; перед обедом пользительно даже, можно сказать... [И.Т. Кокорев. Саввушка (1847)].*

Однако при этом данные подкорпуса конца XVIII – XIX вв. обнаруживают и ряд употреблений слова *аккуратно* в значениях, которые не зафиксированы в контекстах из подкорпуса XX – XXI вв. Так, например, только в БАС представлено еще одно значение (6) 'В просторечии. Бережливо, скромно, воздержно' [БАС–I 1950]. Скорее всего, мы здесь имеем дело с семантической деривацией на базе значения (5) 'Разг. Осторожно'. При этом, несмотря на то, что указывается только стилистическое ограничение (просторечный характер значения), но не указывается, что оно устаревшее, отметим, что иллюстративный материал к этому значению ограничен исключительно примерами из XIX в.: «[Анна Павловна:] *живете вы аккуратно?* [Гольдов:] *Очень аккуратно-с, и в трактир никогда не хожу.* А. Островский, Шутники, д. 1, явл. 2» [БАС– I 1950]. Его устаревший характер также подчеркивается полным отсутствием контекстов, в которых реализуется это значение, в подкорпусе XX – XXI вв.

Напротив, в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. это значение реализуется довольно регулярно, например:

*Она рассказывала, что Сережа в очень хорошем настроении, **живет аккуратно** и целомудренно [Т.Л. Сухотина-Толстая. Из дневника (1880-1910)];*

*Жена его постоянно жила с ним, и как она прежде помогала мужу, так и теперь помогает; но она **живет аккуратно** и от каждого рубля кладет в сундучок копеек пятнадцать, – иначе ей бы не на что было прокормить ребят,*

потому что она теперь, с грудным ребенком, не может заниматься торговлей [Ф.М. Решетников. Между людьми (1864)];

*– Послушай, братец; ты знаешь, я **жизнь провел аккуратно**, без долгов, имею состояньице и, слава богу, силы...* [А.Ф. Вельтман. Эротика (1835)];

*У меня оставалось всего двести рублей. Надо было **вести дела свои аккуратно**. В свою очередь, я сочинил объявление такого рода...* [К.М. Станюкович. Похождения одного благонамеренного молодого человека, рассказанные им самим (1879)].

Этими примерами подтверждается более широкий объем семантики для слова *аккуратно* в период его функционирования с конца XVIII по XIX вв.

Данные подкорпуса конца XVIII – XIX вв. позволяют обнаружить еще ряд значений, не отраженных в современных употреблениях слова *аккуратно* в подкорпусе XX – XXI вв. Также собранный материал по указанному подкорпусу позволяет понять и характер изменения значений слова в рамках семантической деривации.

Так, в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. обнаружены употребления наречия *аккуратно* в значении (7) ‘вовремя, точно в срок’:

*– О, топ cher, что ж ты меня за ребенка такого считаешь, – отвечал граф и уехал прямо к Домне Осиповне, а в пять часов **явился аккуратно к обеду** Бегушева и имел торжествующий вид* [А.Ф. Писемский. Мещане (1877)];

*Все ли шесть месяцев торжествовал Влас Калягин – не знаю; но 14 октября он **аккуратно явился** в банк и принес 15 р. (так гласят книга)* [Г.И. Успенский. Мученики мелкого кредита (1878)];

*Если б он опоздал хоть минуту, за ним тотчас же послали бы; но он **явился аккуратно*** [Ф.М. Достоевский. Идиот (1869)];

*Посылаю рукопись – вы видите, что я не задержал ее, но не успокоюсь, пока не получу известия, что она до вас **дошла аккуратно**.* [П.В. Анненков. Письма И.С. Тургеневу (1875-1883)].

Очевидно, что значение (7) 'вовремя, точно в срок' образуется на базе значения (3) 'регулярно, не нарушая графика', что вполне естественно: 'регулярно, по графику' имеет импликацию 'каждый раз в срок'; собственно, здесь есть и связь со значением (2), то есть с ситуацией выполнения обязательств, в том числе – соблюдения сроков выполнения договоренностей.

Однако значение (7) характеризуется иными условиями сочетаемости. Значение (3) 'регулярно, не нарушая графика' закономерно реализуется при глаголах несовершенного вида (в многократном значении), тогда как значение (7) 'вовремя, точно в срок' также закономерно тяготеет к глаголам совершенного вида, например:

Аккуратно получил, добрейший Иван Сергеевич, ваш долг, да еще и с походцем, который при случае возвращу [П.В. Анненков. Письма И.С. Тургеневу (1875-1883)];

Если вы честно и аккуратно уплатите через полгода по векселям, то каково-же тутъ подлогъ! [Н.А. Лейкин. В ожидании наследства (1889)];

Деньги я получил аккуратно и весьма чувствительно вам благодарен за их скорое прислание, но, увы! [П.В. Киреевский. Письмо А.А. Елагину (1834)].

Еще один семантический сдвиг, уже на базе значения (2) 'исправно, соблюдая порядок, точность; пунктуально', можно наблюдать при актуализации наречия *аккуратно* на материале подкорпуса XVIII–XIX вв. в значении (8) 'точно', например:

Они же, со своей стороны, удостоверясь, что дорожат только фасоном, а не деньгами, все аккуратно разочтут, исчислят и, отдать им честь, сделают превосходно и изящно! [Е.И. Расторгуев. Прогулки по Невскому проспекту (1846)];

– *А вот тут в повестке все аккуратно прописано* [А.И. Левитов. Московские «комнаты снебилью» (1863)].

При этом, как часто бывает в реальных текстах, иногда можно усматривать синкретизм, неразличение значений (2) и (8):

*Он увидел на месте, что приказчик был баба и дурак со всеми качествами дрянного приказчика, то есть вел **аккуратно** счет кур и яиц, пряжи и полотна, приносимых бабами... [Н.В. Гоголь. Мертвые души (1842)].*

Отметим, что данное значение в целом не характерно для периода XX – XXI вв., но в соответствующем подкорпусе была обнаружена одна тематическая область, где это значение все же воспроизводится достаточно регулярно. Это дискурс спортивных комментаторов игровых видов спорта, отмечающих точные удары по воротам, броски в корзину и пр., например:

*На 43-й минуте сначала прошла передача пяткой в штрафную площадь на Марсиньо, который подработал мяч под левую ногу и **аккуратно направлял** мяч в дальний нижний угол, но мяч прокатился в миллиметрах от цели [«Vesti.ru, 09.11.2014];*

*В концовке первого тайма все тот же Кокорин головой расчетливо поразил ворота соперника, **аккуратно подрезав** мяч в самый угол [Коммерсант, 07.09.2013];*

*Уже на 46-й минуте гости разыграли шикарную комбинацию: после передачи с фланга Каллуму Робинсону оставалось лишь **аккуратно направить** мяч в пустой угол – 1:2 [.ru, 03.09.2019].*

Возможно, здесь мы имеем дело с явлением «семантической памяти слова», когда значение, казалось бы, давно ушедшее из языка, тем не менее сохраняется в пассивном словарном запасе говорящих по-русски и в определенных коммуникативных условиях становится востребованным и возрождается уже в современной речевой практике.

Наблюдения над значением (8) 'точно' для употреблений слова *аккуратно* в XVIII–XIX вв. позволяют нам рассмотреть еще одну из задач, решаемых микродиахроническим корпусным анализом. Помимо семантических изменений, корпусный анализ позволяет верифицировать и функциональную вариативность исследуемых единиц языка во времени. Применительно к значению (8) 'точно' мы можем констатировать, что в ряде контекстов слово *аккуратно*, сохраняя

значение 'точно', меняет свою частеречную принадлежность, то есть употребляется в роли семантической определительно-уточняющей частицы (*Это точно был Иван*):

*Замечательно, что она произвела меня в это лестное звание **аккуратно с тех пор**, как заняла у меня три тысячи...* [А.В. Амфитеатров. Умница (из сборника «Бабы и дамы») (1890-1900)];

*Теперь происходит смена, и часов с шести или с семи вечера, как только стихнет дневной ветер, появляются целые тучи мошек и комаров, кусающих нестерпимо часов до восьми или девяти следующего дня, то есть **аккуратно до новой смены оводами*** [Н.М. Пржевальский. Путешествие в Уссурийском крае. 1867-1869 гг (1870)];

*Федор Христианыч доставляет мне **аккуратно пятнадцать тысяч*** [П.Д. Боборыкин. Жертва вечерняя (1868)].

Употребление *аккуратно* в роли частицы требует особых контекстных условий, а именно – использования этого слова при существительных, числительных, количественных словосочетаниях, чаще всего – в значении указания на временной промежуток или срок, а также на точку в пространстве, например:

*Со временем барский запой сделался постоянным, так что каждый день утром, **аккуратно в десять часов**, Иван Федотович с хозяйской точностью был уж немножко взволнован, а в одиннадцать совершенно пьян* [В.А. Соллогуб. Тарантас (1845)];

*Степан Трофимович заболел так серьезно, что он не мог отправиться на пароходе, который на этот раз явился **аккуратно в два часа** пополудни; она же не в силах была оставить его одного и тоже не поехала в Спасов* [Ф.М. Достоевский. Бесы (1871-1872)];

*В обществах Иван Иванович, разумеется, не бывает, но на Невском проспекте он гуляет **аккуратно от двух до четырех часов**, какая бы ни была погода* [В.А. Соллогуб. Неоконченные повести (1843)].

Интересно, что ситуации, не предполагающие участия лица, не допускают частицу *аккуратно*, ср. **Сейчас аккуратно пять часов*, – вероятно, потому, что эта частица сохраняет связь с агентивным наречием и используется в высказываниях, описывающих деятельность человека.

Справедливости ради отметим, что и в подкорпусе XX – XXI вв. имеется некоторое количество примеров, где *аккуратно* в роли частицы распространяет словосочетание «количественное числительное + существительное» с предлогом для обозначения момента времени:

*Все в отряде, да и в самом Мирном, настолько привыкли к этому, что, как один, **аккуратно в 9 часов** сидят, расположившись, кто как сумеет, в коридоре нашего дома, в ожидании очередной оперативки, где я подвожу краткий итог проделанной накануне работы и даю задания на сегодняшний день* [А.Ф. Николаев. Дневник (1958)];

*Он ложился **аккуратно в 22 часа**, ночное наблюдение в 1 час ночи я вообще взял на себя, чтобы он имел возможность спать 8 часов без перерыва; слушанием радио он мог заниматься только до 22 часов...* [А.И. Минеев. Пять лет на острове Врангеля (1936)];

*Вставал в десять часов утра и **аккуратно в одиннадцать часов** шел в трактир* [Вл.А. Гиляровский. Москва и москвичи (1926-1934)].

Впрочем, эти примеры датируются до 60-х гг. XX в., то есть не вполне отражают речевую практику новейшего времени.

Отметим также, что примеры вида: *А тогда не так уж много времени минуло, **аккуратно на разговорие**, в Петров день, встречаю опять около кабака Лазарку плешивого с Чудинихой* [Фридрих Горенштейн. Куча (1982) // «Октябрь», 1996] – не являются показательными, потому что в них воспроизводится архаизованная речь рассказчика в художественном повествовании, что явным образом не отражает особенности русской обыденной речи наших дней.

В современном языке употреблениям *аккуратно*-‘точно, как раз’ в функции частицы соответствуют употребления слов *аккурат* и *в аккурат* (прост.), ср.:

живет аккурат у пруда; в аккурат перед наступлением [МАС-І 1985], которые в словарях квалифицируются как наречия, но, по-видимому, должны быть отнесены к частицам.

Микродиахронический анализ корпусных данных употребления наречия *аккуратно* в период конца XVIII – XIX вв. также позволил выявить ряд значений, отсутствующих в подкорпусе XX – XXI вв. Пять отмеченных выше базовых значений этого наречия очевидным образом стилистически нейтральны, внеоценочны. Но уже на уровне компонентов словарных толкований некоторых значений, например, (1) ‘тщательно’ или (2) ‘исправно’, имеется потенциал для положительно-оценочного переосмысления. Этот потенциал реализуется и в подкорпусе XVIII–XIX вв., причем в трех семантических разновидностях.

Первая разновидность связана с переосмыслением *аккуратно* как общеоценочного предиката ‘хорошо’ в соответствии с импликацией когнитивной модели *аккуратно*: ‘исправно, тщательно → хорошо’, – в значении (9): ‘хорошо [с точки зрения говорящего]’, например:

– *Я все это очень **аккуратно** знаю и довольно могу понимать, почему что, как я, значит, еще малым младенцем ездил на лошади по этой по чугушке* [В.А. Слепцов. На железной дороге (1862)] = *хорошо* знаю;

– *Небось хорошо переписаны? – Большой мастер. – Еще бы!.. Зато жалованья одного двенадцать рублей, квартира опять, и доходы разные от переписки – нечего и говорить, **живет аккуратно**...* [П.Д. Боборыкин. Долго ли? (1875)] = *живет хорошо*.

Разумеется, есть контексты, где компоненты ‘тщательно’, ‘правильно’, ‘хорошо’ реализуются синкретично:

*[Большов Самсон Силыч (муж, купец)] Сделаешь дело **аккуратно**, так мы с тобой барышами-то поделимся* [А.Н. Островский. Свои люди — сочтемся (1849)].

Вторая разновидность связана с использованием *аккуратно* в роли регулятивного частнооценочного предиката – в значении (10) ‘правильно, в соответствии с нормой [с точки зрения говорящего]’, например:

*Капитон ослабился. // – Женитьба дело хорошее для человека, Гаврила Андреич; и я, с своей стороны, с очень моим приятным удовольствием. // – Ну, да, – возразил Гаврила и подумал про себя: «Нечего сказать, **аккуратно** говорит человек» [И.С. Тургенев. Муму (1851)] = **правильно говорит**.*

Не удивительно, что в таком оценочном (интерпретационном) значении *аккуратно* может употребляться уже и в функции предикатива (что невозможно для значения образа действия), см. подробнее [Кустова 2024]:

*Акулина бережно притворила дверь и потом нагнулась на ухо старика. // – Дело молодое, – шепнула она. – Неча пужаться из этаких пустяков, а и **смолчать-то** не совсем **аккуратно**. Извольте знать, ваша милость, тут-с насупротив, в балыкинском доме, живут какие-то... [В.А. Соллогуб. Старушка (1850)] = **смолчать не совсем правильно**.*

Третья разновидность связана с использованием *аккуратно* в роли морально-этического частнооценочного предиката – в значении (11) ‘прилично, как подобает [с точки зрения говорящего]’, например:

[Гордей Карпыч Торцов (муж, богатый купец)] *Ты, Любовь, у меня смотри, **веди себя аккуратно**, а то жених-то, ведь он московский, пожалуй, осудит [А.Н. Островский. Бедность не порок (1853)] = веди себя **прилично**;*

*– Живут двое с одною бабою! Ну **аккуратно** ли это? Ведь это так надо сказать: и у господ – и то в редкость, не токмо в крестьянстве... [Г.И. Успенский. Норовил по совести (1879)] = **прилично** ли это;*

***Держи себя аккуратно**, я тебя люблю, я у родителя испрошу на брак согласие [Г.И. Успенский. Наблюдения одного лентяя (Очерки провинциальной жизни) / Из цикла «Разоренье» (1871)] = держи себя **прилично**.*

Подавляющее большинство примеров положительно-оценочного переосмысления слова *аккуратно* в значениях (9), (10) и (11) являются

стилистически ограниченными: в художественной речи писателей отражается речевая характеристика персонажей, воспроизводящих черты разговорной речи или просторечия. Мы не обнаружили в данном подкорпусе контексты, в которых воплощаются приметы речи, соответствующей нормам письменного литературного языка.

Даже единственный пример из подкорпуса XX–XXI вв. в значении (10) ‘правильно, в соответствии с нормой’ также в этом плане не является показательным, потому что отражает особенности речи персонажа в художественном дискурсе:

*Как ее привезли, вымыли, обрядили – так и померла. Ничего, **аккуратно** померла, хорошо. Вам же лучше* [И. Грекова. Под фонарем (1963)] = правильно, как подобает, померла.

Квантитативный анализ семантического диапазона наречия в разные хронологические периоды.

Квантитативный анализ в целом подтверждает приведенные выше положения. Был осуществлен количественный анализ разных значений наречия *аккуратно* в разные хронологические периоды. Подсчет количества употреблений по каждому из выделенных значений проводился по первым 300 вхождением слова *аккуратно* в подкорпус конца XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв. Получены следующие результаты (см. Табл. 2).

Таблица 2.

Разные значения наречия *аккуратно* в разные хронологические периоды

АККУРАТНО	Кол-во	%	Кол-во	%
Значения наречия	конец XVIII – XIX вв.		XX – XXI вв.	
1. Старательно, тщательно	36	12,0	46	15,3
2. Исправно, соблюдая порядок, точность	44	14,7	79	26,3

3. Регулярно, периодически, не нарушая графика	34	11,3	66	22,0
4. Опрятно, чисто	48	16,0	62	20,7
5. <i>Разг.</i> Осторожно	28	9,3	25	8,3
6. <i>Простор.</i> Бережливо, скромно, воздержно	23	7,7	–	–
7. Вовремя, в срок	22	7,3	–	–
8а. Точно (в функции наречия)	15	5,0	12	4,0
8б Точно (в функции частицы)	12	4,0	7	2,3
9. Хорошо [с точки зрения говорящего] (оценочн.)	10	3,3	1	0,3
10. Правильно, в соответствии с нормой [с точки зрения говорящего] (частнооценочн.)	11	3,7	1	0,3
11. Прилично, как подобает [с точки зрения говорящего] (частнооценочн.)	17	5,7	1	0,3

Результаты количественного анализа подтверждают сделанные ранее наблюдения о большем семантическом диапазоне наречия *аккуратно* в предшествующий период развития языка. Все 11 разновидностей лексического значения относительно равномерно распределены по количеству употреблений. Для слова *аккуратно* в современном русском языке характерен меньший объем семантики, и наиболее активны в нем только первые четыре значения, которые отмечены в русских толковых словарях. В меньшей степени в период XX – XXI вв. распространены употребления в пятом значении ‘осторожно’, возможно, в силу его стилевой ограниченности только условиями обыденной разговорной речи.

В целом используемый научный инструментарий микродиахронического анализа корпусных данных на примере наречия *аккуратно* подтверждает гипотезу

исследования о семантических изменениях наречий за период с XVIII по XXI вв. В частности, отмечается сужение и семантическая спецификация значений применительно к современному периоду, в сравнении с предшествующими периодами развития русского языка XVIII и XIX столетия, для которых наблюдается большой разброс значений: отмечаются регулярные употребления наречия *аккуратно* в производных значениях 'вовремя, в срок', 'точно', а также в производных значениях 'бережливо, скромно, воздержно', 'хорошо', 'правильно, в соответствии с нормой', 'прилично, как подобает'.

Помимо значимых в свете предпринятого исследования результатов в области семантических изменений наречий, наш подход позволяет сделать выводы и о функциональной вариативности слова *аккуратно* в некоторых значениях. Так, применительно к значению 'точно' *аккуратно* имеет тенденцию употребляться в функции семантической определительно-уточняющей частицы, как показывают случаи его сочетаемости с предложно-падежными сочетаниями существительных (нередко количественными, то есть включающими числительные).

Также микродиахронический анализ корпусных данных на примере наречия *аккуратно* обнаруживает возможность установить определенные стилистические ограничения на реализацию тех или иных значений. Так, положительно-оценочные переосмысления наречия *аккуратно* в значениях 'бережливо, скромно, воздержно', 'хорошо', 'правильно, в соответствии с нормой', 'прилично, как подобает' реализованы только в употреблениях, имитирующих в художественной речи примеры разговорной или просторечной языковой среды.

2.2.3. Наречие *заботливо*⁹

Наречие *заботливо* как характеристика образа действия также имеет ряд общих смысловых компонентов с наречиями, рассмотренными в предыдущих подразделах. И так же, как они, это наречие демонстрирует определенные семантические изменения в период с конца XVIII до XXI вв.

В соответствии с принятой концепцией исследования сначала мы рассмотрели, как данное слово представлено в лексикографических источниках. В основных русских толковых словарях у наречия *заботливо* выделяются следующие значения.

Базовая семантика слова связана с внутренней формой исходного прилагательного *заботливый* – представлением о заботе как о попечении, уходе за кем-либо, внимании к кому-либо. Эта семантика представлена в двух вариантах, унаследованных из двух основных значений соответствующего производящего прилагательного: (1) ‘проявляя заботу, то есть с заботой, заботясь о ком-либо’; (2) ‘выражая заботу, то есть с вниманием, с заинтересованностью по отношению к кому-либо’ [МАС-1 1985; БТСРЯ 2000; Ефремова-1 2000]. Это деление связано с регулярной многозначностью прилагательных, которая распространяется и на наречия.

У слов со значением внутреннего состояния есть экспрессивный тип значения, когда характеризуются внешние проявления внутреннего состояния-настроения человека: *мрачный / веселый взгляд; мрачно / весело посмотрел* (см., например, [Кустова 2004], ср. также многозначность ‘выражающий X’ – ‘каузирующий X’ (*грустный взгляд – грустное известие*), ‘X’ – ‘выражающий свойство X’ (*тактичный человек – тактичный вопрос*) в [Апресян 1995: 212–

⁹В разделе 2.2.3 в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: *Олонцев А. А. Микродиахроническое корпусное исследование динамики семантических изменений русского наречия «заботливо» (конец XVIII–начало XXI вв.) / А. А. Олонцев // Язык, Культура, Коммуникация: изучение и обучение : сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Орел, 10–11 октября 2024 года. – Орел : Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева ; ООО «Модуль-К», 2024. – С. 187–192. (В списке литературы – [Олонцев 2024d]).*

214]). У наречия *заботливо* значение ‘выражая заботу’ реализуется в аналогичных контекстах – *заботливо сказать / спросить / посмотреть*. Другая важная группа признаков слов (прилагательных и однокоренных наречий) – со значением поведения. У прилагательных противопоставлены значение постоянного признака (свойство или черта характера человека – *вежливый / грубый / доброжелательный юноша*) и значение поведения (см. [Кустова 2017: 228–230]). В поведении человека на конкретном временном интервале проявляется его отношение к другому человеку: *Х был вежлив / внимателен / заботлив / груб с посетителями* и т.п. (‘проявлял вежливость / внимание / заботу / грубость’). Системным способом «актуализации признака и привязки его к определенному интервалу» является использование адвербиальной репрезентации прилагательного» [там же, с. 231], каковой является наречие. Соответственно, наречие, в силу особенностей семантики и сочетаемости, выражает именно проявление отношения к другому человеку.

***Заботливо* в подкорпусе XX – XXI вв.**

В массиве современных употреблений наречия *заботливо*, взятых по подкорпусу XX – XXI вв., эти значения обнаруживаются в большом количестве, например:

(1) ‘**проявляя заботу**’.

Для *заботливо* типично употребление в ситуации, где есть одушевленный объект:

Мадонна держит доверчиво приникшего к Ней Сына по-матерински заботливо и бережно [Светлана Степанова. Она – Мать и Дева // «Наука и религия», 2011];

Остававшиеся до премьеры полтора дня я молчала, сохраняя голос и силы, а Марио и Рина так заботливо опекали меня, так старались поддержать меня морально, что я просто не могла их подвести [Ирина Архипова. Музыка жизни (1996)]

– ‘опекали, проявляя заботу о говорящем’.

Мама заботливо накрыла его пледом [Наринэ Абгарян. Всё о Манюне (сборник) (2012)]

– в данном случае объект является пациенсом, но благодаря наречию *заботливо* приобретает дополнительную семантику бенефактива.

Лицо-объект может быть собственно бенефактивом:

Тим улыбнулся, глядя, как Арамия заботливо помогает ей [Ирина Краева. Тим и Дан, или Тайна «Разбитой коленки»: сказочная повесть (2007)].

Другой характерный случай употребления *заботливо* можно считать особого рода метонимическим сдвигом, когда *заботливо* относится к действию с неодушевленным объектом, но это действие совершается в интересах человека-бенефактива:

Кристина присаживается в заботливо придвинутую к ней инвалидную коляску, но остается неясным, что с ней будет дальше [И. В. Козлов. О больных, великих и жестоких // «Волга», 2011];

На прощание она заботливо поправляет на мне шарф [«Русский репортер», № 1-2 (080-081), 22-29 января 2009];

Попив горячего чаю, который заботливо приготовили для меня друзья, понемногу прихожу в себя, и мы покидаем эту мрачную галерею в траурно-черных мергелевых породах и со зловеще шипящим сифоном [Игорь Вольский. Пропать им. Пантюхина: будет ли новый мировой рекорд? (1994)]

– забота проявляется не по отношению к коляске, шарфу или чаю, а по отношению к бенефактиву (Кристина / говорящий), в интересах которого совершается действие.

Разумеется, объектом заботы могут быть и животные:

Как и многие состоятельные люди в то время, Скворцов держал собственный выезд: наемный конюх, он же кучер, заботливо ухаживал за двумя породистыми лошадьми [В. Н. Семенов, Н. Н. Семенов. Лошади в старом Саратове. Главы из книги // «Волга», 2009].

– и даже неодушевленные объекты:

Мария Фёдоровна продолжала заботливо благоустраивать свой парк, сделав его открытым для посетителей [Ирина Грачёва. «Всё к размышлению здесь влечёт невольно нас». Павловск и его сады // «Наука и жизнь», 2009];

Снова перед сном буду заботливо укутывать свитером фотоаппарат, чтобы уберечь его от ночной росы... [В. В. Овчинников. Вознесение в Шамбалу (2006)];

(2) **‘выражая заботу’**: *Он каждый раз спрашивает мой адрес и заботливо осведомляется, когда можно меня навестить и... никогда не бывает!?* [А. Г. Колмогоров. Мне доставшееся: Семейные хроники Надежды Лухмановой (2012)]

– ‘осведомляется, выражая (словесно) заботу, то есть внимание ко мне’.

Аналогично:

– *Что такое, дорогой мой Иван Никифорович? – заботливо спросил главный врач* [С.И. Шуляк. Квартира номер девять. Роман с чертовщиной // «Волга», 2013];

– *Ты у нас здоровенький? – так заботливо она это сказала* [М.К. Кантор. Диссидент осеннего призыва (2011)].

В словарях представлено еще одно значение, тоже унаследованное от соответствующего значения производящего прилагательного *заботливый*:

(3) **‘предусмотрительно, старательно, тщательно’** [БАС–IV 1955; МАС–I 1985; БТСРЯ 2000; Ефремова–I 2000]. В этом значении наречие относится к ситуациям с неодушевленным объектом и имеет вторую, скрытую валентность на неодушевленное существительное и на действия с ним («объектная детерминация второго плана», согласно А.Б. Пеньковскому [Пеньковский 2004]). *Заботливо* описывает не эмоциональное отношение, а ментальную установку субъекта и по значению близко к выражению *позаботиться о том, чтобы P*, например:

Начальник трассы должен позаботиться о том, чтобы утрамбовать свежавыпавший снег [Министерство спорта Российской Федерации. Правила вида

спорта «горнолыжный спорт» (утв. приказом Минспорта России от 10.09.2021 N 696) (2021)];

Создатели позаботились о том, чтобы увеличить питательную ценность драже [«Здоровье», 1997.12.15]

– то есть субъект предпринимает действия, чтобы оптимизировать некоторую ситуацию.

Значение ‘предусмотрительно’ также широко представлено в подкорпусе XX–XXI вв., например:

В ресторанах и барах забытое заботливо складывают в подсобку и выдают владельцу по первому требованию [Ольга Гринкруг. Рим (2012)]

– ‘предусмотрительно, старательно складывают забытые вещи в подсобку’, едва ли можно проявлять заботу или выражать внимание по отношению к забытым вещам;

С утра читала письма, заботливо распечатанные пресс-секретарем, но ничего интереснее вчерашних предложений не нашла [Е. В. Колина. Дневник измены (2011)]

– ‘предусмотрительно (заранее) распечатанные письма’.

Ср. аналогично:

Вошли в овальный в гирляндах зал. Свет был заботливо приглушен. Лепнина поблескивала золотом [Леонид Зорин. Глас народа (2007-2008) // «Знамя», 2008].

Существенно, что и в таких контекстах идея бенефактивности нередко сохраняется: субъект совершает действие с объектом в интересах лица (которое не участвует в данной ситуации, но имеет отношение к объекту или, вообще, к результату действия субъекта) либо с целью оптимизации положения дел / достижения некоторого результата в будущем.

Впрочем, есть контексты, несовместимые с идеей бенефактивности:

Вратислав /.../ своей же рукой положил 12 камней в основание церкви. Интерьер он велел украсить по образу и подобию римского собора. Правда, все

это великолепие гуситы заботливо уничтожили [Остап Кармоди, Антон Ширяев. Прага (2007)]

– здесь нельзя предположить положительного эмоционального отношения, следовательно, возможна лишь интерпретация ‘тщательно, старательно’ (‘считая свое действие правильным, соответствующим разумной цели’ – то есть даже в таком контексте сохраняется «позитивный» компонент значения ‘действие на пользу кого-чего-л.’, в противном случае нужно было бы выбрать характеристику типа *варварски уничтожили*).

В некоторых случаях можно говорить о недифференцированности, совмещении, синкретизме значений (1) и (3) как о рефлексах не разрешаемой контекстом многозначности. Ср. по этому поводу замечание А.Б. Пеньковского о совмещении «глубинных планов в семантике наречий *второных* ‘небрежно’ + ‘из-за спешки’ и *заботливо* ‘тщательно’ + ‘в заботе о’, обусловленные их субъектной и объектной детерминацией второго плана» [Пеньковский 2004: 291]. Так, в примере:

Да и деревья представляли собою не облезлые бревна с содранной корой, – заботливо укутанные почти незаметной сеткой, они весело зеленели нарядной листвой [О. Г. Баринов. Зоологический сад // «Первое сентября», 2003]

– ситуацию с употреблением наречия *заботливо* можно одновременно трактовать и как ‘с заботой об их сохранности укутанные сеткой (работниками ботанического сада) деревья’, и как ‘предусмотрительно, старательно укутанные сеткой (работниками ботанического сада) деревья’. Возможен также синкретизм значений (1) и (2), ср.:

Через некоторое время заморозка отойдет и лунка заболит, – заботливо предупредил стоматолог, – купите в аптеке «Кетанов», выпейте [Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)]

– стоматолог это говорил с интонацией, выражающей заботу, и проявляя заботу о состоянии пациента.

Однако только в БАС как в хронологически более раннем словаре, отражающем языковую ситуацию 50–60-х гг. XX в., выделяется еще одно значение, не отраженное в других словарях:

(4) ‘озабоченно, с беспокойством, то есть озаботившись, беспокоившись (чем-либо)’ [БАС–IV 1955], которое связано уже с переносным значением исходного существительного *забота*: ‘беспокойная мысль о чем-либо’ или, во мн.ч., ‘хлопоты’.

Примечательно, что словарные иллюстрации к этому толкованию ограничиваются только примерами из текстов XIX в.: «– Что это у Марфиньки глазки красны? не плакала ли во сне? – **заботливо** спрашивала она у няни. – Не солнышко ли нажгло? Закрты ли у тебя занавески? Гонч. Обрыв. Он круто остановился и недоумевающее посмотрел на меня, потом развел руками и, опять **заботливо** зашагал по комнате. Эртель. Зап. степняка» [БАС–IV 1955].

Видимо, в наши дни это значение осознается как устаревшее. Не случайно во всем массиве контекстов употребления в подкорпусе XX – XXI вв. мы встретили всего два примера на сплошную выборку из 300 первых вхождений в подкорпус:

– Мать, не играй с градусом, – прохрипел Егор **заботливо**, и мне показалось, что хрип с кассеты вселился в него, а может, это он и пел, не хотелось выяснять [Сергей Шаргунов. Май // *Litera_Dnepr*, 2012]

– ‘озабоченно, с беспокойством по поводу возможных негативных последствий поведения адресата’;

Колин и Мэган заботливо заглядывали ему в лицо, шупали пульс [М. К. Кантор. Честный англичанин (2011)]

– ‘озабоченно, беспокоившись состоянием его здоровья’.

Можно сделать вывод, что данное значение практически не характерно для этого наречия в период XX – XXI вв.

Заботливо в подкорпусе конца XVIII–XIX вв.

Совсем иную картину в качественном и количественном аспекте дает анализ массива примеров по подкорпусу XVIII–XIX вв. В качественном аспекте отмечается наличие употреблений во всех четырех отмеченных ранее значениях, причем примеров в значении (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ обнаружено достаточно большое количество.

(1) ‘**проявляя заботу**’:

*Здесь, проходя мимо 1-го батальона Преображенского полка и заметив, что полковник **заботливо** приводит людей в порядок, государь сказал ему громко, в общее услышание... [М.А. Корф. Записки (1838-1852)];*

*Нежная мать так неусыпно охраняла любимца души своей, так **заботливо берегла** милое дитя свое, драгоценное для всей России, что злодей Битяговский начал сомневаться в успехе... [А.О. Ишимова. История России в рассказах для детей (1837-1840)];*

*Он склонил лицо в колена и долю, долго безмолвствовал, между тем как хан **заботливо** перевязывал раненую его руку [А.А. Бестужев-Марлинский. Аммалатбек (1831)];*

*Он **заботливо** уложил больного. Нил Павлович вышел наверх отдохнуть от сильных впечатлений [А.А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)];*

(2) ‘**выражая заботу**’:

*Уже так давно никто не принимал в нем участия, а Лаврецкий видимо интересовался им, **заботливо** и внимательно **расспрашивал** его [И.С. Тургенев. Дворянское гнездо (1859)];*

***Заботливо** поглядел Бурульбаш на молодую жену, которая в испуге качала на руках кричавшее дитя; прижал ее к сердцу и поцеловал в лоб [Н.В. Гоголь. Страшная месть (1831-1832)];*

*– Что ты, моя радость, – **спросил заботливо** Всеслав, сажая опять подле себя Надежду, – что с тобой? [М.Н. Загоскин. Аскольдова могила (1833)];*

*Вероятно, вид мой поразил его: он **заботливо осведомился** о причине моего поспешного прихода [А.С. Пушкин. Капитанская дочка (1836)];*

Она остановилась на пороге, изумленная: внимательно, заботливо устремила она глаза на сына своего и на Эмму [Н. А. Полевой. Эмма (1834)];

(3) **‘предусмотрительно, старательно, тщательно’:**

Солдаты заботливо чистили ружья, точили штыки и, готовясь к смерти, надевали чистые рубашки [А.А. Бестужев-Марлинский. Вадимов (1834)];

Но он заботливо разбирал тут какие-то бумаги и, видно, второях забыл их [Н.А. Полевой. Живописец (1833)];

(4) **‘озабоченно, с беспокойством’:**

Нил Павлович с рупором под мышкою ходил по шканцам, заботливо взглядывая то на море, то на капитана, – а капитан, безмолвен, стоял, опершись о колесо штурвала [А.А. Бестужев-Марлинский. Фрегат «Надежда» (1833)];

Около этих ужасных изобретений человеческой жестокости заботливо суетились люди [К.П. Масальский. Регентство Бирона (1834)];

Генерал Траутфеттер ехал верхом, то впереди заботливо осматривая худые места, то подле самых экипажей, где заключались залого, равно для него драгоценные [И.И. Лажечников. Последний Новик (1833)].

Однако в контекстах из подкорпуса конца XVIII – XIX вв. было выявлено еще одно значение, которое вообще не было зафиксировано в употреблениях периода XX–XXI вв. Это значение

(5) **‘с осторожностью, остерегаясь чего-л., настороженно’**, которое, возможно, является производным от значения (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ и возникло на базе импликации (‘если человек чем-то обеспокоен, он склонен действовать осторожно, остерегаясь чего-л. негативного’):

Медленно, заботливо сходила госпожа Вольнская с дворцовой лестницы. Ступени двоились у ней в глазах, и она с усилием старалась поймать их своєю ногою [И.И. Лажечников. Ледяной дом (1835)]

– ‘осторожно сходила с лестницы’, нельзя *старательно сходила или *озабоченно сходила;

Несмотря на то, что время было сырое и пасмурное, он опустил оба окна кареты и заботливо начал высматривать направо и налево прохожих, тотчас принимая приличный и степенный вид, как только замечал, что на него кто-нибудь смотрит [Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)]

– ‘с осторожностью, затаившись, начал высматривать прохожих’, едва ли *старательно или *озабоченно.

Ср. также:

Чувства свои, однако ж, заботливо таил я от Мемнона. Можно ли сказать брату о любви к его сестре? [А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур (1836)]

– ‘остерегаясь быть разоблаченным’; здесь можно усматривать синкретизм со значением ‘старательно, тщательно’.

Мы можем отметить, что наречие *заботливо* в значении (5) входит в синонимический ряд с наречиями *бережно* (ср. *бережно ступал / подошел*) и *осторожно*, которые также в период XVIII – XIX вв. употреблялись семантически нераспределенно, в отличие от их современных употреблений.

Квантитативный анализ разных значений наречия в разные исторические периоды.

Количественный анализ в целом подтверждает сделанные выше наблюдения. Его результаты по первым 300 употреблениям наречия *заботливо*, соответственно, в подкорпусах конца XVIII – XIX вв. и XX – XXI вв., полученным методом сплошной выборки, представлены в Табл. 3.

Таблица 3.

Разные значения наречия *заботливо* в разные хронологические периоды

ЗАБОТЛИВО	Кол-во	%	Кол-во	%
Значения наречия	конец XVIII – XIX вв.		XX – XXI вв.	
1. Проявляя заботу	51	17,0	138	46,0
2. Выражая заботу	72	24,0	46	15,3

3. Предусмотрительно, старательно, тщательно	82	27,3	112	37,3
3а. Синкретизм (1) и (3)	5	1,7	2	0,7
4. Озабоченно, с беспокойством	69	23,0	2	0,7
5. С осторожностью, настороженно	21	7,0	–	–

Для подкорпуса XX – XXI вв. количественный анализ дал следующие результаты: максимально представлены значение (1) ‘проявляя заботу’ и значение (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’. В несколько меньшем объеме реализовано значение (2) ‘выражая заботу’. Наконец минимально представлено значение (4) ‘озабоченно, с беспокойством’.

Количественный анализ распределения употреблений наречия *заботливо* по разным значениям для подкорпуса конца XVIII – XIX вв. дает существенные расхождения с результатами по подкорпусу XX – XXI вв. Так, в отличие от периода XX – XXI вв., для периода конца XVIII – XIX вв. характерно более равномерное распределения количества употреблений: незначительно преобладают употребления в значении (3) ‘предусмотрительно, старательно, тщательно’. На второй позиции значение (2) ‘выражая заботу’, которое, в отличие от данных по подкорпусу XX – XXI вв., преобладает над значением (1) ‘проявляя заботу’. Неплохо, в сравнении с подкорпусом XX – XXI вв., представлено и значение (4) ‘озабоченно, с беспокойством’ (третья позиция в количественном аспекте). Наконец, есть небольшое количество употреблений в значении (5) ‘с осторожностью, настороженно’, которые вообще отсутствуют в массиве примеров в подкорпусе XX – XXI вв.

Таким образом, рассмотренное выше различие между семантической структурой многозначного слова *заботливо* в период XX – XXI вв. и в период конца XVIII – XIX вв. вполне соответствует выводам Б.А. Пеньковского о большем разнообразии и меньшей семантической распределенности разных употреблений наречий, начиная с XVIII в. и примерно до 70-х гг. XIX в.

[Пеньковский 2004: 288]. В русском языке современного периода происходит сужение семантического диапазона наречия за счет уточнения его семантических разновидностей и перераспределения части значений за счет других, близких ему по смыслу наречных единиц.

2.2.4. Наречие *охотно*¹⁰

Наречие *охотно*, в отличие от рассмотренных выше наречий, отражает несколько иной аспект в характеристике образа действия, а именно – сферу готовности к действию; стремления к реализации намерений и удовлетворению желаний субъекта; деятельных реакций на внешние стимулы. Наречие употребляется при контролируемых глаголах. Наречие *охотно*, как и наречия, описанные в предыдущих разделах, в текстах XX – XXI вв. демонстрирует определенные смысловые и функциональные изменения по сравнению с текстами XVIII – XIX вв. Однако логика построения данного раздела несколько отличается от предыдущих. В предыдущих разделах, верифицируя данные словарей с помощью данных корпуса, мы обнаруживали отсутствие некоторых типов употреблений, свойственных XVIII – XIX вв.; что касается современных употреблений, наши уточнения касались, в основном, «дробления» или «укрупнения» семантического представления слова, нумерации значений и т.п. С наречием *охотно* ситуация другая, поскольку данные корпуса лишь частично подтверждают данные словарей относительно современного употребления *охотно*, что является основанием для корректировки словарных толкований.

Семантика лексемы *охотно* по данным словарей и подкорпуса конца XVIII – XXI вв.

¹⁰В разделе 2.2.4 в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: Олонцев А. А. Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024. – № 5. – С. 235–242. (В списке литературы – [Олонцев 2024f]).

Как заметил А.Б. Пеньковский [2004], словарные статьи наречия *охотно* во многих лексикографических источниках в одном толковании соединяют разные типы значений – волитивное (‘с охотой, с готовностью’) и эмоциональное (‘с радостью, с удовольствием’), ср., например: ‘с большим желанием, с удовольствием’ [БАС–VIII 1959]; ‘с охотой, с большим желанием, удовольствием’ [МАС–II 1986]; в [Ефремова–II 2006] эти компоненты даже даны в обратном порядке, как если бы эмоциональный компонент был главным, основным: ‘с большим желанием, с удовольствием; с охотой’.

Действительно, в иллюстрациях к словарному толкованию *охотно* есть примеры, в которых можно усматривать смысл ‘с удовольствием’ (именно смысл, а не компонент значения; о его статусе см. ниже), – ср. в БАС: «Работал я охотно, – мне нравилось уничтожать грязь в доме. М. Горький, В людях» [БАС–VIII 1959] – в контексте («мне нравилось») есть указание на позитивный эмоциональный настрой, или в МАС: «К Гавриле Степанычу все ездили очень охотно, он принимал гостей радушно. Тургенев, Затишье» [МАС–II 1986] – ездили и с желанием, и, видимо, с удовольствием из-за радушного приема.

Такие же примеры без труда находятся в НКРЯ (см. ниже). Но возникает вопрос, каков статус этого компонента.

В текстах легко найти и такие примеры, когда компонент ‘с удовольствием’ – по тем или иным причинам – усматривать неправомерно, – например, когда готовность или желание что-либо делать едва ли может сопровождаться удовольствием:

В ажиотаже пребывали не только интернет-предприниматели, но и инвесторы – они охотно давали деньги под бизнес-планы с явными недостатками. [Василий Аузан. В2С: Back to College // «Эксперт-Интернет», 2001.03.12]

Надо сказать, пока зарубежные банки не очень-то охотно приходили в нашу страну [Алексей Крашаков. Иностранцы «съедают» наши банки? // «Аргументы и факты», 2003.01.29]

– трудно представить, что готовность официальных структур, штата учреждения и т.д. что-то сделать может сопровождаться удовольствием; а во втором примере отрицание показывает, что и сама готовность под вопросом.

В употреблении этого типа выходит на первый план этимологическая составляющая наречия *охотно*, связанная с идеей 'хотеть' [Черных–II 1999].

Показательными являются употребления наречия *охотно* в ряду однородных членов с предложно-падежными сочетаниями с *удовольствием* или с *радостью*, где идея удовольствия выражена отдельным адвербиалом. В таких конструкциях естественно усматривать у *охотно* только волитивный компонент 'с желанием, с готовностью' (в противном случае возник бы эффект тавтологической избыточности):

– *охотно и с удовольствием:*

Заметил, что ели они охотно, с удовольствием [Ю. Лексин. В природе всё есть // «Знание – сила», 1988];

Максим рисовал много, охотно и с удовольствием: в свободное время и по ночам, когда не спалось, делать здесь было совершенно нечего [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Обитаемый остров (1967-1969)];

– *К маме, – отвечает он охотно, с удовольствием* [Ю.К. Олеша. Книга прощания (1930-1959)];

– *охотно и с радостью:*

Двойнята, оседлавшие тенистую кулижку возле кустов, звали: «Мама, мама, иди к нам!» – и в другой бы раз она охотно, с радостью присоединилась к ним (что поделаешь, если с косою она с малых лет не в ладах), но сегодня этого нельзя было делать [Федор Абрамов. Две зимы и три лета (1968)].

Эксплицитное выражение эмоционального компонента с помощью адвербиалов *с радостью, с удовольствием* показывает, что наречие *охотно* этот смысл не передает (во всяком случае – как полноценный компонент семантической структуры) и что он нуждается в специальном обозначении.

Особенно показательны примеры, когда в конструкции участвует частица *даже*:

Она была единственным человеком, которому сошедшая с ума бабушка – однажды она перестала узнавать дочь и зятя – подчинялась охотно и даже с радостью [Юрий Буйда. Йолотистое мое йолото // «Октябрь», 2013];

Они важны потому, что показывают: *охотно* само по себе не содержит компонента ‘с удовольствием, с радостью’, но реализация действия, осуществляемого *охотно*, может **сопровождаться** удовольствием, радостью.

А.Б. Пеньковский отмечал, что *охотно* и *с удовольствием, с радостью* действительно связаны, но при этом относятся к разным сферам – волевой и чувственной: «То, что у них является общим, то, что объединяет их парадигматически, что делает возможным – при некоторых условиях – их синтагматическое соединение и совмещение их семантических комплексов, – может быть интерпретировано как ‘положительная реакция на что-либо’. При этом *охотно*, как волевая реакция, предшествует действию, тогда как *удовольствие* и *радость*, как чувственные реакции, сопутствуют действию на протяжении всей его длительности» [Пеньковский 2004: 243].

Разбирая адвербиалы *с готовностью, охотно, с удовольствием, с радостью*, А.Б. Пеньковский не только противопоставляет единицы волевой и эмоциональной сферы, но и подчеркивает общность их употребления: они рассматриваются как «четырёхчленный ряд средств выражения положительной реакции на инициированное действие» [Пеньковский 2004: 265], ср. диалогическое употребление выражений *охотно, с радостью, с удовольствием* как ответ-согласие на предложение, просьбу и т.д.:

– *Проведемте этотъ день вмѣстѣ. – Охотно, – отвѣтилъ я* [А.В. Дружинин. Заметки Петербургского Туриста (1856)].

Для А.Б. Пеньковского «семантическим центром определителей *охотно / готовно* является ‘согласие’ /.../ как положительная рационально-волевая реакция

на внешний стимул, реакция на «вызывающее», инициирующее действие» [Пеньковский 2004: 260–261].

Надо заметить, впрочем, что *охотно* имеет более широкий спектр употреблений – оно может выражать не только согласие, реакцию, но и выбор некоторой имеющейся возможности:

Московская публика приняла живое участие в его заседаниях [Московского общества любителей российской словесности] и начала очень охотно посещать их, потому что они получили менее сухой, ученый характер, а более чисто литературный, более понятный, доступный людям светским и особенно приятный любителям изящной словесности [С.Т. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания (1858)]

– здесь просто существует альтернатива, и публика выбирает посещение заседаний (в каком-то очень широком смысле это, впрочем, тоже можно трактовать как реакцию – реакцию на «внешний стимул», о чем упоминал А.Б. Пеньковский; но о согласии здесь все-таки говорить нельзя);

Давно уже замечено, что те самые заведующие литературой, что при жизни тебе любую гадость учинят, не забудут потом охотно фотографироваться у гроба в последнем почетном карауле, охотно, с полным пониманием своей выгоды [А. Т. Твардовский. Рабочие тетради (1968) // «Знамя», 2003].

Наконец, *охотно* может просто обозначать отношение субъекта к реализации какой-либо ситуации –

– многократной / узуальной:

Чувство общительности у Александра Николаевича от природы естественное, его тянуло поделиться с людьми теми знаниями, которые его переполняли, и делал он это непринужденно, охотно [Виктор Астафьев. Зрячий посох (1978-1982)]

– или единичной:

*Мне пришли в голову кое-какие новые мысли, которые могли бы, полагаю, показаться тебе интересными, и я **охотно поделился бы** ими с тобой, тем более что ты производишь впечатление очень умного человека [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)].*

Итак, кажется очевидным, что люди могут быть готовы исполнять свои обязанности и, вообще, реализовывать различные ситуации не просто с желанием, но и с удовольствием, то есть охотно выполняемое действие может сопровождаться чувством удовольствия:

*Как **охотно** я играла свою роль каждое утро в этом спектакле!* [И. Грекова. Перелом (1987)];

*Редко и **охотно** занимаясь физическим трудом, майор чувствовал при этом легкое возбуждение, как на стадионе [Сергей Довлатов. Дорога в новую квартиру (1987)].*

В приведенных примерах – по описанию ситуации – видно, что субъекту нравится делать Р и он, возможно, получает удовольствие. Однако нет никаких инструментов, чтобы верифицировать этот компонент в значении *охотно*. Ему можно приписать статус имплицатуры (необязательного следствия) – если человек делает что-то охотно, с желанием, это может приносить ему удовольствие. Однако имплицатура может и выводиться из контекста, и подавляться контекстом, но не может претендовать на статус полноценного компонента значения. Имплицатура порождается самой идеей желания – если у человека есть желание сделать Р, значит, он скорее оценивает эту ситуацию позитивно, возможно, ему нравится делать Р. Однако это лишь один из многочисленных вариантов охотно реализуемой ситуации. Да и само состояние желания вовсе не всегда сочетается с положительными эмоциями (если человек испытывает жажду и хочет пить, едва ли правомерно включать в содержание состояния ‘хотеть, желать’ эмоциональный компонент удовольствия).

Есть большие классы типичной для *охотно* сочетаемости, которые не предполагают не только компонента ‘с удовольствием’, но и едва ли требуют для

своей интерпретации даже компонента ‘с большим желанием’ – это, например, сочетания *охотно* с ментальными глаголами: *охотно верить / поверить; охотно допускать*, которые свойственны *охотно* на протяжении всего изучаемого периода, ср.:

Слабые перуанцы охотно верили Манко Капаку, что он сын солнца и что закон его с небеси истекает [А.Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву (1779-1790)];

О, этому я охотно верю, – говорил противник Рифмокрада, – что у него бывает много гостей, но кто захочет, тот может видеть, что сему не дарования его, а его повар и гостеприимная жена причиною [И.А. Крылов. Почта Духов (1789)];

Охотно допускаю, что в официальных речах такие обороты бывают уместны, да и то далеко не всегда [К. И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962)]

Иными словами: почему люди, знающие бедность, невежество и слабые ресурсы своей страны, так охотно поверили, что они смогут осуществить на земле всеобщее счастье и положить начало золотому веку? [Б. Б. Вахтин. Из китайского дневника (1966-1967)]

Возможность замены *охотно* на *с удовольствием* также не является основанием их отождествления, ср.:

Для подтверждения этой версии Дантес на балах с еще более дерзкой открытостью, чем до женитьбы, ухаживает за Пушкиной – танцует только с ней; обволакивает «жаркими и долгими взглядами» только ее; беседует, каламбурит, шутит только на радость Натали. И общество охотно принимает романтическую версию [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001].

– в подобных случаях возможна замена *охотно* на *с удовольствием*, но такая замена не может считаться эквивалентной, скорее наоборот – *охотно* и *с*

удовольствием концептуализуют разные аспекты ситуации, акцентируют тонкие различия в волевых и эмоциональных реакциях.

Мы не можем погружаться в анализ семантических условий употребления *охотно*, но из приведенных примеров видно, что действие, которое выполняется субъектом *охотно*, может как сопровождаться, так и не сопровождаться удовольствием. Люди могут быть готовы что-то делать, например, из чувства долга или в силу обстоятельств, но вовсе не обязательно при этом испытывают чувство радости, удовольствия, ср.:

*Я хочу, чтобы вы были готовы, если понадобится, **охотно пожертвовать** собой в предстоящей борьбе* [В. Ф. Булгаков. Толстой, Ленин, Ганди (1930)].

Аналогичную картину дает подкорпус конца XVIII – XIX вв.

Есть контексты, где реализуется только семантика ‘с готовностью, с желанием’, а смысл ‘с радостью, с удовольствием’ (даже в качестве имплицатуры) не кажется уместным):

*Баснь сия показывает, что бывают в свете люди, кои **охотно подвергают опасности** жизнь, только б исполнить свое желание* [Д. И. Фонвизин. Лисица показывает опыт своего лукавства [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761-1765)]

– трудно представить, что субъект рискует жизнью с удовольствием. Здесь по контексту предполагается, что он идет на риск ради исполнения желания. В подобных контекстах логично усматривать смысл ‘с готовностью’.

Ср. также:

*Я бы **охотно сообщил** вам причины, меня к тому принудившие, но для избежания хлопот я о том умалчиваю; во удовольствие ваше листы попрежнему издаются: впрочем, для меня весьма лестно слышать, что беспристрастному читателю мое издание угодно и приносит удовольствие* [Н. И. Новиков. Трутень. Еженедельное издание на 1769 год месяц май (1769)].

Также широко представлены реализующие семантику ‘с готовностью, с желанием’ и элиминирующие семантику ‘с радостью, с удовольствием’ контексты употребления *охотно* в ряду однородных членов с предложно-падежными сочетаниями *с удовольствием / с радостью*:

– *охотно и с удовольствием*:

Писатели по обычаю, давно введенному, обязаны давать публике отчет в том, чего ради предприяли явиться пред ней и привлечь ее на себя примечание; мы охотно и с удовольствием подвергаем себя одному обыкновению... [«Нравоучение как практическое наставление»] (1780)];

Про тебя всякий охотно и с удовольствием скажет, что ты и честный, и благородный, и справедливый, пожалуй, хоть великодушный человек, чтить и родителей... [И.А. Гончаров. Письма столичного друга к провинциальному жениху (1848)];

Банки, пиявки, припарки и кровопускания, которые так любит и которым так верит наш простолудин, принимались у нас охотно и даже с удовольствием [Ф.М. Достоевский. Записки из Мертвого дома (1862)];

– *охотно и с радостью*:

Таким образом, люди самые талантливые подчиняются охотно, с радостью складывая в чужие руки направление своих действий и нравственную ответственность [К.П. Победоносцев. Московский сборник (1896)];

По понятиям того времени, для бедняков такая роль не казалась нисколько предосудительною; хотя кто и «шляхетского» (как говорили тогда) был происхождения, однако все охотно, даже с радостью унижались перед патронами [С.Т. Славутинский. История моего деда (1858)].

Однако не удалось обнаружить контекстов, где можно было бы надежно подтвердить присутствие компонента ‘с удовольствием’ в самой наречии *охотно*.

Разумеется, между подкорпусом конца XVIII – XIX вв. и XX – XXI вв. есть расхождения. В подкорпусе конца XVIII – XIX вв. обнаруживаются примеры, не соответствующие современной норме.

Так, встречаются случаи нестандартной сочетаемости (по сравнению с современным языком):

Кто ж, однако, не согласится охотно дать деньги и откупиться от рекрутства? [И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1791-1798 (1791-1822)];

– здесь возможна двоякая интерпретация: 1) либо *охотно* семантически связано с *дать деньги*, и, следовательно, все это сочетание входит в сферу действия предиката *согласится*: *согласится [охотно дать деньги]*, – такая структура не соответствует современной норме; 2) либо *охотно* связано с *согласится*, и тогда это просто инвертированный порядок слов, ср. прямой порядок: *охотно согласится дать деньги*;

Знакомств у них было немного, и от тех можно было бы охотно отказать [В. А. Соллогуб. Аптекарьша (1841)]

– здесь обнаруживается нестандартная сочетаемость другого рода: современная норма сочетаемости скорее предполагает *охотно согласится*, а в контексте *отказать* скорее было бы употреблено *с легкостью / легко отказать* или что-то подобное; тем не менее такие сочетания изредка встречаются:

На этот раз я охотно отказался бы от чтения их [стихов] пред публикою [С. П. Жихарев. Записки современника (1806-1809)]

– впрочем, отказ – это тоже реакция; это лишний раз подтверждает справедливость наблюдения А.Б. Пеньковского о связи *охотно* с реакцией на стимул (стимулом здесь является то, что чтение стихов запланировано и «требуется», но автор предпочел бы их не читать).

Наибольший интерес представляют контексты тавтологической избыточности, в которых смысл 'готовность, желание' эксплицируется каким-либо другим словом, например, глаголами *желать*, *хотеть*, предикативным прилагательным *готов* и под. В принципе, в таких контекстах, во избежание

тавтологии, в семантической реализации наречия *охотно* акцент может переноситься с компонента ‘с готовностью’ на какой-то другой смысл:

– *Я не спрошу вас, куда вы намерены плыть, но желал бы охотно стеречь то, что вы оставите на берегу, – сказал шутливо Глинский [Н.А. Бестужев. Русский в Париже 1814 года (1831-1840)];*

Может статья, что ты не захочешь взять его и затем, чтобы не отнимать его у хозяина; это правда, что это неприятно, но этот человек, однако, властен располагать собою и желает охотно служить тебе, слышавшись об ангельской доброте твоей [А.Н. Дубельт. Письма к мужу (1849)];

Готов бы я охотно поручить надзор над ними русской пожилой дворянке с хорошим нравом и некоторым учением, но такая мысль – химера [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Часть 4 / 1799-1806 (1799-1822)].

Поскольку интерпретация *‘желает с желанием стеречь / служить’, *‘готов с готовностью поручить’ современному носителю языка кажется неприемлемой, именно здесь можно было бы усмотреть семантику ‘с радостью, с удовольствием’ – ‘желает с удовольствием, с радостью стеречь / служить’; ‘готов с радостью служить / с удовольствием поручить’. Однако, во-первых, таких примеров слишком мало; во-вторых, для того чтобы их полноценно интерпретировать, необходимо, по-видимому, углубиться в более «дальнюю» диахронию; наконец, в-третьих, значение ‘с удовольствием’ здесь по-прежнему неverified: *?готов с удовольствием поручить надзор?* Не исключено и более толерантное отношение к тавтологии: *желает с готовностью служить*. Можно предположить, что *охотно* выполняет функцию усиления, своего рода показателя степени (то есть происходит семантический сдвиг). Наконец, можно предположить не прямой порядок слов и, следовательно, другие семантические связи.

Есть пример, где конструкция охотно желал лишиться скорее обозначает предпочтение (X скорее бы предпочел P, чем Q):

Светон получил письмо от отца, который писал ему, чтобы он весьма скоро был по причине той, что отец его почувствовал себя гораздо слабым и отчаянным сей жизни. Письмо сие привело в такую задумчивость моего любовника, что он не знал, что со мною делать; отцовская болезнь была ему чувствительна, но расставание со мною превосходило оную несказанно. /.../ Я была предметом Светонова беспокойства, и я одна утешала его в сей печали, и он бы охотно желал лишиться отца, только бы не разлучиться со мною [М. Д. Чулков. Пригожая повариха (1770)].

Мы не можем углубляться в анализ этого, безусловно, интересного материала – можем лишь констатировать, что такие сочетания не соответствуют современной норме и заслуживают дальнейшего изучения и объяснения.

Итак, мы не ставим задачу установить исходное значение наречия *охотно*, так как для этого пришлось бы выйти за пределы выбранного периода исследования (с конца XVIII в.). Нельзя исключать, что исходное значение было синкретичным, то есть совмещало волитивный и эмоциональный компоненты, а затем произошла своего рода специализация значения. Для нас важно, что, по данным изучаемого периода, компонент ‘с удовольствием’ не поддается надежной верификации: рассмотренный материал красноречиво свидетельствует о том, что существующие словарные толкования не отражают реального употребления *охотно* и нуждаются в корректировке.

Единственным большим словарем, где такая корректировка уже произведена и смысловой компонент ‘с удовольствием’ исключен из толкования, является словарь под ред. С.А. Кузнецова: **Охотно**. ‘с охотой, с большим желанием’ [БТСРЯ 2000].

Для наречия *охотно* мы, по понятным причинам, не проводили статистических подсчетов, так как исходили из того, что семантика его употреблений по обоим подкорпусам достаточно однородна (если не считать

немногочисленных примеров, не соответствующих современной норме, о которых говорилось выше). Корпусный материал не дает оснований усматривать семантическую дифференциацию наречия *охотно*, как это было с наречиями, описанными в предыдущих разделах, – только желательность корректировки толкования в ряде словарей. Другое дело – функциональная дифференциация *охотно*.

Функциональная дифференциация лексики *охотно*. Используемый в работе научный аппарат микродиахронического анализа корпусных данных позволяет оценить функциональную вариативность наречий в плане явлений морфологической и / или синтаксической переходности и синкретизма (ср., например, концепцию В.В. Бабайцевой [Бабайцева 2000], ср. также [Бардина 2003; Баудер 1991; Галантина 1989]).

Речь идет о возможности употребления лексики *охотно* в роли слова категории состояния (безличного предикатива) как сказуемого в безличном односоставном предложении, обычно – с инфинитивом (с соответствующей модификацией значения). На эту возможность указывают и некоторые словари русского языка, например, словарь Т.Ф. Ефремовой (с пометой *разг.*): '*Предик., разг. О большом желании делать что-либо*' [Ефремова–II 2000]. В БАС для слова *охотно* также есть указание на эту возможность: '*2. В знач. сказ., с неопр. формой глагола. Устар. и простореч. Хочется, желательно. Что делать? никаким не можно изворотом Болота миновать, а кто себе злодей, Кому охотно жизнь отваживать [подвергать опасности] без славы? И. Дмитриев, Бобр, Кабан и Горностай. – Они рассердившись, – засмеялся мужчина. – Фу-ты, ну-ты, испугался! Даже поджилки трясутся. Вот что, господа почтенные! Шутки в сторону, разговаривать с вами мне не охотно.* А.П. Чехов. Маска [БАС–VIII 1959].

Однако уже анализ материала словарей показывает, что все примеры на этот тип употребления в БАС ограничиваются периодом XVIII–XIX в., что и подтверждает помета *Устар.* Не случайно и МАС, и БТСРЯ под ред. С.А.

Кузнецова вообще не включают в словарное толкование слова *охотно* возможность его употребления в роли предикатива [МАС–II 1986; БТСРЯ 2000]. Корпусный анализ также подтверждает практическую утрату этой морфосинтаксической функции у лексемы *охотно* для современного периода развития русского языка.

Так, в подкорпусе XX – XXI вв. обнаружен только один пример, датированный 1930-м г.:

*Сергей Трубецкой переносит головку над всеми сединами, ею вертя, как верблюдов среди пустыни, ища оппонентов: их – нет; никому **не охотно** запретить о «собаке», когда, может быть, она – «лев»; загрызение – тоже реклама; и кроме всего: бить лежащего, выписав из Петербурга его, – просто даже – смешно...* [Андрей Белый. Начало века (1930)].

В современную эпоху лексема *охотно* в роли предикатива окончательно уступила свое место синонимичной лексеме *охота*, для которой все русские словари указывают функцию предикативного употребления: **Охота**. '2. В знач. сказ., с неопр. формой глагола. Разг. То же, что хочется' [БАС–VIII 1959]; '2. безл. В знач. сказ. кому с неопр. Разг. Есть желание, хочется' [МАС–II 1986]; 'предикатив. О желании делать что-л.; хочется' [СЕ–II 2000].

Это подтверждают и данные подкорпуса XX – XXI вв., в которых для лексемы *охота* в этой функции найдено 476 примеров в 600 текстах:

*Если вам летать **охота**... В России воплощение мечты обойдется не дороже, чем в Америке ...* [Владимир Александров. Если вам летать охота... // «Финансовая Россия», 2002.09.19];

*Ну ясно! Кому **охота** сознаваться в своих глупостях? А тут даже и не глупость, а политическая незрелость* [Ю.О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)].

Иную картину мы видим по данным подкорпуса конца XVIII – XIX вв. Здесь имеется 8 примеров для *охотно* в роли безличного предикатива. Эти примеры подтверждают указанное в БАС ограничение, что роль слова категории

состояния для *охотно* реализуется только в сочетании с инфинитивом (что естественно, так как глаголы и предикативы с модальной семантикой предполагают зависимый предикат), например:

*Сему художнику толь я подобен быть желаю в рассуждении моего сочинения, коль **охотно** мне **жить** с скверным носом, имеющему только и красоты, что в черных очах и кудрях* [В.К. Тредиаковский. Горация Флакка «Эпистола к Пизонам о стихотворении и поэзии» с латинских стихов прозой (1751-1752)];

***Охотно** мне, Слушатели, по своему намерению вдаль **проходить**, и новых от часу касаться толкований, вашу усматривая ревностную к слушанию охоту и непрерывное рачение* [архиепископ Платон (Левшин). Катихизис пятый (1757)];

*Правда, не очень бы **охотно** было сундуки **починать** и жадныя нищих наполнять руки, ежели б расточаемое нами богатство совсем пропадало, ежели бы из того никакова мы себе не ожидали прибытка* [архиепископ Платон (Левшин). Слово в неделю девятую надесять (1764)];

*Шутки в сторону, **разговаривать** с вами мне не **охотно**...* [А.П. Чехов. Маска (1884)].

Если иметь в виду разговорный характер данного употребления, можно предположить, что малое число примеров в корпусе не отражает реальной картины функционирования языка в указанную эпоху и что употребление *охотно* в роли безличного предикатива в этот период имело более широкое распространение. Однако и в этом случае *охотно* в данной роли проигрывает конкуренцию предикативу *охота*, для которого подкорпус конца XVIII – XIX вв. дает 125 примеров в 108 текстах, ср.:

*Кому **охота** сделать такую поруху всему роду своему и отечеству* [М.Н. Загоскин. Брынский лес (1846)];

*Но к чему? Что за **охота** меня морочить? Не ожидал я этого от него...* [И. С. Тургенев. Ася (1858)];

Мне писать тоже охота и буду, буду много, если вам нетрудно [А. М. Лалетин. Дневник (1895)].

Отметим, что *охота* в роли безличного предикатива, как и предикатив *охотно*, также имеет в словарях помету *разг.* или даже *разг.-сниж.* [Ефремова–II 2006].

Итак, в русском языке нашего времени функция предикатива у слова *охотно* практически утрачена за счет полного вытеснения его в этой роли синонимичным предикативом *охота*.

В заключение отметим, что функция предикатива *охотно* связана и с реализацией особого значения – желания ('хочет / хочется [сделать P]'), отличного от наречного значения 'с готовностью [сделать P]'

2.3. Характеристики ситуаций с нарушением или отсутствием контроля

Прежде чем перейти к анализу наречий *нечаянно* и *второпях*, еще раз напомним, что в некоторых контекстах они связаны не только с неконтролируемыми, но и с контролируемыми предикатами, как некореферентное *нечаянно*, которое формально относится к агентивным предикатам, ср.: *Враг нечаянно напал на нас*, или *второпях* в значении 'поспешно': *второпях седлали коней*. Однако наиболее репрезентативным для них является использование в качестве характеристик неконтролируемых или не полностью контролируемых ситуаций (к тому же для *нечаянно* значение, которое коррелирует с неконтролируемыми ситуациями, в современном языке является основным), что и отражено в названии данного раздела.

2.3.1. Наречие *нечаянно*¹¹

В разделах 2.2.1 – 2.2.3 мы брали за основу лексикографические толкования, и дальше, при анализе корпусных данных, опирались на значения наречий, выделенные словарями. Однако при описании наречия *охотно* (2.2.4) столкнулись с необходимостью в большей степени опираться на корпус. В настоящем разделе мы снова вынуждены в большей степени опираться на корпусные данные, которые позволяют и проследить семантическую эволюцию наречия *нечаянно*, и – уже на основе корпусного анализа – уточнить лексикографические толкования, – поскольку первичный анализ показал, что данные большинства словарей (в плане организации внутренней структуры и иерархии значений) расходятся с данными корпуса.

В толковых словарях для *нечаянно* выделяются два значения – 1) ‘неожиданно’ (*нечаянно встретил*) и 2) ‘ненамеренно, неумышленно, случайно’ (*нечаянно уронил, разбил*; далее, сокращенно, – ‘ненамеренно’).

Для нас важно отметить, что значение ‘без намерения, невольно’ дается как второе, а в качестве первого, то есть главного, основного, представлено именно значение ‘неожиданно’, – что не соответствует современному словоупотреблению и данным корпуса.

При этом только в словаре Ефремовой [Ефремова–II 2006] непосредственно толкуется наречие *нечаянно*:

1. Неожиданно.
2. *перен.* Без какого-либо определённого намерения; случайно, невольно.

(заметим, что это единственный словарь, где значение ‘ненамеренно’ дается как переносное).

¹¹В разделе 2.3.1 в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: *Олонцев А. А.* Русские наречия в свете микродиахронического корпусного анализа (на примере наречия *нечаянно*) / А. А. Олонцев // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации : сборник статей по материалам Международной научной конференции, Нижний Новгород, 04–05 апреля 2024 года. – Нижний Новгород : Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», 2024. – С. 180–187. (В списке литературы – [Олонцев 2024b]).

В большинстве толковых словарей современного русского языка отдельные словарные статьи для наречия *нечаянно*, как и для многих других наречий, отсутствуют (приводятся только примеры употребления *нечаянно*); *нечаянно* описывается в соответствующих статьях исходного прилагательного *нечаянный*, то есть считается, что значения прилагательного полностью наследуются производным наречием *нечаянно*.

При этом и у прилагательного *нечаянный* основным считается значение ‘неожиданный’, ср. словарь под ред. С.А. Кузнецова:

[БТСРЯ 2003]: **Нечаянный** 1. Никак не предполагаемый, случившийся неожиданно. *Н. встреча. Н. удача, радость.*

2. Совершенный без намерения, случайно; ненамеренный, неумышленный. *Н. выстрел. Н. смех. Н. дерзость. Н. падение.*

Нечаянно, нареч. *Н. уехал. Н. упасть. Н. погасила лампу.*

ЗАМЕЧАНИЕ. Отметим, что приводимый в словаре контекст *нечаянно уехал* в НКРЯ не обнаружен. Есть единичные примеры вида: *Того, кто поверит указателю, ждут 10 километров ям и колдобин, а вместо Айти можно нечаянно уехать в Сагру* [Vesti.ru, 04.10.2010], но здесь в сфере действия наречия не глагол, а локатив.

Мы не можем, без специального корпусного исследования, судить о том, какова семантическая структура и иерархия значений прилагательного *нечаянный*. Беглый просмотр контекстов из НКРЯ показывает, что, во-первых, ко многим контекстам подходит толкование не только ‘неожиданный’, но и ‘случайный’ – иногда оно даже предпочтительней, – а во-вторых, значительную долю контекстов составляет сочетание *нечаянная радость*, которое является устойчивым и, следовательно, не может служить критерием актуального словоупотребления. В любом случае, ориентация на иерархию значений в семантической структуре прилагательного *нечаянный* подвела лексикографов, так как у наречия *нечаянно* она другая.

Если обратиться к современному словоупотреблению, то в актуальной речевой практике носителей русского языка основным для наречия *нечаянно*

является 'ненамеренно, случайно', а не 'неожиданно', см. таблицу 4. Это подтверждает и анализ материала из подкорпуса XX – XXI вв.

Чем руководствовались авторы словарей XXI в., давая устаревающее (скорее даже устаревшее) и менее распространенное в современном языке (а в текстах XXI в. очень мало распространенное) значение 'неожиданный / неожиданно' для *нечаянный / нечаянно* в качестве первого, основного, не ясно, – возможно, этимологическими связями: *нечаянно* ('неожиданно') связано с *чаять* ('надеяться, ожидать'), ср.:

Вера поняла: ей несказанно повезло, каким-то чудом, не чая этого, она оказалась за общим столом с выдающимися людьми современной эпохи, составляющими славу и гордость нашей культуры [Анатолий Салуцкий. Немой набат // «Москва», 2019].

Не исключено, что сыграли роль и прецедентные тексты вроде строчки песни из знаменитой кинокомедии «Веселые ребята» (1934 г.): «*Любовь нечаянно нагрянет, // Когда ее совсем не ждешь...*» [В.И. Лебедев-Кумач] = *неожиданно нагрянет*, а не *без намерения нагрянет*. В любом случае, такое лексикографическое решение противоречит и интуиции современных носителей языка, и данным корпуса.

Что касается словарей, создававшихся в 50-е – 80-е годы XX века, – БАС и МАС – то их лексикографическое решение, возможно, ориентировано на примеры из текстов русской классической литературы XIX в., когда значение 'неожиданный / неожиданно', как показывают данные НКРЯ, было основным (по крайней мере, в 1-й половине XIX в.). Впрочем, и примеры в БАС и МАС из текстов XX в., по понятным причинам, не дают представления о современном словоупотреблении:

(1) в [БАС–VII 1958]: **Нечаянный**, -ая, -ое. 1. Неожиданно случившийся, неожиданный. *За одним из сих столов Петр играл в шашки с одним широкоплечим английским шкипером. Государь так был озабочен нечаянным ходом своего противника, что не заметил Корсакова.* Пушкин. Арап Петра Великого.

Вдруг взоры мои остановились на голубом покрывале: испуганная моим нечаянным появлением, дева забыла его на траве подле самой могилы. Загоскин, Аскольдова могила. 2. Совершенный неумышленно, без намерения; случайный. *Нечаянный выстрел. Нечаянный поступок. – И ведь не я же толкнула тебя (у нее страстно прорвалось это нечаянное «ты» /.../).* Федин, Необыкн. лето.

Нечаянно, нареч. *Как ангел, Изабелла Пред ней нечаянно явилась у дверей.* Пушкин. Анджело. *Авдотья подошла к лампадке, стала поправлять ее и нечаянно погасила.* Тург. Постоял, двор».

(2) в [МАС–II 1986]: **Нечаянный**, -ая, -ое. 1. Никак не предполагаемый, неожиданный, внезапный. *Государь так был озадачен нечаянным ходом [шашки] своего противника, что не заметил Корсакова.* Пушкин, Арап Петра Великого. *С людьми видался он только по крайней надобности, а когда случались нечаянные встречи, старался сделать их покороче.* А. Кожевников, Живая вода. 2. Совершенный без намерения, случайно; ненамеренный, неумышленный. [Слон] *сделал нечаянное неловкое движение и наступил на кролика.* Куприн, Слоновья прогулка.

Нечаянно. Нареч. к нечаянный. Он научился плавать как-то нечаянно, само собой. Горбатов, Донбасс.

Актуальную речевую практику последних десятилетий отражает значение *нечаянно*, представленное в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» [НОССРЯ 1997–I; 2004], где это наречие описано в составе синонимического ряда **невольно, нечаянно, случайно 2, ненароком, невзначай, непроизвольно** (автор – И.Б. Левонтина). *Нечаянно* входит в группу слов, «которые описывают ситуацию, когда человек сделал что-то, не входившее в его планы», не соответствовавшее его устремлениям и желаниям (в противоположность наречию *охотно*), «причиной этого является то, что человек не полностью контролировал свои действия» [НОССРЯ 2004: 628]. Мы бы добавили к этому противопоставлению еще наречия *нарочно, умышленно, сознательно* (см. ниже).

Как отмечается в словарном описании синонимического ряда **невольно, нечаянно...**, в современном русском языке наречие *нечаянно* обозначает ситуацию, при которой «произошла мгновенная и временная потеря человеком контроля над своим движением, речью и т.п., следствием чего обычно является поведенческий провал» [НОССРЯ 2004: 629]. Именно к этому типу ситуации подходит толкование ‘ненамеренно’. Впрочем, как мы покажем ниже, круг употреблений *нечаянно* значительно шире и не сводится к концептуальной схеме ‘отсутствие намерения сделать Р’ и утрате контроля над движением или речью.

Значение ‘неожиданно’ И.Б. Левонтина относит к языку XIX в. («Слово **нечаянно** в языке XIX в. имело также значение ‘неожиданно, непредвиденно, врасплох’ [НОССРЯ 2004: 630].

Впрочем, как будет видно из примеров (см. ниже), значение ‘неожиданно, врасплох’, действительно, характерное для XVIII – первой половины XIX вв., встречается и в текстах XX и даже XXI вв. Другое дело, что в текстах конца XX–XXI вв. *нечаянно* в значении ‘неожиданно’ ощущается как устаревшее, стилистически маркированное, «несовременное». Поскольку такое *нечаянно* характерно для текстов художественной литературы, не исключено, что его употребление надо расценивать как художественный прием.

Далее мы будем использовать нумерацию значений, соответствующую современному языку: *нечаянно 1* – ‘ненамеренно’, *нечаянно 2* – ‘неожиданно’.

Что касается формулировок значений (толкований) в словарях, необходимо заметить следующее.

Идею объединить в одном толковании компоненты ‘ненамеренно’ и ‘случайно’, которая реализована в БАС, МАС, СЕ, БТСРЯ 2003, БАС-Н, нельзя признать удачной. Смысл ‘случайно’ как импликатура является тривиальным следствием из обоих типов ситуаций (соответствующих значениям 1 и 2) – ‘ненамеренно → случайно’ и ‘неожиданно → случайно’. Если же рассматривать ‘случайно’ как полноценный компонент толкования, то у такой характеристики есть свой круг ситуаций, и, возможно, она заслуживает статуса отдельного

значения (см. ниже). Во всяком случае, характеристика *случайно* не обязательно связана с утратой контроля и существенно шире, чем *нечаянно*.

***Нечаянно* в подкорпусе XX – XXI вв.**

Прототипической ситуацией для употребления *нечаянно I* (в современном языке) является сознательная целенаправленная деятельность человека, в ходе которой, в силу **утраты контроля**, возникает побочный, случайный, незапланированный – и, как правило, негативный – результат.

Предикаты, которые входят в сферу действия *нечаянно*, как правило, неагентивные, а роль субъекта в ситуациях *нечаянно P* – сложная, «комплексная». И для обозначения этой роли в работах [Падучева 2000; 2004] используется термин «субъект ответственности»: поскольку сбой в случаях типа [*нечаянно*] *уронил пакет, разбил чашку, поцарапал вазу, опрокинул банку с краской, разлил чай на скатерть, толкнул прохожего, наступил на коробочку* и под. происходит в процессе контролируемой деятельности («нес пакет /шел или как-то иначе двигался» и т.п.), то субъект несет ответственность за последствия (не удержал контроля над ситуацией). Некоторые глаголы могут употребляться в двух режимах – агентивном, ср. *разбил бокал на счастье, толкнул Берлиоза под трамвай* и т.п., и неагентивном, с субъектом ответственности, ср. *случайно / нечаянно разбил, толкнул, наступил* [на что-то], *раздавил, оцарапал*, ср. [Кустова 1992]. Для обозначения случаев второго типа будем использовать «ярлык» ‘ненамеренно’ или формулировку ‘утрата контроля над ситуацией’. Вообще, формулировка ‘утрата контроля’ требует оговорки: если ситуация неконтролируемая (пусть и с личным субъектом), ср. *упал, уронил*, характеристика ‘утрата контроля’ к ней в буквальном смысле неприменима; поэтому такая ситуация должна рассматриваться в более широком контексте: субъект делал что-то другое (в данном случае, например – «шел» / «бежал» / «прыгал» и т.п., «нес что-то»), – и в реализации этой агентивной ситуации произошел сбой (для краткости вместо «предикат, обозначающий неконтролируемую ситуацию», иногда будем говорить: «неконтролируемый предикат»).

Результат деятельности или событие в контексте *нечаянно* являются не просто случайными, незапланированными, а именно нежелательными, отрицательными, нередко наносящими ущерб субъекту (или другому лицу) или объекту (а тем самым – косвенно – и человеку).

Утрата контроля может иметь разные варианты. Это может быть нарушение физического контроля над ситуацией и, соответственно, физический ущерб субъекту или объекту. Типичным является контекст глаголов движения и физических манипуляций с объектом, ср.:

*Сообщается, что владелец одной из квартир на 19-м этаже попытался самостоятельно установить раму, однако **нечаянно уронил** ее* [Мужчина пережил падение окна на голову // Lenta.ru, 20.06.2019];

*Джимми Макдональд плыл на лодке и делал фотографии на камеру своего нового телефона, когда **нечаянно упал** в воду* [Семь священников спасли тонущего в озере мужчину // Lenta.ru, 05.09.2020];

*По словам потрепанного водителя, он **нечаянно стукнул** соседний автомобиль* [«Я был трезв»: избитый виновник аварии сбежал в лес и выпил пива // Vesti.ru, 07.04.2020];

*Некоторые насекомые утратили исходный яркий цвет в процессе подготовки образцов к исследованию. Вероятно, образцы были **нечаянно повреждены*** [Огромная редкость: в янтаре найдены мезозойские насекомые с сохранившейся окраской // Vesti.ru, 02.07.2020]

– здесь в пассивной конструкции субъект ответственности не обозначен в явном виде, но подразумевается, что образцы случайно повредил тот, кто готовил их к исследованию.

*Кто я такая, чтобы мое мнение, тем более негативное, звучало во всеуслышанье? Тем более кого-то **нечаянно ранило**. Такие вещи лучше всегда оставлять при себе* [«В вопросах карьеры интуиция меня никогда не подводила» // Известия, 06.12.2018].

– с формальной точки зрения, неодушевленный субъект *мнение* [кого-то *ранило*] не допускает трактовки ‘без намерения’. Но этот пример должен быть понят метонимически: человек, высказывая мнение, может – ненамеренно, неумышленно – кого-то обидеть, причинить ущерб другому лицу.

Именно потому, что ущерб / негативные последствия возникают без умысла, по ошибке, *нечаянно* семантически и оценочно противопоставляется наречию *нарочно* (не просто умышленно, а обычно даже с негативными, неблагоприятными целями, со злым умыслом). Поэтому *нечаянно* может функционировать как формула извинения (ср. НОССРЯ 2004: 629):

– Ты что, нарочно? – Нет, я нечаянно;

– Прости, я нечаянно / не нарочно.

В более широком смысле нежелательным результатом можно считать сам факт того, что ситуация пошла не по плану, что в ходе ее реализации произошли нарушения (ср. фразему *что-то пошло не так*) – **сбой в сценарии**. Это можно считать нарушением ментального контроля – в таких ситуациях *нечаянно* нередко можно заменить на адвербиал *по ошибке*:

Один из сотрудников нечаянно подключил к каналу НТВ не тот кабель [lenta.ru, 15.10.2019];

Врачи из Гонконга нечаянно установили питательную трубку в легкое пациента [Московский комсомолец, 29.11.2019].

При нарушении ментального контроля результатом тоже может быть ущерб (в том числе физический), но он обнаруживается не сразу и может оставаться неочевидным для субъекта (в приведенных примерах ущерб касается не субъекта ситуации Р, а других людей). При этом сам предикат, к которому относится *нечаянно*, контролируемый, и здесь приходится использовать аппарат теории сферы действия (понятие «сфера действия» мы используем в том значении, которое введено в работах [Богуславский 1985; 1990; 1996]). В сфере действия *нечаянно* оказывается не вся ситуация (‘подключил что к чему’; ‘установил что куда’), а ее фрагмент (‘не тот кабель’, ‘не в то место’).

Наконец, *нечаянно* применяется к ситуациям, где речь идет не об утрате контроля, а о стечении обстоятельств:

*Наряд Oh My My Cut Out Mini Dress представляет собой черное мини-платье с одним рукавом, которое полностью оголяет левую часть тела. При этом ткань с этой стороны закрепляется только с помощью крупных металлических колец. Покупатели раскритиковали дизайн. По их мнению, это платье подвергает опасности **нечаянно** оголиться в общественном месте* [Покупатели высмеяли платье за невозможность носить его с бельем // lenta.ru, 19.09.2019].

К таким ситуациям в большей степени применима характеристика ‘случайно’, а *нечаянно* употреблено, поскольку ситуация связана с ущербом.

Вообще, такие контексты наводят на размышления о теоретической проблеме классификации наречий, которую мы обсуждали в главе I. Качественные наречия на *-о* традиционно относят к наречиям образа действия. Очевидно, однако, что в приведенном типе употреблений (*нечаянно разбил вазу*) *нечаянно* едва ли можно считать наречием образа действия, так как ситуация не является действием (не говоря уже о том, что это наречие с плавающей сферой действия).

Есть также большое количество контекстов, для которых идея нарушения контроля и характеристика ‘ненамеренно’ нерелевантна.

Значение ‘ненамеренно’ нейтрализуется, а значение ‘случайно’ выходит на первый план в тех случаях, когда нет ущерба себе или другому лицу:

*А я – не знаю, как – фамилию Стеценко дала **нечаянно** одному из героев романа* [Любовь Кабо. Правдёнка (1997)]

– в таких случаях уместно использовать понятие «укрупнение масштаба». Когда писательница давала фамилию герою романа, она, несомненно, делала это сознательно и намеренно. Но затем, при помещении этой ситуации в более широкий контекст, при рассмотрении ее с разных точек зрения выяснилось, что

это, исходно контролируемое, действие может быть квалифицировано как сбой в сценарии.

Идея сбоя в сценарии и понятие «укрупнение масштаба» достаточно часто требуются при объяснении употреблений *нечаянно*:

А зимой очень хочется спать. Некоторые засыпают нечаянно, пытаюсь согреться под одеялом [Катя Метелица. Зима (1997) // «Столица», 08.12.1997]

– человек планировал бодрствовать и пытался контролировать ситуацию «не спать, не заснуть», то есть пытался преодолевать сон. Ситуация «заснуть» не входила в его планы, тем не менее он случайно заснул. Здесь нет идеи прямого ущерба, но сохраняется идея сбоя в сценарии – ‘X не планировал P, но P произошло’.

В связи с такого типа примерами возникает вопрос о том, не следует ли включить в словарные описания *нечаянно* значение ‘случайно’ как отдельное, самостоятельное. Этот вопрос требует специального исследования, но может быть поставлен уже сейчас.

Что касается значения ‘неожиданно’ (*нечаянно* 2), то как отдельное, самостоятельное оно трудно выделимо из употреблений *нечаянно* в современных текстах (трудно отделимо от ‘случайно’).

Более универсальным для таких употреблений является смысл ‘случайно’, – который в словарях, напомним, включается в толкование *нечаянно* 1 (‘ненамеренно’). ‘Неожиданно’ – маркированная, «контрастивная» характеристика: *неожиданно* обычно применяется к тем ситуациям, когда наблюдатель не просто не ожидал P, а ожидал чего-то другого (Q) или не считал ситуацию P вероятной, и P не просто имеет место – она «выбивается» из текущего потока событий и поэтому **воздействует** на состояние наблюдателя, удивляет, задевает, ср.:

Второй раз женился, когда бизнес уже развернул. Любаша хорошая хозяйка была и с друзьями моими не кокетничала. Зато денежки притыривать стала. Нечаянно наткнулся на сберкнижку. Не было в то время карточек, она

сберкнижку завела. /.../ Противно мне стало, я и развелся [Марина Зосимкина. Ты проснешься (2015)]

– субъект случайно наткнулся на сберкнижку, а неожиданность в данном случае метонимически характеризует скорее другую ситуацию: он не ожидал (и его неприятно удивило), что жена «прячет» деньги.

Вообще же, в текстах конца XX – XXI вв. употреблений *нечаянно*, где бы оно имело однозначную интерпретацию ‘неожиданно’, без «примеси» ‘случайно’, почти нет (в отличие от текстов XVIII – XIX вв. – см. ниже). В большинстве случаев характеристики ‘случайно’ и ‘неожиданно’ одинаково применимы к употреблением *нечаянно*:

*А потом проходишь вдруг **случайно** мимо отеля «Метрополь» и **нечаянно** видишь Дэниэла Эдвардса, мэра далекой американской Москвы [«Столица», 26.08.1997]*

– данная ситуация может быть охарактеризована и как неожиданная, и как случайная (случайно увидел мэра), возможно, *нечаянно* употреблено для того, чтобы не повторять *случайно*;

*Она хорошо знала русскую литературу, и теперь ей **нечаянно** вспомнился эпизод из «Леди Макбет Мценского уезда» [Ксения Яхонтова. Смятение Анастасии (1996-1998)]*

– ‘случайно, неожиданно вспомнился эпизод’; *вспомнился* представлено как спонтанное событие, ср.: *вдруг вспомнился эпизод*;

*На прошлой неделе люди, потерявшие когда-то друг друга из поля зрения, **нечаянно** встретились [Ольга Демьянова. Две непрожитые жизни (1997) // «Столица», 12.08.1997]*

– ‘встретились неожиданно / случайно, не могли предвидеть, что встретятся’.

Неожиданно и *случайно* по-разному концептуализуют (профилируют) характеризуемую ситуацию, но во многих случаях могут применяться к одной и той же ситуации (как в приведенных примерах). Мы хотим подчеркнуть, что

характеристика ‘неожиданно’, разумеется, применима к приведенным выше ситуациям, однако во всех этих примерах более уместным было бы использование самого наречия *неожиданно*. Что же касается *нечаянно* в значении ‘неожиданно’, то выбор *нечаянно* выглядит как «неоптимальное» решение, что лишний раз говорит о том, что данный тип употребления в современном языке является устаревающим и вытесняется наречием *неожиданно*.

Еще один важный вывод, который мог бы быть учтен при уточнении толкований *нечаянно* в словарях: в тех случаях, когда нет идеи нарушения контроля и нежелательных последствий (уже наступивших или отдаленных), а есть только идея сбоя в сценарии, *нечаянно 1* (‘случайно’) становится практически неотличимым от *нечаянно 2* (‘неожиданно / случайно’); в каких-то контекстах *нечаянно 1* и *нечаянно 2* «нейтрализуются», «сливаются», различие между ними стирается. Объективным условием для сближения является то, что смысл ‘случайно’ является общим для обоих значений.

Тем более различия между двумя значениями могут нейтрализовываться, если речь идет не о ситуации с участием человека, а о некотором событии, которое воспринимает наблюдатель:

Рождество и детство тут нечаянно оказались связаны [Андрей Балдин. Московские праздные дни (1997)].

Итак, есть контексты, где значения *нечаянно 1* и *нечаянно 2* максимально различаются, максимально противопоставлены, и контексты, где они сближаются, плохо различаются или даже нейтрализуются. Случайное событие человек не планировал (не намеревался совершать) и не ожидал, поэтому ко многим случайным событиям одинаково хорошо применимо и *нечаянно-случайно*, и *нечаянно-неожиданно*.

Таким образом, обзор контекстов употреблений *нечаянно 2* тоже наводит на мысль о целесообразности выделения значения ‘случайно’ в качестве самостоятельного – третьего? – значения в словарных толкованиях *нечаянно*.

Для того, чтобы с наибольшей наглядностью продемонстрировать различие *нечаянно 1* и *нечаянно 2*, необходимо рассматривать такие ситуации, в которых значения ‘ненамеренно, неумышленно’ и ‘неожиданно’ будут максимально противопоставлены.

Наиболее репрезентативным для реализации значения *нечаянно 1* – ‘ненамеренно, неумышленно’ – будем считать такой тип ситуации, когда субъект получает не просто случайный, а **нежелательный, негативный результат** (ср.: *уронил, разбил, сломал, поранился* и т.п.), то есть своим действием причиняет **ущерб** себе, другому лицу или объекту (ущерб объекту, как уже говорилось, может содержать импликатуру ущерба человеку): ‘утрата контроля’ ± ‘ущерб, нежелательность’:

У нас было так светло по вечерам, но мы нечаянно испортили светильничек у доброго Светлячка [Валентин Постников. Приключения Вахмурки и Мухмурки (1997)];

А ну как нечаянно рукавом заденешь да разобьешь?! [Виктор Астафьев. Веселый солдат (1987-1997) // «Новый Мир», 1998].

Для *нечаянно 2* можно выделить два режима употребления, которые не разграничиваются в словарях, но имеют совершенно разный «внутренний синтаксис», то есть образуют разные семантические структуры:

1) **некорреферентное** *нечаянно 2* – ‘неожиданно для другого человека’:

2) **корреферентное** *нечаянно 2* – ‘неожиданно для самого субъекта’ (термин «корреферентное» к таким случаям применяется условно, так как в некоторых контекстах субъект и наблюдатель / повествователь неразличимы, см. ниже; но мы не можем на этом останавливаться; подробно особенности некорреферентного употребления наречий, в том числе *нечаянно*, см. в [Кустова 2026, в печати]).

Оба эти употребления реализуются в текстах конца XVIII–XIX вв. (примеры см. ниже).

***Нечаянно* в подкорпусе конца XVIII – XIX вв.**

Подкорпус конца XVIII – XIX вв. позволяет проследить эволюцию употреблений *нечаянно*, которую, несколько упрощая ситуацию, можно описать как постепенный переход от преобладания значения ‘**объект** Y не ожидал P’ или ‘**субъект** X не ожидал / не планировал P’ к преобладанию значения ‘субъект X утратил контроль над P / причинил ущерб объекту / себе самому / другому лицу’. Таким образом, для текстов конца XVIII – начала XIX вв. нумерация значений должна быть другой: 1 – ‘неожиданно’, 2 – ‘утратив контроль, ненамеренно’. Но мы сохраняем старую нумерацию – для единообразия.

Некорреферентное *нечаянно* 2–‘неожиданно’.

Словарные толкования наречий образа действия, по умолчанию, предполагают, что наречие является дополнительной характеристикой действия субъекта-агенса X – поскольку формально-синтаксически оно присоединяется к предикату агенса (ср.: *внимательно читал письмо; аккуратно развернул пакет* – ‘X читал / развернул и X был при этом внимателен / аккуратен’). Однако некоторые наречия, которые отвечают на вопрос «как?» и формально относятся к агентивному глаголу, характеризуют другое лицо, то есть употребляются некорреферентно (отдельный вопрос, можно ли их в таком случае считать наречиями образа действия). Соответственно, словарные толкования некорреферентную интерпретацию таких наречий не отражают.

В период XVIII – первой трети XIX вв. наиболее характерным для *нечаянно* является именно некорреферентное употребление: характеристика ‘неожиданно’ относится не к субъекту, а к другому лицу, – и толкование ‘неожиданно’, хотя формально является правильным, эту особенность не отражает:

Неприятель нечаянно напал на фуражиров второй дивизии [М.Н. Волконский. Журнал жизни и службы князя Михаила Никитича Волконского (1752)].

В таких ситуациях есть два лица – субъект-агенса X и объект Y. Мы условно называем Y-а объектом. С точки зрения семантических ролей глагольного предиката, он не всегда является объектом, а с точки зрения семантики *нечаянно*

У является экспериенцером ('У не ожидал Р'). Но для нас важно противопоставить субъекта-агенса Х и другое лицо У, поэтому мы для краткости будем использовать условные обозначения субъект и объект.

Итак, некорреферентное *нечаянно 2* – это действие Х-а, неожиданное для У-а: 'Субъект Х **намеренно** совершает действие Р, которое должно заставить У-а врасплох'.

Типичной для некорреферентного *нечаянно* является ситуация военных действий:

Здѣсь Русскіе нечаянно окружены были двадцатичетырехтысячнымъ непріятельскимъ отрядомъ, но оттъснили его и къ Хивѣ подошли еще ближе [С. В. Руссов. Путешествіе изъ Оренбурга въ Хиву (1840)].

Неожиданное для У-а событие может быть нейтральным:

Вдруг Юлиан нечаянно в разговоре спросил брата о жене его [Д. С. Мережковский. Смерть богов. Юлиан Отступник (1895)]

– или даже приятным:

Великой княгине захотелось дать супругу своему сюрприз и нечаянно представить ему в Гатчине театральное зрелище [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни. 1791-1798 (1791-1822)].

Подчеркнем, что некорреферентное *нечаянно* – 'неожиданно для У-а' – в XX веке не имеет аналогов: в контекстах типа *Любовь нечаянно нагрянет...* речь идет о случайном неагентивном (никем не контролируемом) событии.

Корреферентное *нечаянно 2*–'неожиданно'.

Корреферентное *нечаянно* имеет разные типы употребления, которые мы не можем здесь анализировать, так как это увело бы нас слишком далеко в сторону. Анализ этих употреблений и их отражение в словарях – насущная лексикографическая задача. Сейчас можем отметить лишь следующее.

Как показано в [Кустова 2026, в печати], только в высказываниях от 1-го лица можно констатировать, что *нечаянно* передает состояние субъекта Х:

Готовясь в дипломаты, попал я нечаянно в полевые офицеры [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни (1788-1822)]

– субъект Х не ожидал и не предвидел, что попадет в офицеры, а ожидал другого.

Однако в других случаях трудно установить, является ли Р неожиданным для субъекта-персонажа или так описывает, представляет ситуацию повествователь (нарратор, рассказчик):

Но он и не пробивал ее, а просто шел и нечаянно дошел до высоты, на которой мы видели его [П. А. Вяземский. По поводу записок графа Зенфта (1876)].

Частотными в текстах XIX в. являются сочетания *нечаянно*-‘неожиданно’ с глаголами восприятия.

Это может быть пассивное (неконтролируемое) восприятие:

Забежав по делу в канцелярию, нечаянно увидел там расстригу Павла Нищума, которого не видал почти с самого времени расстрижения [архиепископ Николай Японский (Касаткин). Дневник (1897)].

В современном языке в таких контекстах употребляется *случайно увидел / услышал*.

Это может быть и активное восприятие:

Недавно взглянул я нечаянно на то место, где бедная Зюлема начала со мною переписку; каково же было мое изумление, когда, по внимательном рассмотрении мрамора, я увидел что-то написанное! [Р. М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году (1850)];

Расхаживая тяжелыми шагами взад и вперед по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку – маленький человек в кожаном картузе и фризовой шинели вышел из телеги и пошел во флигель к приказчику [А. С. Пушкин. Дубровский (1833)].

В подкорпусе конца XVIII – XIX вв., как и в подкорпусе XX – XXI вв., есть примеры, когда *нечаянно* естественнее всего интерпретировать как ‘случайно’:

Я нечаянно шел мимо квартиры вашей и подумал себе: дай-ка посмотрю, рано ли он встает? [Антоний Погорельский. Монастырка (1833)]

– поскольку само по себе движение – агентивная (контролируемая) ситуация, *нечаянно шел мимо* можно описать как ‘X не планировал оказаться в этом месте’, случайно проходил мимо квартиры. При этом вряд ли здесь можно усматривать смысл ‘X оказался в этом месте неожиданно для себя’. Это говорит в пользу выделения значения ‘случайно’ как отдельного.

В заключение рассмотрим два случая – (а) случай контаминации значений *нечаянно 2* и *нечаянно 1* и (б) случай максимального расхождения *нечаянно* с обоими «словарными» значениями.

(а) В подкорпусе конца XVIII – XIX вв. есть примеры, где, как и в подкорпусе XX – XXI вв., имеет место своего рода контаминация ‘неожиданно’ и ‘ненамеренно’ в смысле сбоя в сценарии:

Елисей, искав погребя, зашел нечаянно в баню [В. И. Майков. К читателю [предисловие к «Елисею»] (1769)].

Сразу оговоримся, что само по себе движение агенса – действие намеренное и контролируемое, здесь в сферу действия *намеренно* попадает не вся семантическая структура, а только ее фрагмент – локализатор (‘в баню’). Но важно другое: ситуацию ‘нечаянно зашел в место L’ можно описать двояко: с одной стороны, ‘X не планировал и, следовательно, не ожидал, что окажется в месте L’ (*нечаянно 2*). С другой стороны, хотя здесь нет прямого ущерба, но в более широком смысле можно считать, что если человек потратил время и силы не на то, что он планировал, это некоторое нарушение, сбой в реализации сценария (*нечаянно 1*).

Еще более наглядный пример «двойной» интерпретации:

Дело в том, что она нечаянно подслушала у дверей последнюю часть разговора матери с Сашею [Р. М. Зотов. Два брата, или Москва в 1812 году (1850)]

– нечаянно услышала – это просто случайность, но *подслушала* имеет и «негативное» значение (*Подслушивать нехорошо!*), и здесь возникает идея ответственности, негативных последствий и под. ассоциаций со значением *нечаянно I*.

Такие примеры «синкретичного», «недифференцированного», «нерасчлененного» употребления *нечаянно* демонстрируют его потенциал и показывают, как в определенных контекстных условиях из этого исходного «материала» могли сформироваться значения ‘ненамеренно’ (при усилении компонента ‘сбой в сценарии’) и ‘неожиданно’ (при ослаблении этого компонента).

(б) Наконец, в текстах XIX в. обнаружилось некоторое количество контекстов, которые не только максимально контрастируют с современным употреблением, но и сильно расходятся с основными типами употреблений *нечаянно* в текстах XIX в.:

Прежде всего зашел к портному, оделся с ног до головы и, как ребенок, стал обсматривать себя беспрестанно; купил духов, помад, нанял, не торгуясь, первую попавшуюся великолепнейшую квартиру на Невском проспекте, с зеркалами и цельными стеклами; купил нечаянно в магазине дорогой лорнет, нечаянно купил тоже бездну всяких галстуков, более, нежели было нужно, завил у парикмахера себе локоны, прокатился два раза по городу в карете без всякой причины [Н. В. Гоголь. Портрет (1835)]

– купил дорогих вещей просто так, без всякой цели.

[Васильков]. *Позвольте, в качестве жениха, поднести вам. Я сегодня нечаянно купил эти вещи, а вот они и пригодились.* (Подает коробку, в которой серьги и брошка.) [А. Н. Островский. Бешеные деньги (1869)]

– без специальной цели, просто так.

Особенность этих употреблений состоит в том, что субъект совершает действие в свою пользу, поэтому здесь трудно усмотреть идею сбоя в сценарии и совсем невозможно – идею нарушения и тем более ущерба. Такие ситуации – в каком-то, очень широком, смысле – можно считать случайностью, но при этом случайность понимается весьма нестандартно. Такие парадоксальные употребления объясняются скорее всего метонимическим смещением: ‘накупил дорогих вещей и не чаял (не ожидал, не предвидел), что они пригодятся’.

Подобные употребления являются совершенно уникальными, не имеют аналогов в современном языке и не соответствуют словарным толкованиям.

Нечаянно 1-‘ненамеренно’ в подкорпусе XVIII – XIX вв.

В текстах конца XVIII в. – первой половины XIX вв. значение *нечаянно 1* (когда ситуация может быть истолкована как ущерб субъекту или другому лицу) встречается относительно редко:

В один день, когда они играли, Игнатий-царевич вышиб нечаянно камушком глаз дядькину сыну [Сказка о Игнатье-царевиче и о Суворе-невидимке мужичке (1786)];

Дитя плачет, разбив нечаянно свою игрушку, любовник, лишившийся своей химеры, плачет не менее ребенка [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни. 1791-1798 (1791-1822)].

Учитывая, что примеров *нечаянно-‘ненамеренно’* в текстах этого периода немного (в текстах подкорпуса XVIII в. они вообще единичны), нельзя исключать, что в то время они воспринимались не так, как их воспринимает современный читатель на фоне современного семантического противопоставления ‘ненамеренно’ VS. ‘неожиданно’, а имели интерпретацию ‘случайно + неожиданно’.

В любом случае контексты типа *нечаянно разбил* единичны на фоне многочисленных примеров значения ‘случайно, вдруг’.

Только со второй трети XIX в. примеры, где *нечаянно* относится к действию, наносящему ущерб лицу или объекту, достаточно хорошо представлены в текстах:

*Экой народец какой! Васька, да что же это такое? разве ты не можешь пройти, не задев за что-нибудь? Мало бьют вас, бестии... **Нечаянно? нечаянно!** Да еще бы **нарочно?** Шшиш! Шш! Шш!.. О, господи боже мой! чувства никакого нет в этом народе, решительно никакого [И. И. Панаев. Прекрасный человек (1840)];*

На повороте с Литейной на Невский проспект он вздрогнул от одного самого неприятного ощущения и, сморщась, как бедняга, которому наступили нечаянно на мозоль, торопливо, даже со страхом прижался в самый темный уголок своего экипажа [Ф. М. Достоевский. Двойник (1846)];

*Один извозчик **нечаянно задавил** кого-то. По донесении о том государю последовал приказ: выслать из города всех извозчиков [Н. И. Греч. Записки о моей жизни (1849-1856)];*

*Отец ее – человек, говорят, весьма замечательный – быстро достиг полковничьего чина и пошел бы еще далее, но погиб в молодых летах, **нечаянно застреленный** на охоте товарищем [И. С. Тургенев. Фауст: рассказ в девяти письмах (1856)];*

Глядя по сторонам в этой пестрой толпе, я нечаянно толкнул какую-то даму, проходившую мимо [К. М. Станюкович. Оригинальная пара (1877)]

– здесь акцентируются обстоятельства утраты контроля.

Особенно показательны употребления *нечаянно* в контексте оправдания / извинения, как в современном языке:

Гуляющие раскланиваются, сталкиваются, извиняются и обмениваются выразительными взглядами, сердятся... – Ах! – обиженным тоном вскрикивает пожилая дама, идущая под руку с румяным кавалером. Румяный кавалер не хочет понять, что толкнуть в тесноте нечаянно – дело очень естественное; в его голове тотчас составляется страшная драма. Смерив грозным взглядом

неловкого господина, впрочем совершенно невинного, – платье дамы так длинно, что само подвертывается под ноги, – он восклицает: Милостивый государь! вы наступили моей даме на платье! Извините, я нечаянно! [2331. Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Три страны света (1849) // 1849, № 1-5 http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/, 1848-1849];

И, отвернув обшлаг рукава, он сорвал с руки перевязку и показал Полиньке обрез, довольно глубокий. Полинька вспыхнула и, качая головой, с упреком сказала: Это вам не стыдно? Башмачник /.../ поспешил оправдаться: Я нечаянно. [Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Три страны света (1849) // 1849, № 1-5 http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/, 1848-1849];

– Зачем ты забросил мяч Николая? – говорила мама.

– Да я его не забросил, мама, я играл им, а он попал в крапиву, я нечаянно.

[Е. В. Салиас-де-Турнемир (Евгения Тур). Звездочка (1884)]

В текстах последней трети XIX в. значение ‘ненамеренно’ по количеству вхождений уже сопоставимо со значением ‘неожиданно, внезапно, вдруг’.

Специальные контексты

Иногда сами условия контекста – синонимическая (*нежданно, негаданно*) или антонимическая (*нарочно*) лексика – способствуют актуализации того или другого значения.

Контекст наречий *нежданно, негаданно* способствует реализации у *нечаянно* значения ‘неожиданно’:

Но тут всегда случалась одна странность: всегда было сама назначит, чтоб я приехал, и уж наверно ждет меня, но, чуть я войду, она непременно сделает вид, что я вошел нежданно и нечаянно [Ф. М. Достоевский. Подросток (1875)];

Считая Якима Прохорыча в мертвых, Манефа внесла его имя в синодики постенный и литейный на вечное поминовение. И вдруг нечаянно, негаданно явился он... [П. И. Мельников-Печерский. В лесах (1871-1874)];

Он забывал нередко о своем остроумном слове сейчас же после того, как оно, нежданно и нечаянно, бывало им высказано [В.П. Мещерский. Мои воспоминания (1897)].

В этих примерах ряды однородных членов *нежданно и нечаянно; нежданно и нечаянно* коррелируют с устойчивым оборотом *нежданно–нежданно*, что явным образом «профилирует» для наречия *нечаянно* именно семантику неожиданности.

В контексте противопоставления – прямого, ср.: *нарочно, умышленно VS. нечаянно*, или более сложного, ср.: *старался VS. вышло нечаянно*, – актуализируется значение ‘ненамеренно’:

– *Да ведь ты слышал, она при тебе даже сказала, что она будет сидеть нынче у окна, на пруд смотреть. – Да, это она так сказала. – Вот то-то я и не знаю, нечаянно или нет она это сказала* [Л. Н. Толстой. Два гусара (1856)];

– *Разве это не ужасно с вашей стороны пугать меня и этак кричать... Ведь это вы кричали? – Я. – Нарочно? – Конечно, не нечаянно* [Е. А. Бекетова (Краснова). Ночь накануне Ивана Купала (1877-1892)];

Нарочно или нечаянно, но на лестнице молодой человек остановился, натягивая перчатки [Н. А. Лухманова. Девочки (1894)];

Лучшие вещи всегда выходят нечаянно; а чем больше стараешься, тем выходит хуже [Л. Н. Толстой. Два гусара (1856)].

Хотя в приведенных примерах реализуется свойственное и языку XX – XXI вв. противопоставление *нарочно / умышленно / сознательно / специально VS. нечаянно*, ср.:

Но иногда Осип Эмильевич проговаривался, не знаю, умышленно или нечаянно [Эмма Герштейн. Мандельштам в Воронеже (по письмам С. Б. Рудакова) (1985-2002)];

То ли нарочно, то ли нечаянно, но стекло в окне он разбил [Г. В. Андреевский. Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1920-1930-е годы (2008)];

*Ты, сыночек, уж, наверное, по почерку догадался, что не Света, а я состояла в переписке с тобой. Не обижайся! У меня сердце кровью облилось, когда твое первое письмо **открыла**. **Не специально, нечаянно** – ведь мы обе Светланы, вот и думала, что мне [Н. В. Нестерова. Конфликт хорошего с лучшим (2013)]*

– тем не менее сочетания из текстов XIX в. – *нечаянно остановился, нечаянно сказала* – не естественны для современного языка.

Итоги

Итак, исследование языковых данных подкорпуса конца XVIII – XIX вв. показало, что чем глубже во времени хронологический срез для анализа, тем более частотно употребление наречия *нечаянно* в значении ‘неожиданно, внезапно’. Так, для периода с 1790 по 1830 гг. НКРЯ в изобилии дает такие примеры:

*Пришел он с полком в Литовскую инспекцию в отсутствие князя Н.В. [Репнина] из Литвы, был под судом и под студом в продолжение не одной земской давности; **нечаянно назначен** шефом полка и произведен в генералы от инфантерии [Ф.П. Лубяновский. Воспоминания (1777-1834)];*

*На шестьдесят шестом году его жизни случилось с ним несчастье – гончая собака молодого графа, нового его господина, порученная его присмотру, **нечаянно околела** [И.А. Крылов (?). Добросердечный разбойник (1795)].*

Примеры же употребления *нечаянно* в значении ‘утрата контроля’:

*Пила она чай, **уронила нечаянно чашку** – рассердилась, да и чайник хлопнула о пол [Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Мертвое озеро (Часть первая) (1851)]*

– или ‘случайный нежелательный результат’:

*Креницын бросил без всякой мысли камень и совершенно **нечаянно разбил** в церкви Воскресения окно [Е. Ф. Литвинова. Н. И. Лобачевский. Его жизнь и научная деятельность (1895)]*

– до середины XIX в. немногочисленны.

Напротив, в подкорпусе XX – XXI вв. встретилось очень малое количество примеров употребления *нечаянно* в значении ‘неожиданно’, ср.:

Так безнадежный путник, набредя нечаянно на сокровенный оазис, падает без сил [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)]
– ‘неожиданно для себя; не планировал и не ожидал найти оазис’.

Наиболее естественными для текстов XX – XXI вв. являются контексты, где сочетаются семантические компоненты из разных значений:

Два века спустя после смерти Катутла ритор Апулей, автор знаменитого «Золотого Осла», нечаянно захворал по дороге в Александрию [Владислав Отрошенко. Эссе из книги «Тайная история творений» // «Октябрь», 2001]

– здесь синкретично реализуются идеи случайности и нежелательности.

В тех случаях, когда полностью отсутствует смысл ‘ущерб’, ‘нежелательный результат’ или хотя бы просто ‘нарушение сценария’, *нечаянно* (особенно с контролируемыми глаголами) в современных текстах звучит неестественно:

Сначала она шла, потом нечаянно побежала, а потом встала на ребро панциря, покатила как колесо и выиграла велосипедную гонку [А.В. Лисаченко. Алфавитные сказки (2015)].

Проведенный нами мини-опрос информантов показал, что подобные примеры не воспринимаются как стилистически безупречные и оцениваются как устаревшие, архаичные.

В целом употребления наречия *нечаянно* в значении ‘неожиданно’ для современного периода развития русского языка нехарактерны. Возможно, в полной мере ощутить архаичность таких употреблений мешают прецедентные тексты вроде «любовь нечаянно нагрянет». Аналогичная ситуация возникла с наречием *второных*, которому посвящен следующий раздел. А.Б. Пеньковский в своей работе упоминает, что знаменитая строчка из А.С. Пушкина «Прибежали в избу дети, / Второных зовут отца» отражает старую норму и противоречит современной норме, но, в силу того, что эта строчка «входит в сознание каждого

образованного русского с первых детских лет» [Пеньковский 2004: 174], она не воспринимается как нарушение нормы, как ошибка – и даже, добавим мы, регулярно включается в словарные статьи наречия *второпях* в качестве текстовой иллюстрации. Таковы парадоксы влияния прецедентных текстов не только на рядовых носителей языка, но и на лексикографов.

Квантитативный анализ разных значений наречия в разные периоды времени.

Количественный анализ в целом подтверждает сделанные выше наблюдения. Его результаты представлены в Табл. 4.

Таблица 4.

Разные значения наречия *нечаянно* в разные хронологические периоды

НЕЧАЯННО	Кол-во	%	Кол-во	%
Значения наречия	конец XVIII – XIX вв.		XX – XXI вв.	
1. Непреднамеренно, без намерения, случайно	211	70,3	293	97,7
2. Неожиданно, непредвиденно	89	29,7	7	2,3

Мы видим, что для периода конца XVIII – XIX вв. количество употреблений наречия *нечаянно* в значении ‘неожиданно’ составляет около одной третьей части всей выборки, то есть если бы составители словарей учитывали корпусные данные, то не только для XX в., но и для XIX в. первым (основным) следовало бы признать значение ‘ненамеренно, в результате нарушения контроля над ситуацией’. Абсолютным «лидером» значение ‘неожиданно’, как мы уже говорили выше, было только в конце XVIII – начале XIX вв.

Применительно к периоду XX – XXI вв. количество употреблений *нечаянно*-‘неожиданно’ крайне незначительно.

Таким образом, мы видим, что динамика семантических изменений наречия *нечаянно* также подтверждает идею А.Б. Пеньковского о том, что система наречий

русского языка изменяется в направлении семантической дифференциации и внутренней упорядоченности в распределении свода значений.

Отметим также, что предложенная исследовательская модель позволяет верифицировать не только семантические изменения, но и функциональную вариативность наречия *нечаянно*. Традиционно подобные наречия относят к обстоятельствам образа действия. Конечно, в обоих значениях наречие *нечаянно* является обстоятельством, но его синтаксическая семантика не соответствует ярлыку «образ действия». *Нечаянно* в значении ‘без намерения, случайно, непреднамеренно’ входит в группу целевых характеристик. Разумеется, оно реализует значение не ‘с целью Р’, а ‘не имея цели Р’, но тем не менее принадлежит к группе характеристик ситуации с точки зрения соответствия-несоответствия цели субъекта. *Нечаянно* в значении ‘неожиданно, внезапно’ вообще не относится к агенсу, а характеризует восприятие действия агенса некорреферентным экспериенцером либо восприятие ситуации (в том числе неличной) наблюдателем.

2.3.2. Наречие *второпях*¹²

С наречием *второпях* возникает та же проблема, что и с наречием *нечаянно*: словарные толкования не вполне отражают реальную картину его употребления в текстах.

Во-первых, в большинстве словарей у *второпях* выделяется одно значение. Важно при этом, что в разных словарях для него предлагаются разные синонимические замены, которые репрезентируются деепричастиями (‘торопясь, спеша’) или наречиями (‘поспешно, торопливо’). По умолчанию, поскольку

¹²В разделе 2.3.2 в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: *Кустова Г.И., Олонцев А.А.* Микродиахронический корпусный анализ семантических изменений русских наречий (на примере слова *второпях*) / Г. И. Кустова, А. А. Олонцев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : Материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ (г. Красноярск, 10–14 сентября 2024 года). Выпуск 8. – СПб. : РОПРЯЛ, 2024. – С. 78–83. (В списке литературы – [Кустова, Олонцев 2024]).

выделяется только одно значение, следует заключить, что это эквивалентные толкования.

В БАС для наречия *второных* дается толкование через синонимичные наречия 'поспешно, торопливо' и приводятся следующие текстовые иллюстрации:

Поднявшись на ноги, он [Андрей] еще более заторопился и второных сбился с пути, забрал сильно влево, где был большой омут... Бубеннов, Белая береза, ч. I, гл. 29. **Второных совершается торговая сделка.** *За несколько медных грошей баба отдает «орлу» [скупщику] не только всякую ненужную тряпицу, но часто даже мужнину рубаху и собственную паневу.* Тургенев, Хорь и Калиныч. *Прибежали в избу дети, **Второных зовут отца:** – Тятя! тятя! наши сети Притащили мертвеца.* Пушкин, Утопленник' [БАС-II 1951].

В МАС у *второных* тоже выделяется единственное значение, но в толковании, в отличие от БАС, используются деепричастия:

Второных. Торопясь, очень спеша. *Прибежали в избу дети **Второных зовут отца** – Тятя! тятя! наши сети Притащили мертвеца.* Пушкин, Утопленник. **Второных я забыл две израсходованные мною кассеты.** Гайдар, Судьба барабанщика' [МАС-I 1985].

Аналогично – в современном словаре [БТСРЯ 2003]:

Второных. Разг. Торопясь, спеша. *В. забыть что-л. В. не разглядел.* *Прибежали в избу дети **Второных зовут отца.*** П.

Если мы применим предложенную А.Б. Пеньковским методику «совмещения толкования и контекста» [Пеньковский 2004: 166 и след.] или положение Московской семантической школы о том, что толкование может заменять лексему в тексте (ср. [Апресян 1995]), то даже для немногочисленных примеров из словарных статей обнаружится, что единым толкованием для всех употреблений *второных* обойтись не удастся: в некоторых случаях в контекст подставляется 'торопясь, спеша', в других – 'поспешно, торопливо'.

Так, первая текстовая иллюстрация из БАС не соответствует сформулированному значению 'поспешно, торопливо', так как в этом контексте

нельзя заменить *второных* на *торопливо*: **Андрей еще более заторопился и торопливо сбился с пути /.../*. В данном контексте возможна только замена на 'торопясь': *заторопился и, торопясь, сбился с пути...* Аналогично – едва ли значение 'поспешно, торопливо' реализовано и в третьей текстовой иллюстрации из стихотворения А.С. Пушкина: дети все же, скорее всего, не **торопливо зовут отца*, а *торопясь, спеша, зовут отца* (впрочем, в предыдущем разделе мы уже приводили высказывание А.Б. Пеньковского о том, что это употребление *второных* вообще не соответствует современной норме и воспроизводится в словарях «по инерции»). Только второй пример из трех полностью соответствует указанному толкованию 'поспешно, торопливо', и в него подставляются соответствующие наречия без нарушения смысла: *Второных совершается сделка = Торопливо, поспешно совершается сделка* → 'очень быстро'. Сюда можно было бы добавить компонент 'небрежно', который соответствует характеристике 'наспех' из словаря Т.Ф. Ефремовой.

Но из того, что 'торопливо' и 'торопясь' не могут взаимозаменяться в одном и том же контексте, следует, что 'поспешно, торопливо' и 'торопясь, спеша' – это разные значения, которые требуют для своей реализации разных условий, на что проницательно и указал А.Б. Пеньковский [2004: 166–167]. Два значения *второных* выделяются и в словаре Т.Ф. Ефремовой: '1. Очень торопясь; 2. *перен.* Наспех, наскоро, поспешно' [СЕ–II 2000].

Далее для различения этих значений будем использовать обозначения 'торопясь, спеша' и 'торопливо, поспешно'.

***Второных* в подкорпусе XX – XXI вв.**

Примеры из созданного нами на базе НКРЯ подкорпуса употреблений периода XX – XXI вв. свидетельствуют о том, что два значения *второных* последовательно разводятся в разных контекстуальных условиях.

'Торопясь, спеша' = 'из-за спешки'

Данный тип употребления наречия *второных* воплощает особый тип характеристики действия, в сравнении со всеми наречиями, рассмотренными

выше. Это связано с тем, что в его семантику в свернутом виде входит представление о добавочном действии. Именно благодаря этому и возможна его синонимическая субституция на деепричастие 'торопясь, спеша'.

Если рассматривать аналогию деепричастий и других видов обстоятельств, то для деепричастий и деепричастных оборотов можно выделить различные обстоятельственные значения – времени, причины, условия, уступки.

В данном типе употреблений *второпях*, как и соответствующие деепричастия *торопясь, спеша*, приобретает значение причины.

Значение причины часто реализуется:

– в контексте неконтролируемых ситуаций (ср. *забыть, ошибиться* и под.):

Нет, – сказал он грустно, – тогда второпях я забыл ей дать свой адрес, а написать в редакцию после всей этой бучи она, видно, постеснялась. [Фазиль Искандер. Поэт // «Новый Мир», 1998];

Плывем наудачу, не зная куда. Второпях забыли компас. Капитан уверяет, что нас несет на юг. [Б. А. Садовской. Карл Вебер (1923)];

С самого начала должен понять, что не в городе живет и не возле маминой юбки, – оправдывался отец. А с подарком я второпях ошибся. Я ему другой подарок приготовил [Р.Б. Ахмедов. Промельки (2011) // «Бельские Просторы»];

– либо в сочетании с нежелательными, незапланированными последствиями контролируемых ситуаций:

Второпях плохо привязали шнур, фугас не взорвался [В.О. Авченко. Фадеев (2017)];

Второпях он почти наверняка напишет свое имя шиворот-навыворот, справа налево [Научные забавы. Упражнения в ловкости // Юный техник, 2010].

Здесь невозможно: **поспешно, торопливо забыли компас / *поспешно, торопливо ошибся / *поспешно, торопливо напишет свое имя шиворот-навыворот.*

В контекстах первого типа (неконтролируемые ситуации) *второпях* обозначает причину, объяснение сбоя в реализации сценария. При этом *второпях*

имеет агентивное (акциональное) значение и сопровождает агентивную ситуацию, которая формально не выражена, но подразумевается: *второных забыли компас* ≈ ‘быстро, в спешке собирались и [в результате спешки] забыли’; *второных ошибся с подарком* ≈ спешил, выбирая подарок, и [в результате спешки] ошибся, выбрал неудачно’.

В контекстах второго типа *второных* является характеристикой действия субъекта и относится к интервалу реализации агентивной ситуации, причем эта ситуация выражена эксплицитно: *писал торопясь, привязывали торопясь*. Такие контексты сами по себе не являются условием реализации значение ‘из-за спешки’ и неотличимы от употреблений ‘поспешно, торопливо’ (см. ниже); однако в приведенных примерах в сферу действия наречия входит не сама агентивная ситуация, а ее нежелательные последствия, побочные отрицательные результаты: *второных [привязал] плохо, второных [напишет] шиворот-навыворот* – и *второных* обозначает причину этих нежелательных, негативных результатов.

‘Поспешно, торопливо’ = ‘в режиме спешки, наскоро, наспех’

Территориальные схемы принимались второных, большая часть низкого качества [Парламентская газета, 2017.12.27];

Все второных спетое и все на клавикордах отстуканное Фомин записал нотами [Борис Евсеев. Евстигней // «Октябрь», 2010].

В этих примерах нет идеи утраты контроля, напротив, субъект сознательно пытался реализовать ситуацию Р с максимальной скоростью, пытался сократить время на ее реализацию. И именно потому, что время, затраченное на реализацию ситуации, было недостаточным, могло пострадать и качество результата (в тех случаях, где предполагался результат):

Поэтому пытаются придать легитимный смысл, изобразить общественные слушания – все второных и формально [Ведомости, 2017.04.20] = *торопливо и формально*;

– здесь, дополнительный оценочный смысл ‘небрежно, наспех, без должной тщательности’ является не просто импликатурой *второных* (необязательным

следствием), а выражается эксплицитно благодаря оценочной лексике – второму члену однородного ряда (*формально*). Оценочные элементы могут обнаруживаться и в более широком контексте, ср.: *схемы принимались второпях, большая часть низкого качества*.

Заметим, что поскольку данное значение *второпях* часто относится к результату, наречие легко сочетается с пассивными глаголами и пассивными причастиями, которые переносят акцент с агентивной ситуации на ее результат: *принимались второпях; второпях спетое*.

Дополнительным условием реализации значения ‘поспешно, торопливо’ может быть его употребление в ряду однородных членов с другими наречиями образа действия, например:

На пресс-конференцию в «Метрополь» Кевин пришел стремительно, второпях, как бы мимоходом, не снимая пальто [Комсомольская правда, 10.04.2013]

≈ *стремительно, торопливо, как бы мимоходом*.

Различению значений способствует также позиция наречия: причинное *второпях* в норме реализуется в препозиции и при отсутствии акцента (см. [Пеньковский 2004: 170]; оценочное *второпях* тяготеет к постпозиции (хотя и препозиция не исключена, особенно в сочетании с причастиями). При этом в обоих случаях возможна инверсия.

Вообще, морфосинтаксический контекст влияет на интерпретацию наречия. Например, если наречие *второпях* попадает в один ряд однородных членов с деепричастием, это актуализует семантику второстепенного действия и у самого наречия:

Увы, я так и не услышал историю жизни старого кяровского священника. Слушать его походя, второпях, поглядывая на окно? Я так и не решился на это [Б. А. Роцин. Встречи (1985)]

С другой стороны, если наречие *второных* попадет в ряд однородных членов с другими наречиями (или адвербиалами), это скорее усиливает признаковую семантику 'поспешно, торопливо':

*Около десяти, когда Ребров уже собрался уходить – до театра на троллейбусе было не больше четверти часа, – появился Шахов, как обычно **на бегу, второных спросил**, как дела у Реброва [Ю. В. Трифонов. Долгое прощание (1971)].*

Впрочем, при постпозиции деепричастий значение 'поспешно' может реализовываться и в контексте деепричастий:

*Пусто, но даже Гайпелю ума хватило определить, что отовсюду **бежали второных, недолюбив или недоснав** [Леонид Юзефович. Дом свиданий (2001)].*

При этом следует отметить, что далеко не всегда можно различить (противопоставить) указанные значения. В контексте агентивных глаголов без дополнительных распространителей (то есть без дополнительного причинного или отрицательно-оценочного значения), возможна нейтрализация (или скорее «уравнивание») двух разных значений:

*Семья **второных погрузилась** в свой поезд дальнего следования и исчезла в южной дали [В. Ю. Кунгурцева. Похождения Вани Житного, или Волшебный мел (2007)]*

– погрузились и при этом торопились, старались погрузиться как можно быстрее / поспешно, быстро погрузились;

*Однако Катя не забыла тот адрес, который **второных накарябал** на нем школьный друг [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]*

– здесь можно понять и как *накарябал, торопясь...*, и как *накарябал поспешно, торопливо*, так как контекст «не запрещает» ни одну из интерпретаций;

*Ступила на порог – шкафы пусты, все раскидано – как будто обокрали. Было заметно, что **собирались второных** [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002]*

– возможно и *собирались, торопясь* (= и при этом *торопились*), и *поспешно, торопливо собирались*.

Неожиданная встреча [с медведем] парализовала охотника. Где-то под ворохом одежды, в патронташе, есть пять пулевых зарядов, а в стволах – только дробовые. Второных перезарядил ружье, отошел в сторону, призадумался [Верные друзья (2004) // «Лесное хозяйство», 19.10.2004]

– здесь одинаково возможны прочтения и (1) ‘спеша (ввиду грозящей опасности) перезарядил ружье’ [само *второных* не получает значения причины, так как относится к контролируемому глаголу], и (2) ‘торопливо, поспешно перезарядил ружье’.

Торопясь обычно подчеркивает установку субъекта, когда он стремился реализовать ситуацию с максимальной скоростью, в кратчайший срок:

Бежал, торопясь, захлебываясь раскаянием. Но папа был еще жив [И. Грекова. Фазан (1984)]

– здесь очевидно, что цель – добежать как можно скорее, ср.: *торопливо бежал*.

Торопливо характеризует именно образ действия – «небрежность», «неотчетливость», «смазанность» исполнения, осуществления действия:

Подкидыш взволнованно и торопливо заговорил: Боря, я не обманываю, я в этой квартире с мамой живу... [Марина Зосимкина. Ты проснешься. Книга первая (2015)]

– здесь *торопливо* характеризует особенность речи, которая, в свою очередь, обусловлена состоянием человека (он волнуется); при этом у человека нет цели успеть что-то сказать за максимально короткое время, увеличить скорость и сократить интервал действия.

Однако *торопясь* может выступать и как синоним *торопливо*, характеризуя способ осуществления действия:

А потом, тайком от Вари он пробрался в сад и, встав на цыпочки, объел весь куст. Ел торопясь, давясь, сознавая свое предательство [И. Грекова. Фазан (1984)]

В таких контекстах возможна и замена *торопясь* на *торопливо*, и подстановка *второных*: *Ел торопливо, давясь / Ел второных, давясь*. В корпусе есть реальные примеры такой сочетаемости:

Руслан торопливо ел, причмокивая крупным ртом [Н. Б. Черных. Слабые, сильные. Часть первая // «Волга», 2015];

На кухне он открыл холодильник и, не садясь, начал торопливо есть [Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты (1998)];

После репетиции Володя, Иван и я поехали обедать в «Националь»: забежали, второных поели, разбежались [А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)].

Вероятно, именно на такие случаи ориентируются словарные толкования, которые выделяют у *второных* одно значение (при этом текстовые иллюстрации, как мы показали выше, соответствуют разным значениям). Однако весьма распространена и другая ситуация, когда контекст дифференцирует два значения – индуцирует причинную интерпретацию либо содержит отрицательно-оценочную семантику. И эту вторую ситуацию – расщепление значения *второных* – словари, за исключением словаря Т.Ф. Ефремовой, не отражают. Впрочем, и словарь Ефремовой не указывает возможности причинной интерпретации *второных*. Между тем наречия образа действия и наречия причины – это два разных класса наречий, поэтому значение причины может претендовать на отдельное словарное толкование.

Есть и такие случаи, когда ни деепричастная, ни наречная репрезентация значения *второных* не подходит. На это указывал еще А.Б. Пеньковский, который предлагал следующую схему эволюции наречия: исходным является спешка как состояние лица-субъекта, и «скоростной режим» действия как раз и вызывает либо небрежность исполнения: ‘в спешке’ → ‘поспешно’ → ‘небрежно, кое-как’,

либо формирует значение причины: ‘в спешке’ → ‘из-за спешки’ [Пеньковский 2004: 169–170].

Если мы обратимся к современному корпусу, то обнаружим множество примеров, в которые оптимально подставляется именно толкование ‘в спешке’, но не ‘торопясь, спеша’ и не ‘торопливо, поспешно’:

Неизвестный на букву «М» действовал второпях, волновался, по всей вероятности [Еремей Парнов. Третий глаз Шивы (1985)];

В месте пересечения нового шоссе с границей полушарий сомалийцы второпях насадили пальмы, которые за ночь успели завянуть [В. В. Овчинников. Калейдоскоп жизни (2003)];

К сожалению, все приходится делать второпях, – сказал он со вздохом [Виктор Пелевин. Чапаев и пустота (1996)];

С этими словами он демонстративно отвернулся и взял какую-то книжку. Я ушла к себе, опустила в кресло, зажгла торшер. Он высветил разбросанные как попало пижаму и халат. Я покидала их второпях, убегая на долгожданное свидание [Анна Ткачева. Приворот (1996)].

При этом значение ‘в спешке’, которое ни в каких словарях не выделяется, хорошо представлено и в подкорпусе XVIII – XIX вв.

Второпях в подкорпусе конца XVIII – XIX вв.

На уровне диахронии микродиахронический корпусный анализ позволяет выявить наличие или отсутствие семантических изменений в плане «ближней диахронии». Применительно к наречию *второпях* примеры во втором созданном нами на базе НКРЯ подкорпусе конца XVIII – XIX вв. в целом также подтверждают наличие двух самостоятельных значений для этого слова.

‘Торопясь, спеша’ = ‘из-за спешки’:

– Доктор, эти господа, вероятно, второпях, забыли положить пулю в мой пистолет: прошу вас зарядить его снова, – и хорошенько! [М.Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841)];

Случалось и так, что горничная девка пройдет по комнате и **второных уронит тарелку** [М.М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)];

Один из матросов вызвался достать чудотворную икону, о которой действительно **второных позабыли** [М.М. Филиппов. Осажденный Севастополь (1889)].

Здесь нельзя ***поспешно, торопливо** забыли положить пулю / уронит тарелку / позабыли об иконе...

Иногда это акциональное значение подчеркивается пунктуационным оформлением – **второных** выделяется запятыми, как деепричастие, например:

Второных, я не успел прицелиться, и выстрелил вдогонку [Ф.В. Булгарин. Воспоминания (1846-1849)];

*А вот что, сударь: когда я надписывал пакет о вашем деле, так, видно, **второных, ошибся** и написал вместо Курска в Иркутск* [М. Н. Загоскин. Москва и москвичи (1842-1850)].

Последний пример показывает, что для этого периода также характерны контексты, когда наречие **второных** попадает в ряд однородных членов с деепричастием или деепричастным оборотом:

*Молодой лейб-гусарский офицер Шенин, спеша назад в церковь, чтоб объявить сестре своей, фрейлине, что отыскал ее карету, **второных, не заметив остававшейся еще открытой могилы, полетел в нее стремглав...*** [М.А. Корф. Записки (1838-1852)].

– ‘торопясь и не заметив, упал’.

Впрочем, причинное **второных** может образовывать однородный ряд и с адвербиалом, если он имеет причинное значение:

*Сперва хотели отворотить, но не знали, в которую сторону, и потому решились бросить якорь, которого канат в несколько минут весь высучило, ибо в **испуге и второных** позабыли пристопорить его, как должно* [В.М. Головнин. Описание примечательных кораблекрушений, претерпенных русскими-мореплавателями (1822)]

– ‘по причине испуга и спешки’.

‘Поспешно, торопливо’:

*Переселенческие бараки **выстроены** в Томске **второных** и впоных*
[Г.И. Успенский. Поездки к переселенцам (1889)];

*Пробежав глазами несколько строк, **набросанных второных** карандашом, Груздев что-то хотел сказать, но только махнул рукой и зашатался на месте, точно его кто ударил* [Д.Н. Мамин-Сибиряк. Три конца (1890)];

*Записка была **написана второных**, коротенько, и я не понимал сути дела*
[А.А. Черкасов. Из записок сибирского охотника (Часть 1) (1884)].

Здесь нельзя ***тороныхь**, *выстроены бараки, *тороныхь набросанных карандашом, *тороныхь написана записка.*

Здесь также встречаются контексты, в которых наречие *второных* употребляется в ряду однородных членов с другим наречием или обстоятельственным предложно-падежным сочетанием, что усиливает выражение значения признака:

*Видел древности греческие, но все **слегка и второных** – обремененный делами, я не мог пользоваться Дрезденом* [А. А. Щербинин. Военный журнал 1813 года (1813)].

Как и в случаях современных употреблений, рассмотренных выше, в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. встречаются контексты, в которых нейтрализуется противопоставление этих двух разных значений и возможна двоякая интерпретация:

***Второных** седлали лошадей, закладывали экипажи, отправляли обозы; все спешили за мост, куда поехал и Главнокомандующий...* [А.И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году (1839)]

– здесь возможно и *тороныхь, седлали лошадей...*, и *поспешно, торопливо седлали лошадей...*

Другой вариант – не подходит ни ‘по причине спешки’, ни ‘поспешно’:

Я рассказал, каким образом второпях отдал я Склярке рукопись свою на сбережение [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850-1860)]

– здесь уже занята позиция обстоятельства образа действия (оборотом *каким образом*).

Для подобных случаев оптимальным было бы толкование ‘в спешке’.

Анализ также позволил выявить и случаи семантических и функциональных расхождений между современными употреблениями *второпях* и «ближней диахронией», в которых обнаруживаются совершенно не свойственные современным моделям типы речевой реализации слова *второпях*. На возможность подобных употреблений указывал еще А.Б. Пеньковский, который приводит такой пример: *Вернувшись, он застал жену свою второпях...* (А. Ф. Вельтман) [Пеньковский 2004: 178].

В этом случае мы имеем дело с нестандартной реализацией значения ‘торопясь, спеша’, которое приписано не субъекту действия (*он застал*), а его объекту (*застал жену*), что не свойственно современному языку. Это компрессия двух пропозиций, которая в современном языке представлена конструкциями контроля и подъема (см., например, [Лютикова 2022а; 2022б]) и, в соответствии с нормами современного русского языка, выражается действительным причастием: *застал жену торопящейся* или *застал торопящуюся жену*.

Возможно и аномальное – с точки зрения современных норм – предикатное употребление *второпях* в роли сказуемого в двусоставном предложении:

Я второпях, извините, и забыла у вас спросить [Антоний Погорельский. Монастырка (1833)]

– здесь имеется в виду глагольное значение (= ‘я тороплюсь, нахожусь в состоянии спешки’).

Значение второстепенного действия может подкрепляться и особыми синтаксическими условиями, а именно – сохранением при наречии *второпях* модели глагольного управления, как если бы оно было деепричастием. Пример такого рода тоже встречаем у А.Б. Пеньковского: *Первого нашего генваря также*

написал вам письмецо, но **второных к обедне** не положил его в конверт... (С.П. Трубецкой – З.С. Свербеевой, 5 февраля 1859 г.). В этой связи ученый отмечает: «Значительно более широкое, чем в современном языке, «наследование» вторичными производными управления и примыкания от своих первичных производящих – яркая особенность старого русского языка и языка пушкинской эпохи» [Пеньковский 2004: 180].

В нашем подкорпусе конца XVIII – XIX вв. также имеются подобные примеры сохранения предложного управления, свойственного глаголу, при наречии *второных*:

*Подножие его составляет группа мальчиков из серебра, перелезающих друг через друга, как будто **второных к какому-нибудь необыкновенному зрелищу**, а по золотым бокам выступают серебряные же головы лошадей и два медальона с амазонками* [П.В. Анненков. Парижские письма (1846-1847)].

Еще более далеки от современных норм обнаруженные нами для наречия *второных* случаи беспредложного управления родительным падежом зависимого существительного:

*... берите силою, приступайте, не обращая внимания на наши пушки, потому что, заряжая **второных опасности**, мы забудем ядра* [К.М. Базили. Архипелаг и Греция в 1830 и 1831 годах. Часть II. (1834)];

*С утра недалеко от Микулиной, там, где лес близко подходил к дороге, партия захватила две ставшие в грязи фуры с кавалерийскими седлами и, **второных захвата** перебив французов, которые были при фурах, увезла фуры в лес* [Л.Н. Толстой. Война и мир / Том четвертый [Варианты черновых автографов и копий] (1869)].

Это употребление отличается от «обычных» употреблений *второных* не только формально-синтаксически, но и семантически. Здесь реализовано значение ‘опасаясь’, которое, возможно, как-то соотносено с просторечным значением наречия, которое отмечается в «Словаре русского языка XVIII века»: ‘Простонар. В состоянии оторопи, в испуге, страхе’ [СРЯ XVIII–4 1989].

Итак, предлагаемая в работе модель микродиахронического корпусного анализа позволяет объективировать и верифицировать рефлексии разнообразных семантических изменений наречия как в синхронии, так и в диахронии и разграничить значения лексической единицы в разные исторические периоды.

В частности, **на уровне синхронии** корпусный анализ показал, что наречие *второных* реально имеет не одно значение, как это отражено в большинстве русских толковых словарей. А.Б. Пеньковский предлагал выделять три значения – «нейтральное» ‘в спешке’ и два дифференцированных (возникших в результате расщепления) – ‘из-за спешки’ и ‘поспешно ± небрежно’. Поскольку мы не ставим в данной работе чисто лексикографических задач и в фокусе нашего внимания корпусный анализ, мы просто должны констатировать, что корпусные данные позволяют выделить, как минимум, два разных значения, которые не взаимозамещаются в аналогичных контекстах и которые требуют для своей реализации разных условий. В любом случае, речь должна идти о своего рода семантическом расщеплении единого значения этого наречия.

Возможно, смысловая двойственность в более ранние периоды функционирования языка стала условием для возможного «расщепления семантики» наречия *второных*, которую отмечал А.Б. Пеньковский [Пеньковский 2004: 165–183], что, в свою очередь, стало источником семантических изменений наречия в «ближайшей диахронии». Однако поведение *второных* в период до XVIII в. требует специального исследования.

Квантитативный анализ распределения значений наречия в разные хронологические периоды.

Для данного наречия количественный анализ оказался, в общем, не слишком репрезентативен, потому что распределение расщепленных значений по разным хронологическим периодам осуществляется в целом равномерно, не демонстрируя какой-либо динамики. Поскольку за период конца XVIII – XIX вв. в корпусе обнаружено только 272 примера (меньше принятой в этом исследовании пороговой нормы в 300 единиц контекстов) на 587 примеров по подкорпусу XX –

XXI вв., расчет проводился по 200 вхождениям. Полученные результаты представлены в Табл. 5.

Таблица 5.

Разные значения наречия *второпях* в разные хронологические периоды

ВТОРОПЯХ	Кол-во	%	Кол-во	%
Значения наречия	конец XVIII	–	XX – XXI вв.	
	XIX вв.			
1. Торопясь, спеша	83	41,5	93	46,5
2. Поспешно, торопливо	72	36	79	39,5
3. Торопясь, спеша + поспешно, торопливо	33	16,5	28	14,0
4. Деепричастные и предикативные (аном.)	12	6	–	–

Количественный анализ показал, что случаев с отклонением от современной нормы употребления наречия не так много на фоне остальных употреблений. Кроме этого, особой динамики в соотношении двух семантических разновидностей наречия *второпях* мы не обнаружили. Видимо, двойственность акциональной и признаковой семантики для этого наречия изначально была заложена в его семантической структуре и со временем существенно не менялась.

2.4. Русские наречия, отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент

Наречия, рассматриваемые в этом разделе, включают модальный компонент, что позволяет им при определенных условиях отражать точку зрения наблюдателя. Заложенный в их семантике компонент достоверности и / или предположительности позволяет им изменять свою исходную признаковую грамматическую функцию, они переходят во вводно-модальные слова или

частицы, выражающие модусный план высказывания. Для хронологических периодов конца XVIII – XIX вв., с одной стороны, и XX – XXI вв. – с другой, мы также можем наблюдать определенную динамику в распределении их семантических разновидностей и грамматических функций.

2.4.1. Наречие *наверно(е)*¹³

Наречия *наверное* и *наверно* обнаруживают существенное сходство или даже тождество (см. ниже), которое подтверждается их словарными толкованиями и употреблениями в текстах, поэтому мы будем считать их вариантами – полным и усеченным. Тем не менее, поскольку в словарях эти слова последовательно снабжаются отдельными словарными статьями, мы тоже будем рассматривать свойства и контексты употреблений этих слов отдельно.

Слова *возможно, вероятно, наверное, может быть, кажется, явно, определенно, естественно, конечно, действительно* и под., которые имеют модальное значение и могут употребляться во вводных конструкциях (даже слово *явно*, хотя таких примеров в НКРЯ немного), традиционно рассматривались как выразители степени достоверности высказывания, занимающие разное положение на шкале достоверности (ср. *определенно vs. вероятно*), ср. [Грамматика 1970; Распопов 2009; Бондаренко 1977]. Дальнейшие исследования показали, что признака «степень достоверности» недостаточно. В известной работе [Яковлева 1994] для слов этого ряда вводится противопоставление по качеству информации, которой обладает говорящий: разграничивается непосредственное наблюдение (*явно, определенно*; в терминах Е.С. Яковлевой – «характерная информация»), ср. *Он явно испугался, увидев медведя* – испуг фиксируется наблюдателем, который лично присутствует и непосредственно воспринимает ситуацию, – и

¹³В разделе 2.4.1 в переработанном и дополненном виде использованы материалы работы: *Олонцев А.А. Функциональное варьирование лексемы «наверное» в свете микродиахронического корпусного исследования / А. А. Олонцев // Современная филологическая наука: достижения и инновации : Сборник материалов Международного симпозиума, Иваново, 23–25 мая 2024 года. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2024. – С. 372–376. (В списке литературы – [Олонцев 2024e]).*

умозаключение, не предполагающее личного присутствия наблюдателя («нехарактерная информация»). *Наверное* относится к группе слов, которые связаны с нехарактерной информацией: говорящий высказывает гипотезу (предположение) на основе умозаключений, логического вывода, общих знаний о мире и т.д., ср.: *Он, наверное, испугался, увидев медведя*. При этом, если вводные слова типа *может / может быть* маркируют предположения о равновероятных альтернативах (*Может, придет, может, не придет*), то *наверное, вероятно, по-видимому* указывают на наиболее предпочтительную, с точки зрения говорящего, альтернативу [Яковлева 1994: 234].

Очевидно, что описанные в работе Е.С. Яковлевой свойства относятся к вводно-модальному слову *наверно(е)*, однако *наверно(е)* употребляется также в функции наречия.

Сразу оговоримся, что в некоторых словарях разные типы употребления «разведены» по разным вариантам: *наверное* квалифицируется как вводное слово, *наверно* – как наречие (см., например, [СЕ 2006]). Такое «распределение» данными НКРЯ не подтверждается: оба варианта употребляются и в функции вводного слова, и в функции наречия, поэтому дальше они будут рассматриваться именно как варианты. При этом статистические характеристики этих типов употребления у них, разумеется, не совпадают.

Многие словари указывают для *наверно(е)* в качестве основного значения, связанное с его употреблением в роли вводного слова.

В БАС оно приводится первым: «**Наверное**. 1. В знач. вводн. слова. То же, что *наверно* (в 1-м знач.)»; то же и для стяженного варианта *наверно*: «**Наверно**. нареч. 1. В знач. вводн. слова. Вероятно, по-видимому» [БАС–VII 1958]. Аналогично – в словаре Т.Ф. Ефремовой: «**Наверное**. 1. Употр. как вводное слово, соответствуя по значению сл.: *наверно, вероятно, по-видимому*» [СЕ-I 2000].

Для краткости будем называть этот круг употреблений значением вероятности ('вероятно'), или значением предположения.

Употребления *наверное* как модального слова в синтаксической функции вводного слова, обозначающего неуверенное предположение говорящего, широко представлены в подкорпусе XX – XXI вв.:

*В принципе, это все условности, я вполне в состоянии сама открыть машину и сесть, но при этом мне же гораздо приятнее, если мой спутник мне поможет. И ему, **наверное**, тоже* [Запись LiveJournal (2004)];

*Но в трезвом уме и доброй памяти, **наверное**, средний человек не сделает такую дорогую покупку* [Сговор – тоже преступление // «Аргументы и факты», 2003.06.04];

*Читатель, **наверное**, помнит, что электрическое взаимодействие частиц описывается законом Кулона, очень похожим на ньютоновский закон всемирного тяготения* [Владилен Барашенков. Верен ли закон Ньютона? // «Знание – сила», 2003];

***Наверное**, наш огромный мир не менее неисчерпаем, чем геном, чем электрон, чем атом...* [В фокусе открытий // «Знание – сила», 2003];

То же наблюдаем и для варианта *наверно*:

***Наверно**, это как раз тот случай, когда «на истце шапка горит»* [Сергей Любимов. Моральный вред с правом передачи // «Богатей» (Саратов), 2003.04.17];

***Наверно**, приходилось много лет подряд посылать чиновника снова и снова* [А.А. Зализняк. Лингвистика по А.Т. Фоменко // «Вопросы языкознания», 2000].

Преобладание в употреблении *наверно(е)* значения 'вероятно, по-видимому' (и, соответственно, функции вводного слова) характерно только для XX в., причем, как показывает анализ корпусных данных, к концу XX – началу XXI вв. употребление *наверно(е)* в функции вводного слова становится все более и более частотным.

Однако в период конца XVIII – XIX вв. *наверно(е)* широко употреблялось в другом значении, которое в БАС отражено в качестве второго (с пометой *устаревшее*) и которое реализуется в функции наречия. «**Наверное**. 2. *Устар.* То же, что *наверняка*»; ср.: «**Наверняка**, нареч. Разг. Несомненно, безусловно»

[БАС–VII 1958] (у *наверно* в БАС в качестве первого фиксируется «В знач. *вводн. слова*»). Но, как мы уже говорили, эти расхождения в словарях мы игнорируем, так как приоритетными считаем корпусные данные). Интересно, что в МАС первым дается наречие, несмотря на помету устар.:

«**Наверное.** Нареч.1. устар. Несомненно, верно, точно. *Знать наверное. ...так я тебя убью уж наверное.* 2. в знач. *вводн. сл.* Вероятно, по-видимому. *Они, наверное, уже спят.*» [МАС–II 1986]. Аналогично – в БТСРЯ, причем помета устар. отсутствует:

«**Наверное.** I. Нареч. Несомненно, верно, точно. *Я это знаю н.* II. *вводн. сл.* По всей вероятности. *Он, н., опаздывает. Ты, н., знаешь этого писателя.* [БТСРЯ 2003].

Показательно, что в БАС большинство текстовых иллюстраций из русской классики к словам *наверное* и *наверно* в наречном употреблении относятся к периоду XIX в.:

«*Кто садится без денег, тот садится с тем, чтобы обыграть **наверное.*** Н.В. Гоголь, *Игроки.* *Рыбак, глядящий на безоблачное небо во время безветрия, **почти наверное** будет прав, предполагая, что через час не будет бури.* А.И. Герцен, *Концы и начала.* *Для того, чтобы приказание было **наверное** исполнено, надо, чтобы человек выразил такое приказание, которое могло быть исполнено.* Л.Н. Толстой, *Детство*» [БАС–VII 1958].

Ср. для усеченного варианта:

«*Знаю **наверно**, что Дубровский пятью годами старше Маши.* А.С. Пушкин, *Дубровский.* *Я это **наверно** решил!* Ф.М. Достоевский, *Подросток.* *Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я **наверно** придумаю что-нибудь хорошее.* В. Гаршин, *Лягушка-путешественница*» [БАС–VII 1958].

Для краткости будем называть его значением ‘наверняка’.

Заметим, что *несомненно* и *безусловно*, которые используются в толковании наречного *наверно(е)*, тоже имеют функцию вводных слов, поэтому создается

впечатление, что вводная и наречная ипостаси *наверное* отличаются только степенью уверенности говорящего ('вероятно' vs. 'несомненно').

Таким образом, уже на уровне анализа словарей мы можем констатировать две функции *наверно(е)* – наречную и вводную.

Впрочем, словари отмечают только функциональное варьирование, но не отражают синтагматику. Между тем наречие *наверно(е)* отличается от вводного слова не только функционально – и, соответственно, пунктуационно (не выделяется запятыми), – но имеет и другие признаки наречности – например, сочетаемость с показателями степени (точнее – предела, см. [Апресян 1995: 65–67]; [Кустова 2018: 51–58]), ср. *почти наверное* и даже *совсем наверное* в текстах XIX в.: *Он теперь знал совсем наверное, что она любила его* [А. И. Эртель. Гарденины, их дворня, приверженцы и враги (1889)] – 'совершенно точно'.

В плане функциональном в XX – XXI вв. отмечается нарастание вводных употреблений, переход к доминирующей функции вводного слова и убывание употреблений в функции модификатора глагола (обстоятельства). В плане семантическом расхождение значений слова *наверно(е)* весьма значительно: в XIX в. в его семантической парадигме сосуществуют два практически противоположных значения – полная уверенность, несомненное (точное) знание ('наверняка') VS. меньшая степень уверенности, сомнение ('вероятно'). Можно предположить, что исторически исходным являлось наречное значение 'наверняка' (в связи с семантикой 'верный'). К сожалению, в каком соотношении находились значения 'наверняка' и 'вероятно' в более ранние периоды истории русского языка, установить не удастся, так как древнерусский и старорусский корпуса не дают нужных материалов. Можно лишь констатировать, что со второй половины XX в. наречные употребления неуклонно сокращаются.

При этом некоторые русские словари усматривают определенные семантические различия, семантическую дифференциацию у наречий *наверное* / *наверно* при выражении общего значения уверенности, и это отражается в разграничении двух более частных значений – см., например, толкование *наверно*

в словаре Т.Ф. Ефремовой: «**Наверно**, нареч. разг. 1. Точно, определенно. 2. Несомненно, обязательно, наверняка» [СЕ-I 2000], то же в [БАС–VII 1958] (в СО также отмечается смысл ‘точно’, однако он включен в единое толкование наречия: «**Наверно**. 2. нареч. Несомненно, верно, точно» [СО 2025]).

Указанные различия можно усмотреть и в текстовых иллюстрациях к словарному толкованию лексемы *наверно* из БАС (см. выше): «*Знаю **наверно**, что Дубровский пятью годами старше Маши*» = ‘знаю точно’; «*Позвольте мне подумать только пять минут, – сказала лягушка, – я сейчас вернусь, я **наверно** придумаю что-нибудь хорошее*» = ‘обязательно / наверняка придумаю’.

Дифференциация («расщепление») значения *наверно(е)* подтверждается и данными НКРЯ.

Наверное в подкорпусе конца XVIII – XIX вв.

(1) ‘точно, определенно’:

*Мы не знаем **наверное**, имеет ли г. Гончаров охоту к живописи...* [А.В. Дружинин. Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 годов (1855)];

– *Одно существо, про которое я до сих пор только полагал, что оно умерло... а теперь я это **наверное** знаю* [И.С. Тургенев. Стук... стук... стук! (1870)];

*Я не мог **добиться наверное**, отчего она заболела, но сильно подозреваю, что Салтычиха, бывшая тогда на свободе, сумела нанести, ей какое-то нравственное потрясение* [Н. Э. Гейнце. Людоедка (1898)] = ‘узнать точно’;

*Самое первое, что я помню ясно и что я **помню наверное** про себя, – это мою няню Марию Афанасьевну Арбузову* [Т. Л. Сухотина-Толстая. Детство Тани Толстой в Ясной поляне (1910-1950)];

*Разговор, в подробностях, забылся, скажу лишь о том, что **помню наверное*** [З. Н. Гиппиус. Благоухание седин (1924)];

*... хотя он, Кряжов, и не может ничего **утверждать наверное**, даже и предположений не решается делать, чтобы не обмануться, так как ведь все*

может случиться, все, – даже отказ... [А.К. Шеллер-Михайлов. Господа Обносковы (1868)];

*Не скажу **наверное**, но полагаю, что иностранные эмиссары могут найти себе внимательских слушателей в здешнем крепостном народонаселении* [И. С. Аксаков. Письма к родным (1855)];

*Но книжные издания тоже более или менее сопряжены с риском, и успех той или другой книги не может быть **рассчитан наверное**, при всем знании современных интересов читающей публики* [Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Три страны света (1849) // 1849, № 1-5 http://az.lib.ru/n/nekrasow_n_a/, 1848-1849];

*Ну, так и есть: чему же ты дивишься тут, я не понимаю, – продолжал Иванов, – коли я тебе **говорю наверное**, что Марья Ивановна Голубцова уехала с дочерьми своими в Крым?* [В. И. Даль. Бедовик (1839)];

*Я очень знаю, что общество такое должно для вас и для каждого быть тягостным, – и потому я никак бы не решился ехать в дилижансе, если б не **полагал наверное**, что буду один* [Антоний Погорельский. Двойник или мои вечера в Малороссии (1828)].

Ср. также примеры с *наверно*:

*– А она все знает? – Не скажу **наверно**... кажется, знает* [А. И. Куприн. Олеся (1896)];

*Мне дали два или три тома (не помню **наверно** сколько) «Зрелища вселенной»* [Н. П. Вагнер. Как я сделался писателем? (Нечто вроде исповеди) (1892)].

Частотным контекстом для *наверно(е)* в значении ‘точно’ являются, например, ментальные глаголы, ср. *знать* (также – СВ *узнать*), *помнить*. Другой частотный контекст – глаголы речи, ср. *сказать / утверждать наверное*, которые, впрочем, тоже имплицитно предполагают ‘знать’ (‘не могу сказать / утверждать точно, потому что не знаю точно’). В зависимости от семантики глагола для толкования *наверно(е)* могут использоваться разные лексические средства, ср.:

*Герды уезжают (уж это **решено наверно**) 6 марта* [В. М. Гаршин. Письма Е. С. Гаршиной (1876)]

– ‘решено **окончательно**’.

Кроме того, в текстах первой трети XIX в. достаточно хорошо представлено совершенно не встречающееся сейчас сочетание *полагал наверное* (то есть ‘был совершенно уверен’);

(2) ‘несомненно, обязательно, наверняка’:

*Да, этот выдержит, не сделает ошибки и **наверное достигнет** цели* [И.А. Гончаров. Обрыв (1869)];

*Загляните вы в сербское регулярное войско и вы там **найдете наверное** людей из Старой Сербии, Болгарии, Македонии, Черногории и из австрийско-венгерских земель.* [П.А. Ровинский. Белград. Его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника // «Вестник Европы», № 5. 1870];

*Что за шалость убить кандидата в Бисетр в смиренный дом, или быть им убитым, искалеченным и **наверное попасть под суд**, бросить свои занятия, и все это для того, чтоб доказать, что я его не боюсь...* [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть седьмая. Вольная русская типография и «Колокол» (1866)];

*Ежели мы поедем, мы почти **наверное попадем в плен**, и бог знает...* [Л.Н. Толстой. Война и мир. Том третий (1867-1869)];

*Тут огня **ждали наверное** и жители вытаскивали имущество, но все еще не отходили от своих жилищ* [Ф. М. Достоевский. Бесы (1871-1872)];

*Начались толки; предложения следовали одни за другими. Одни говорили, что ежели привлечь на свою сторону Гремикина, то дело **будет выиграно наверное**; другие говорили, что надобно ближе сойтись с «маркизами» и ополчиться противу деспотизма «крепкоголовых»* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадур и помпадурши (1863-1874)];

*До зари он **доживет наверное**, я тебе ручаюсь!* [Л. А. Чарская. Записки институтки (1901)]

Ср. также примеры с *наверно*:

– *Какие письма? – спросил князь в испуге. – Туда пишет, к той, а та читает. Аль не знаешь? Ну, так узнаешь; **наверно покажет тебе сама*** [Ф. М. Достоевский. Идиот (1869)];

*От Софьи Петровны Василиса Савишина заехала кой-куда, также по важным делишкам; а часу в восьмом вечера думала **наверно застать Федора Петровича дома*** [А. Ф. Вельтман. Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея (1848)]

– здесь в сфере действия *наверно* находится ситуация «застать», так как к *думать* (здесь – в значении ‘надеяться, рассчитывать’) неприменима характеристика *наверно* ни в значении ‘точно’, ни в значении ‘обязательно, наверняка’.

*Я ответил уклончиво, что постараюсь исполнить ее желание, но **обещать *наверное*** не могу, так как очень занят и не имею времени бывать даже у своих старых знакомых* [А. Ф. Кони. Дело Гулак-Артемовской (1908-1914)];

*Теперь, **обещавшись *наверно приехать*** в Италию, дернул в Швейцарию* [Н. В. Гоголь. Письма (1836-1841)].

Семантические различия между (1) и (2) проявляются, в том числе, в сочетаемости с разными группами предикатов.

Семантика (1) ‘точно, определенно’ тяготеет к области применения «информационных» предикатов (если использовать введенное в работе [Кустова 2004] понятие информационной сферы) – фактивных ментальных предикатов (типа *знать, помнить, понимать* и пр.), глаголов речи и под. При этом ментальные и речевые глаголы ведут себя не одинаково.

Заметим, впрочем, что при анализе контекстов можно провести еще одно разграничение внутри значения ‘точно, определенно’, а именно – противопоставить сочетания с фактивными ментальными глаголами и с глаголами речи.

Фактивные ментальные глаголы относятся к фактам (то есть статус факта имеет их подчиненная пропозиция), и наличие показателей типа *точно, **наверное***:

знает / понимает / помнит наверное \approx *точно знает / помнит* – связано с тем, что знание, вообще говоря, может быть неполным и неточным.

Иная ситуация с нефактивными глаголами речи типа *обещать* и *утверждать*, которые присоединяют неверифицированную пропозицию. В таких сочетаниях можно усматривать разную сферу действия *наверно(е)*. Употребление модальных модификаторов при таких глаголах скорее напоминает операцию подъема отрицания при глаголах предположения: *Не думаю, что он придет* = *Думаю, что он не придет*.

В конструкции *обещал наверное* в сфере действия модального наречия может быть и глагол речи (обязательства):

обещал наверное \approx твердо обещал Р; уверен, что сделает Р;

Не могу наверное [то есть *твердо*] *обещать* \approx не уверен, что сделаю Р;

и подчиненная пропозиция: ‘обещал, что точно сделает Р’

Отрицательные контексты скорее должны пониматься как «снятие ответственности»: *не может ничего утверждать наверное / Не скажу наверное* = ‘не уверен, что Р имеет место’.

Интересно, что сочетание *говорю наверное* устроено так же, как *знаю наверное*, то есть имеет смысл ‘точно’, а не смысл ‘уверен’:

...Я тебе говорю наверное, что Марья Ивановна Голубцова уехала = ‘говорю, что Голубцова точно уехала’.

Семантика (2) ‘обязательно, наверняка’ связана с областью применения событийных предикатов, описывающих происходящее в объективной реальности (*попасть в плен, достигнуть цели, найти* и пр.). В примерах типа *Тут огня ждали наверное* и *жители вытаскивали имущество /.../ в сферу действия наречия* входит не предикат *ждать*, а событие «пожар» (то есть выражается смысл не ‘ждали неверняка’, а ‘думали, что пожар будет наверняка’).

Надо заметить, что применительно к событиям («попасть в плен», «выиграть дело») наречие *наверно(е)* – это тоже оценка вероятности, как и вводное *наверно(е)*, то есть это тоже модальное значение, просто наречие

выражает более высокую степень уверенности ('наверняка'), – при этом, как видно из примеров, оно относится преимущественно к будущим ситуациям.

***Наверное* в подкорпусе XX – XXI вв.**

На следующем этапе, в соответствии с принятой концепцией исследования, нам необходимо проверить, имеются ли употребления *наверно* / *наверное* в роли наречия в подкорпусе XX – XXI вв. Вопреки данным тех словарей, которые считают наречные употребления устаревшими, они обнаруживаются не только в текстах XX в., но и в текстах XXI в., хотя и весьма немногочисленны.

Для слова *наверно* из совокупного массива количеством 14 071 пример по основному корпусу НКРЯ мы обнаружили 115 употреблений (56 в значении 'точно, определенно', 59 в значении 'несомненно, обязательно, наверняка'), что в целом составляет около 1 %. Для такого массива это очень незначительная доля употреблений.

При этом наблюдается определенная динамика в частотности употреблений – чем ближе к нашему времени (к концу XX – началу XXI вв.), тем меньше употреблений в функции наречия; для этого периода выявлено всего 3 контекста *наверно* в значении 'точно, определенно' (здесь и далее приводятся, разумеется, не все примеры, а лишь некоторые – в качестве иллюстрации):

Разве может кто-то знать наверно, что это не так? [Яна Жемойтелите. Аисты (2002)].

Чуть больше примеров за период 50-х – 60-х гг. XX в. – 9:

– в значении 'точно, определенно': *Хотя знаю наверно, что есть в Париже десять-пятнадцать человек, к которым слово это не применимо* [Г. В. Адамович. Судьба Иннокентия Анненского // «Русская мысль», 1957, 5 ноября, 1957];

– в значении 'несомненно, обязательно, наверняка': – *Что, не враг? – спросил он добродушно и ответил, – Может быть, может быть, и даже наверно совсем не враг, но вот знаем-то это вы да я, а тот, к кому Аюпова*

побежит жаловаться, он нас с вами не спросит [Ю.О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)].

Основной массив примеров слова *наверно* в роли наречия представлен в период с 1900-х по 1940-е гг., и распределяются они примерно поровну между двумя отмеченными выше разновидностями значений:

– ‘точно, определенно’:

*Будут и танцы, **не знаю наверно** еще: под фортепьяно или под музыку* [К. А. Березкин. Дневник (1949)];

*Я ничего и не боюсь, Марго, – вдруг ответил ей мастер и поднял голову и показался ей таким, каким был, когда сочинял то, чего никогда не видел, но о чем **наверно** знал, что оно было* [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)];

*Она сказала, что ей теперь **наверно** известно, что донос на нее сделан Вахрамеевым* [П.Н. Филонов. Дневник (1930-1939)];

*... появление русских ученых в Сербии очень желательно, но что, находясь здесь, они ничего не могут сделать и ничего не могут **сказать наверно*** [Ю.В. Готье. Дневник (1920)];

*И звезды выглядели так же, как перед великим постом, и если бы у нас были только глаза, невозможно было бы никак **разгадать наверно** время года, – ранняя весна это или самая последняя осень* [М.М. Пришвин. Дневники (1926)]

– ‘несомненно, обязательно, наверняка’:

*Играющий почти **наверно** обманывался и проигрывал. Но подручный шулера, потихоньку работавший с ним в пару, выигрывал плитку за плиткой на глазах у публики и разжигал азарт простофиль* [К.А. Федин. Первые радости (1943-1945)];

*Но в камере постоянная перемена: одних переводят в одиночки и другие тюрьмы, иные получают приговоры, и их берут на этап, некоторых берут «с вещами» около 11–12 часов ночи, – почти **наверно на расстрел**, наконец, исключительно редко, единичные счастливицы вырываются на волю* [В.В. Чернавин. «Записки «вредителя»» (1935)];

*Или мы победим, или погибнем; но если пойдем назад, **погибнем наверно*** [П.Н. Краснов. На внутреннем фронте (1922)].

Вариант *наверное*, по данным подкорпуса XX – XXI вв., ведет себя аналогичным образом. Отметим, что всего в основном корпусе НКРЯ *наверное* более чем в три раза превосходит *наверно* по количеству употреблений, а именно – выдача составляет 44 235 примеров. Количество употреблений в роли наречия невелико – 179 примеров (92 в значении ‘точно, определенно’, 87 в значении ‘несомненно, обязательно, наверняка’), что в целом составляет менее 1 %.

Для *наверное* наблюдается та же динамика, что и для *наверно*.

Для периода 80-х гг. XX вв. – XXI вв. обнаружено 13 примеров:

– в значении ‘точно, определенно’:

*И всякий раз его охватывала какая-то светлая грусть, природу которой он затруднился бы определить **наверное*** [А.А. Уткин. Крепость сомнения (2010)];

*Тут невозможно что-либо **доказать наверное**, разве что, зная его журналистскую репутацию, предположить, что большинство этих портретов соответствовали реальности* [Л.А. Данилкин. Человек с яйцом. Жизнь и мнения Александра Проханова (2007)];

*Однако в семьдесят уже **наверное знаешь**, что до ста не живут и что та мысль о возможности исключений как раз и есть следствие живости воображения* [Анатолий Хруцкий. Окаянные дни Ивана Алексеевича // «Звезда», 2001];

*Тяготясь невольной виной, он пил водку двенадцать дней, пока наконец не увидел в углу комнаты синего черта и не понял, что пора остановиться, так как **наверное знал**: синих чертей не бывает* [Павел Крусанов. Укус ангела // «Октябрь», 1999];

*Вы меня не любите, – мрачно проговорила она. Теперь я это **понимаю наверное**...* [Дмитрий Липскеров. Сорок лет Чанчжоэ (1996)];

– в значении ‘несомненно, обязательно, наверняка’:

*Представить «Мандат» как сатиру, направленную с лояльных советских позиций в сердце партийной бюрократии, – значило **наверное вооружить** против себя сталинских приверженцев [Юрий Елагин. Темный гений (1998)];*

*Из 31, упомянутого в списке, на этот год приходится, по крайней мере, 6, и почти **наверное** к тому же времени **относится** несколько выступлений, перечисленных, но недатированных [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986-1987)].*

Примеров за период 50-е – 60-е гг. XX в. уже 28:

– в значении ‘точно, определенно’:

*Но там, в приближающихся танках, у прицелов, терпеливо выжидали, не открывали огня, **зная наверное** силу своей начатой атаки, заставляя наши батареи первыми обнаружить себя [Юрий Бондарев. Горячий снег (1969)];*

*Зачем, подумала она, сообщать о смерти Толи родному отцу, Виктору, всем близким, ведь еще ничего **не известно наверное** [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)];*

– в значении ‘несомненно, обязательно, наверняка’:

*Сделав свой выбор за себя и меня, он сделал так, что мы оказались вместе и уцелели, то есть уцелели от террора тридцатых годов, в котором почти **наверное погибли** бы оба [Н.Н. Берберова. Курсив мой (1960-1966)].*

Основной массив примеров для *наверное*, как и в случае с вариантом *наверно*, приходится на период от 1900-х по 1940-е гг., и его семантические разновидности также распределяются примерно поровну:

– в значении ‘точно, определенно’:

*Противно то, что Бендерский **не говорит наверное**, что возьмет билет, а говорит, что в четверг в 10 ч. утра скажет мне: да или нет [Г.С. Эфрон. Дневники (1941-1943)];*

*Но вы **наверное знаете**, что он убит? [М.А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929-1940)];*

*Самая высылка моя – я это **знаю наверное**, из источника безукоризненного – произошла при его содействии* (Письмо от 5 августа 1926 г.). [В.Ф. Ходасевич. Брюсов (1924)];

– в значении ‘несомненно, обязательно, наверняка’:

*Не беспокойтесь, сударь, я-то уж **наверное** услышу* [С.Т. Григорьев. Александр Суворов (1939)];

*Послезавтра я наконец **уезжаю**, и теперь кажется уже **наверное*** [Б.И. Вронский. Дневник (1935)].

Корпусное исследование позволило обнаружить интересные типы конструкций – конструкцию уточнения и конструкцию противопоставления, – в которых *наверное* употребляется в контексте отрицания: *не намерное*.

Ни в словарях, ни в работах А.Б. Пеньковского эти конструкции не отмечены, что не удивительно: таких примеров относительно немного, и только благодаря большому объему корпуса и наличию корпусных инструментов поиска их удастся выявить.

Конструкция уточнения (ограничения) встречается, вопреки ожиданию, не только в текстах XIX в.: самый ранний пример в корпусе относится к 1830-м годам, самый поздний – к 1980-м. Впрочем, примеры из XX в. крайне немногочисленны.

Конструкция имеет разные варианты: *Р, но не намерное; Р, (да) и то не намерное; Р, хотя и не намерное; Р, это не намерное; Р, причем не намерное:*

*Я пробуду еще недели три здесь, **но не намерное**, и потому ответ на это письмо, может быть, меня уже и не застанет* [И.А. Гончаров. Письма (1842-1859)];

*У Дмитриевой дети; губить себя для того, чтобы повредить Карицкому, **да и то еще не намерное**, губить себя, зная, что против Карицкого мало вещественных улик – это психологическая невозможность* [А.И. Урусов. Речь в защиту Дмитриевой (1871)];

Может быть – хотя не наверное – переедет Петр Павлович [М.А. Осоргин. Сивцев Вражек (1928)];

Но потом выяснили, хотя еще и не наверное, что это писала не Морозова, а Федотова [Г.П. Зайцева. Дневник (1930)];

Но Динка была занята своим трудным счетом; капитан сказал: недельку-другую... Другую это не наверное, это только в крайнем случае, если на Волге будет буря или еще что-нибудь [Валентина Осеева. Динка (1959)];

Деньги можно получить обратно, но только в претензионном порядке, через Управление железных дорог, причем не наверное [Б.И. Вронский. Дневник (1963)].

Встречается даже «изолированное» *не наверное*:

...Но кажется мне, что атака наша без присоединения ко мне командированных мною трех полков, которые прибыть должны через два часа, будет не наверное [Д. В. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 года (1830-1835)];

Сегодня получили множество писем, именно от Гильфердинга, который не наверное обещает приехать к нам из Москвы, куда собирается на месяц [В.С. Аксакова. Дневник (1854-1855)];

Обещал не наверное в субботу дать ответ [М.А. Кузмин. Дневник (1915)].

Подобные примеры мы будем считать редуцированным вариантом конструкции уточнения: *обещал, но не наверное*. В современном языке аналогичные конструкции встречаются с наречиями *неточно (не точно)* или *нетвердо (не твердо)*:

/.../ муж обещал быть к обеду, но неточно, поэтому для него и не поставили прибор [Вацлав Михальский. Весна в Карфагене (2001)].

Конструкция противопоставления, напротив, широко представлена в современном языке – причем она встречается не только в основном, но также в газетном корпусе, в корпусе «Социальные сети» и в устном корпусе. В текстах XIX – первой половины XX вв. такие примеры немногочисленны.

Эта конструкция, как и уточнение, имеет разные варианты – *не наверное, а точно; не наверное, а наверняка; не наверное, а так и есть; не наверное, а скорее всего*:

Кафе «оригинал», наверное, скоро снесут и построят ещё одного многоэтажного монстра. Да не наверное, а точно [Михаил Шишов. Все что умею и знаю (2016)];

Это одна из маленьких цитат / их можно набрать достаточно много и не наверное / а наверняка [Заседание семинара Б. Стругацкого (1989)].

Эта конструкция уникальна в том смысле, что она демонстрирует особую, так сказать, неучтенную, возможность употребления вводного *наверное*, когда оно противопоставляется не другой вводной конструкции, а наречию (*не наверное, а точно; не наверное, а наверняка*). Разумеется, и вводные конструкции, и наречия относятся к группе слов с модальным значением и выражают разную степень вероятности ситуации или степень уверенности говорящего. Эта конструкция поучительна тем, что уточняет традиционное представление о том, какие единицы могут вступать в сочинительные отношения (в традиционных терминах – быть однородными членами). Считается, что это могут быть равноправные единицы одного уровня, например – сказуемое и сказуемое: *не продал, а подарил*, обстоятельство и обстоятельство: *не точно, а приблизительно*, вводные конструкции: *не к счастью, а к сожалению; не как утверждают, а как предполагают; не во-первых, а во-вторых* и т.п. (если нет – речь должна идти о градационных, уточняющих и т.д. отношениях). Вводная конструкция, по определению, не может вступать ни в какие отношения с членами предложения, так как она не входит в синтаксическую структуру предложения.

Тем не менее в сопоставительной конструкции «*не наверное, а точно*» участвует именно вводное *наверное* со значением вероятности: – *Наверное, он опоздает – Не наверное, а точно*. Справедливости ради надо отметить, что *наверное* встречается не в независимой позиции, а, так сказать, в качестве цитаты – как ответ на предшествующую реплику, реальную или воображаемую, то есть в

«риторическом режиме». И в таких условиях требования к «однородности» однородных членов, по-видимому, ослабляются.

Встречается и обратный случай, когда в сопоставительной конструкции участвует наречие *навверное* в значении ‘точно’, причем оно тоже сопоставляется с вводным оборотом – *может быть*:

Результат, которого я и она, может быть (но только может быть, а не навверное), достигли бы, не стоил такой потери [Н.Г. Чернышевский. Что делать? (1863)];

Он ощущает, что, может быть (конечно, может быть, а не навверное...), он внутренне человек творческой удачи, масштабов которой он, вероятно, никогда не узнает, потому что не дождется времени, когда она выйдет наружу [Л.Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)].

Таким образом, корпусное исследование позволяет проследить не только семантическую эволюцию языковых единиц, но и синтаксические конструкции, в том числе – не получившие освещения в литературе особенности употребления модальных слов.

Квантитативный анализ разных значений и разных синтаксических функций слова в разные хронологические периоды.

Квантитативный анализ подтверждает выявленные ранее закономерности. Расчет делался по всем вхождениям обоих вариантов *навверно* / *навверное* в НКРЯ. Его результаты представлены в Табл. 6.

Таблица 6.

Семантическое распределение значений и синтаксических функций вариантов *навверно(е)* в разные хронологические периоды

навверно	кол-во	%	навверное	кол-во	%
конец XVIII – XIX вв.					
1. Модальное слово	493	81,9	1. Модальное слово	1 057	83,1
2. Наречие	109	18,1	2. Наречие	215	16,9
2а. Точно, определенно	52	8,6	2а. Точно,	104	8,2

			определенно		
2б. Обязательно, наверняка	57	9,5	2б. Обязательно, наверняка	111	8,7
XX – XXI вв.					
1. Модальное слово	13 956	99,2	1. Модальное слово	44 056	99,6
2. Наречие	115	0,8	2. Наречие	179	0,4
2а. Точно, определенно	56	0,39	2а. Точно, определенно	92	0,21
2б. Обязательно, наверняка	59	0,41	2б. Обязательно, наверняка	87	0,19

Количественный анализ показал, что для обоих вариантов *наверно / наверное* обнаруживается движение к уменьшению употреблений в функции наречия, особенно в конце XX – начале XXI вв. Возможно, здесь действует вышеупомянутая тенденция к семантической дифференциации синонимичных наречий [Пеньковский 2004]: в этот период функция наречия в этих значениях закрепляется за словом *наверняка*: ‘Разг. Несомненно, безусловно; с верным расчетом, безошибочно’ [БАС–VII 1958; БТСРЯ 2000; Ефремова–I 2000]. Хотя и *наверняка* тоже может употребляться в роли вводного слова, но не в значении ‘вероятно, по-видимому’, как *наверно / наверное*, а в значении ‘конечно, несомненно, разумеется’ [БТСРЯ 2000].

В свою очередь, данные подкорпуса конца XVIII – XIX вв. демонстрируют достаточно большое количество употреблений обоих вариантов в роли наречия (*наверно* – 18,1 %, почти одна пятая часть всех употреблений, *наверное* – 16,9 %), что может быть связано с этимологическим значением слова (← *верный* = ‘истинный, правильный, достоверный’), хотя и для этого периода все же характерно преобладание употреблений в функции вводного слова, правда, в противоположном наречному значению значения предположительности.

2.4.2. Наречие *естественно*

Слово *естественно* на протяжении всех интересующих нас периодов развития русского языка обнаруживает богатый функционал, связанный с представлением о характеристике действия или состояния как соответствующего нормальному, привычному («естественному») ходу вещей, объективной закономерности или принятым нормам, заложенным в базовом компоненте его семантики, который унаследован от исходного прилагательного.

Оценка указанного соответствия с позиции наблюдателя имплицитно означает значение 'понятно, само собой разумеется', которое проявляется при переходе из наречия в предикатив в главной клаузе при изъяснительно-объектном придаточном, выражающем диктумное содержание, или при переходе наречия во вводно-модальное слово той же семантики. На этой основе в диалогической речи в качестве ответной реакции возможно его употребление в роли коммуникатива в функции подтверждения правильности рассуждений говорящего. Эти разнообразные значения и функции слово *естественно* имеет и на предыдущем этапе развития русского языка, но для данного периода характерно и большее семантическое разнообразие его употреблений.

Словарные толкования лексемы *естественно* отражают современное состояние языка и включают следующие значения и функции:

(1) в роли наречия: 'согласно с природой вещей, нормально' [БАС-III 1954; БТСРЯ 2000; Ефремова-I 2000];

(2) в роли наречия: 'легко, непринужденно, без натянутости (в противоположность: искусственно, притворно)' [БАС-III 1954; БТСРЯ 2000; Ефремова-I 2000]¹⁴;

¹⁴В МАС нет отдельной словарной статьи, но указывается на происхождение значения наречия на базе двух соответствующих значений исходного прилагательного 'соответствующий чему-либо общепринятому; нормальный, обычный' и 'непринужденный, легкий' [МАС-I 1985].

(3) в роли предикатива (слова категории состояния): ‘понятно, само собой разумеется. *Естественно, что концерту предшествовали обильные толки самого разноречивого характера.* Федин, Братья (IV, 477)’ [БАС-III 1954]; ‘оценка какой-л. ситуации, чьих-л. действий как представляющихся обычными, нормальными, обусловленными общим ходом вещей’ [Ефремова–I 2000];

(4) в роли предикатива, обязательно при инфинитиве: ‘свойственно кому-, чему-либо. *У ней [матери] на свете одно – ты: оттого ей естественно огорчаться.* Гонч. Обыкн. ист., ч. II, гл. 1.’ [БАС-III 1954];

(5) в роли вводно-модального слова: ‘разумеется, по вполне понятным причинам’ [МАС–I 1985]; ‘разумеется, конечно’ [БТСРЯ 2000];

(6) в роли коммуникатива (в словарях описывается как частица): ‘употребляется при выражении подтверждения чего-л.; соответствует по значению словам: да, конечно’ [Ефремова–I 2000]; ‘(обычно в ответной реплике). Да, конечно. – *Вы уже со всеми познакомились? Естественно*’ [БТСРЯ 2000].

***Естественно* в подкорпусе XX – XXI вв.**

Все эти 6 значений широко представлены в подкорпусе XX – XXI вв.:

(1) наречие ‘согласно с природой вещей, нормально’:

От махрового полотенца естественно ждешь нежности. В том числе и нежности цвета [Махровая история // «Домовой», 2002.09.04];

Предмет был той неправильной округлой формы, что не создается ни машиною, ни человеком, а образуется естественно, незрячей игрой природных сил; к предмету еще и кусок грязи прилип. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998];

Там о свободе не мечтают, там ею пользуются так же естественно, как дышат воздухом [Василь Быков. Бедные люди (1998)];

(2) наречие ‘легко, непринужденно, без натянутости’:

Актриса учила эти слова говорить естественно и с большим значением [Галина Щербакова. Реалисты и жлобы (1997)];

*Она должна была бы быть весьма чуждым мне типом, но **держалась** так приятно, весело и **естественно**, что говорить с ней составляло истинное удовольствие [В. А. Рубин. Дневники. Письма (1965)];*

*Игорь мне сказал, что их перед отъездом инструктировали, как вести себя за границей, советовали **вести себя естественно** и говорить все, что думают [Владимир Войнович. Замысел (1999)];*

(3) предикатив 'понятно, само собой разумеется':

***Естественно**, что любое национальное государство, в том числе Россия, рассматривает проблему деструктивной деятельности [«Адвокат», 2004.12.01];*

***Естественно**, что обойти театр как форму досуга мы не могли [«Экран и сцена», 2004.05.06];*

***Естественно**, что проблемы со здоровьем не обошли стороной и участников сборной России [«Известия», 2003.01.08];*

(4) предикатив (с инфинитивом) 'свойственно кому-, чему-либо':

***Естественно предполагать**, что интенсивности переходов не изменяются слишком быстро с ростом *GIQ*.) [«Вопросы психологии», 2003];*

*При одинаковости, так сказать, крайней посылки (Киркегор) было б **естественно найти** близость и средних – Лермонтова и Достоевского [«Октябрь», 2002];*

*И хотя для родителей вполне **естественно радоваться**, видя успехи своих детей, все же необходимо различать, где кончаются интересы ребенка и начинаются родительские амбиции [Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)];*

(5) вводно-модальное слово 'разумеется, конечно':

*Что станет тогда с теми, кто лепит из них шедевры (в меру умения, **естественно**)? [«Известия», 2001.07.06];*

*Для ЛУКОЙЛа "это были весьма выгодные сделки, и, **естественно**, покупатели тоже захотели получить свое [«Известия», 2003.02.12];*

Сидеть рядом с часами и каждые пятнадцать минут требовать перерыва я, естественно, не могла [«Даша», 2004];

(6) коммуникатив (частица) 'да, конечно':

–Ты любишь читать? – спросил Карнаухов. // – Естественно, – удивленно ответил мальчик [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002];

– ... Ну ничего, в следующий раз точно к тебе, – подбадриваю его я. // – Естественно, – говорит он, утыкаясь в газету [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001];

– Могу я переночевать в Свердловске у твоих родителей? // – Естественно, – закричал Безуглов, – конечно! Сколько угодно! [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)].

В современном языке наблюдается значительное преобладание употреблений *естественно* в роли вводно-модального слова. На первые 300 вхождений в подкорпус зафиксировано 202 контекста (что составляет 66, 7 % от всей выборки). На втором месте употребления в первом, основном значении наречия 'согласно с природой вещей, нормально' – 31. Немногим меньше употреблений в роли предикатива в первом значении 'понятно, само собой разумеется' – 22.

***Естественно* в подкорпусе конца XVIII – XIX вв.**

Совсем иную картину мы видим применительно к данным подкорпуса конца XVIII – XIX вв., как в качественном, так и в количественном отношении. Из употреблений в 6 указанных выше значениях слова *естественно* в этом подкорпусе встретилось всего 5.

(1) наречие 'согласно с природой вещей, нормально':

Уверение о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницания нашего в будущее и заставляет нас пеицися о том, что после нас последует [«Нравоучение как практическое наставление»] (1780)];

*Каждая из этих частей речи, будучи сама по себе слишком общею, имеет свои дальнейшие определения **естественно** возникающие в ее сфере [К.С. Аксаков. О грамматике вообще (по поводу грамматики г. Белинского) (1838)];*

(2) наречие 'легко, непринужденно, без натянутости':

*Но каково же было мое удивление, когда я вздумал говорить просто и не мог сказать **естественно**, непринужденно ни одного слова [М.С. Щепкин. Записки актера Щепкина (1836)];*

*Благодаря прелестной погоде и еще более прелестному нраву Н. Толстого, умевшего так **естественно**, как никто, ехать на этой тройке, в этом тарантасе и по этой земле, – поездка наша была действительным праздником, которому недаром издали завидовал Тургенев [А.А. Фет. Мои воспоминания / Часть I (1862-1889)];*

(3) предикатив 'понятно, само собой разумеется':

***Естественно**, что всё это должно было как-то ожесточить характер и сообщить ему твердость, всегда отличавшую козаков [Н.В. Гоголь. Тарас Бульба (1835-1841)];*

***Естественно**, что в таких обстоятельствах продолжительны были соображения, попеременно представлявшиеся на Поклонной горе [А.И. Михайловский-Данилевский. Описание Отечественной войны в 1812 году (1839)];*

*У нас в провинции я и не слыхивал о дамских седлах, на которых сидят боком, следовательно, весьма было **естественно**, что смотрел с большим любопытством и даже удивлением на эту амазонку [М.Н. Загоскин. Искуситель (1838)];*

(4) предикатив (с инфинитивом) 'свойственно кому-, чему-либо':

*Итак, весьма **естественно** пределам рассудительного и смешного любочестия в некоторых местах сходиться друг с другом [Д.И. Фонвизин. Рассуждения о национальном любочестии (1785)];*

Развѣ не естественно любить то что краше и моложе? [А.С. Шишков. Нѣчто о Россійской императрицѣ Екатеринѣ Второй (1824-1826)];

Нам естественно любить тех, которые нас любят; еще свойственнее по самолюбию нашему ненавидеть, кто вопреки обязанности своей не любит нас [М.С. Жукова. Барон Рейхман (1837)];

(5) вводно-модальное слово ‘разумеется, конечно’;

Позднее, когда сошел он с служебного поприща и круг влиятельной деятельности его, естественно, сузился, он с тем же усердием, с таким же напряженным направлением сделался в Москве ходатаем, заступником, попечителем несчастных, пересылаемых в Сибирь [П.А. Вяземский. Старая записная книжка (1830-1870)];

Сначала, естественно, этот же самый силлогизм доказывалъ въру противъ разума и подчинялъ ей разумъ силою разумныхъ доводовъ [И.В. Киреевский. В ответ А. С. Хомякову (1839)].

Не обнаружено употреблений в роли коммуникатива. Возможно, это связано с тем, что в текстах НКРЯ периода конца XVIII – XIX вв. слабо представлены контексты, отражающие особенности живой разговорной диалогической речи того периода¹⁵.

Также в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. обнаружены употребления наречия в значениях, не представленных в подкорпусе XX – XXI вв. Это связано с тем, что в этот период наречия могли образоваться не только от двух значений исходного прилагательного *естественный* (‘обусловленный законами природы, закономерный’ и ‘простой, непринужденный (противопологается деланному, напускному)’ [БАС–III 1954]), но и от других значений этого многозначного слова, например ‘произведенный, созданный природой без вмешательства человека; природный’ [БАС–III 1954] → ‘по своим природным свойствам; от природы’. Кстати, отметим, что в этой формулировке значение для наречия

¹⁵ Но и в диалогах героев художественных произведений, которые имитируют живую разговорную речь персонажей, мы эти употребления не встретили.

естественно указано и в «Словаре русского языка XVIII века» [СРЯ XVIII–7 1992]:

*Въ разсужденіи деревцовъ ильмовыхъ, буковыхъ, сосновыхъ, каштановыхъ, липовыхъ и другихъ, **естественно дикорастущихъ**, когда они чрезъ три или четыре года поуматергуютъ въ питомникъ, начинаютъ ихъ выдерживать и воспитывать...* [В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство, часть VII (1795)];

*Когда выщелачиваемыя квасцовыя земли не содержатъ **естественно** поташа, то должно присовокупить сей соли, либо амміака для приведенія квасцовъ въ кристаллы* [В.М. Севергин. Начертаніе технологіи минеральнаго царства (1821)];

*Признавая, что свободное соизволение нужно для произведения права, закон постановляет, что дитя или несовершеннолетний, лишенные ума или слабоумные **естественно**, хотя бы временно или пьянством, или сильным страстей движением, не могут соизволением своим произвести права, ниже те, которые бы к тому побуждены были* [А.Н. Радищев. [Проект Гражданского уложения] (1801)].

В качестве семантически производного на базе вышеупомянутого значения можно рассматривать значение прилагательного ‘произведенный, созданный, приготовленный естественным образом, натуральным способом’ – ср. в БАС: ‘существующий от природы, прирожденный (противопологается искусственному)’ [БАС–III 1954] → ‘натурально, натуральным способом, природно’:

*Надобно желать, чтобъ вода, **естественно** или искусствомъ произведенная, находилась выше того мѣста, на которомъ слѣдуетъ производить поливаніе...* [В.А. Левшин. Всеобщее и полное домоводство, часть VII (1795)];

*У него был свой слог и в пище: нужны были припасы свежие, здоровые, как можно более **естественно** изготовленные* [П.А. Вяземский. Старая записная книжка (1830-1870)];

*Христианское воззрение приучило к дуализму и идеальным образам так сильно, что нас неприятно поражает все **естественно** здоровое...* [А.И. Герцен. Былое и думы. Часть пятая. Париж-Италия-Париж (1862-1866)].

Также имеются случаи расширения сочетаемости, в сравнении с нормой современного употребления, в которых наречие *естественно* употребляется в значении, которое в современной русской речи «зарезервировано» за устойчивыми адвербиальными сочетаниями *естественным образом, естественным путем, естественной смертью*, например:

*Уже Царьград открылся глазам российских плавателей; но Митяй, как второй Моисей (по выражению летописца), долженствовал только издали видеть цель своего путешествия и честолюбия: занемог и внезапно умер, может быть, весьма **естественно**...* [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 5 (1809-1820)];

*Болезнь матери твоей, была конечная, определенная **естественно**, да течение ея жизни скончает* [А.Н. Радищев. [Положив непреодолимую преграду...]] (1790)].

Еще одно значение наречия, реализованное в употреблениях за период конца XVIII – XIX вв., производно от другого значения прилагательного *естественный*: ‘Верно, правдиво воспроизводящий действительность, искусно ей подражающий. О литературных, художественных и других произведениях искусства, исполнении ролей и т.д.’ [БАС–III 1954]. В «Словаре русского языка XVIII века» оно сформулировано как ‘достоверно, правдиво, точно воспроизводя действительность’ [СРЯ XVIII–7 1992] = ‘правдоподобно’:

*В Христе, снятом со креста, не видно ничего божественного, но как умерший человек изображен он весьма **естественно*** [Н.М. Карамзин. Письма русского путешественника (1793)];

*И именно: героиня Новеллы, Викторина въ началъ – Польская пѣвица, а въ концѣ – либералка – выставлена совершенно не **естественно**...* [Г. Кёнигъ. Новые нѣмецкіе романисты // «Московскій наблюдатель», 1837];

*Все люди, там бывшие (исключая сестер), мне не более были известны, как бы жители Стамбула; следственно, я очень **естественно** мог представлять азиатца, все сие в первый раз видящего [А.Н. Вульф. [Записки о событиях 1828-1829 гг.] (1830)];*

*Не правда ли, что я очень удачно притворился и весьма **естественно** представил испуг и ужас? [К. П. Масальский. Стрельцы (1832)].*

В подкорпусе конца XVIII – XIX вв. также были обнаружены не соответствующие современной норме употребления *естественно* в роли модальной частицы в значении выражения высокой степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого, которая распространяет существительное, прилагательное или словосочетание «сущ. + прил.»¹⁶:

*Заслуживал ли кто опалу, но мог извиниться **естественно** человеческою слабостию? того миловали и писали в указе: «Государь прощает, из уважения к ходатайству слуги, конюшего боярина» [Н.М. Карамзин. История государства Российского: Том 10 (1821-1823)];*

*Вопрос был **естественно** тот: за коим диаволом? [А.И. Герцен. Кто виноват? (1841-1846)];*

*Но с русским языком Крижанич хочет слить сербско-хорватское наречие и таким образом составить новый книжный славянский язык – мысль, чрезвычайно смелая и **естественно** невозможная для одного лица [Н.И. Костомаров. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Выпуск пятый: XVII столетие (1862-1875)].*

В количественном отношении распределение употреблений в семантических и функциональных разновидностях в период конца XVIII – XIX вв. также существенно не совпадает с современным периодом. В период конца XVIII – XIX вв. мы наблюдаем полное доминирование употреблений наречия *естественно* в основном значении 'согласно с природой вещей, нормально'. На

¹⁶Относится к семантической разновидности модальных частиц, «вносящих самые разнообразные оценки, квалификации, выражения субъективных реакций, субъективного отношения» [Русская грамматика–I 1980: 727]

первые 300 вхождений в подкорпус зафиксировано 121 употребление (40,3 %). На втором месте, в отличие от современного периода, – употребления в роли вводно-модального слова – 62 (20, 7 %). Незначительно уступает ему количество употреблений в роли предикатива в значении ‘понятно, само собой разумеется’ – 54 (18 %).

Квантитативный анализ семантического диапазона слова в разные хронологические периоды.

Квантитативный анализ в целом подтверждает приведенные выше положения. Выборка осуществлялась по первым 300 вхождениям слова по каждому из подкорпусов конца XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв. Получены следующие результаты (см. Табл. 7).

Таблица 7.

Разные значения слова *естественно* в разные хронологические периоды

ЕСТЕСТВЕННО	Кол-во	%	Кол-во	%
Значения слова	конец XVIII– XIX вв.		XX–начало XXI вв.	
1. Согласно с природой вещей, нормально (нареч.)	121	40,3	31	10,3
2. По природе, согласно природе (нареч.)	17	5,7	–	–
3. Натурально, натуральным способом (нареч.)	3	1,0	–	–
4. = Естественным образом (нареч.)	2	0,7	–	–
5. Достоверно, правдиво (нареч.)	10	3,3	–	–
6. Легко, непринужденно, непритворно (нареч.)	15	5,0	11	3,7
7. Понятно, само собой разумеется (предикатив)	54	18,0	22	7,3

8. Свойственно кому-, чему-либо (предикатив)	13	4,3	14	4,7
9. Разумеется, по понятным причинам (вводн.сл.)	62	20,7	202	67,3
10. Да, конечно (коммуникатив)	–	–	20	6,7
11. Большая степень уверенности (частица)	3	1,0	–	–

Количественный анализ выявил основные семантические и функциональные разновидности для слова *естественно*, которые не изменялись на протяжении исследуемых хронологических периодов. Это два наречных значения 'согласно с природой вещей' и 'легко, непринужденно', два значения предикатива 'понятно, само собой разумеется' и 'свойственно кому-, чему-либо' и значение вводно-модального слова 'разумеется, по понятным причинам'. Но количественное распределение между ними в сопоставляемые хронологические периоды было разным. Динамика семантических изменений шла в направлении усиления вводно-модальных употреблений и ослабления наречных. Также в современный период развивается не свойственный этому слову ранее тип употребления в роли подтверждающего коммуникатива в диалоге в значении 'да, конечно'.

В период конца XVIII – XIX вв. зафиксирован большой семантический диапазон наречных значений, вышедших из употребления в современный период: 'по природе', 'натурально', 'естественным образом', 'достоверно, правдиво', которые образованы на базе разных значений исходного многозначного прилагательного *естественный*. Кроме того, для слова *естественно* в этот период было возможно употребляться в роли модальной частицы с семантикой большой степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого. В последующий период эти значения перераспределяются между другими, близкими по смыслу наречиями, наречными выражениями и частицами.

Таким образом, динамика семантических и функциональных изменений слова *естественно* также вписывается в общую для русских наречий тенденцию к семантической дифференциации и внутреннему упорядочиванию адвербиальной системы, имеющую место примерно с 70-х гг. XIX в.

Основные выводы по содержанию главы II

В главе II осуществлен корпусный микродиахронический анализ русских наречий, характеризующих разные аспекты агентивных ситуаций и отражающих точку зрения наблюдателя и / или включающих модальный компонент.

Показано, что в семантическом представлении и функциональных возможностях указанных наречий, ориентированных на обозначение разных субъектно-объектных аспектов обозначаемой в высказывании ситуации, связанных с образом действия, наблюдаются существенные расхождения для хронологических периодов конца XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв.

Применительно к наречиям *бережно* и *осторожно* для современного периода XX – XXI вв. анализ показал абсолютное преобладание семантически распределенных употреблений наречий *бережно* и *осторожно* (*бережно* ≠ *осторожно* и *осторожно* ≠ *бережно*). Однако данные по периоду конца XVIII – XIX вв. выявили для наречия *бережно* достаточно большое количество контекстов, где наречие *бережно* употребляется в значении 'осторожно' (чуть больше одной третьей части от всей выборки) и где наречие *осторожно* употребляется в значении 'бережно' (чуть меньше одной пятой от всей выборки). Квантитативный анализ материала подтвердил мысль А.Б. Пеньковского о «дрейфе» в развитии области значений русских наречий от конца XVIII в. и до нашего времени в направлении «семантической дифференциации» и «внутренней упорядоченности».

Для наречия *аккуратно* применительно к периоду конца XVIII – XIX вв. обнаружены значения, не свойственные современной норме употребления

наречия: '*простор*. Бережливо, скромно, воздержно'; 'вовремя, в срок'; 'точно', оценочные значения 'хорошо', 'правильно, в соответствии с нормой' и 'прилично, как подобает', а также его употребления в роли семантической определительно-уточняющей частицы. Для слова *аккуратно* в современном русском языке характерен меньший объем семантики, и наиболее активны в нем только первые четыре значения, которые отмечены в русских толковых словарях.

Анализ наречия *заботливо* в подкорпусе конца XVIII – XIX вв. также выявил значения, не свойственные современной норме употребления слова: 'озабоченно, с беспокойством', 'с осторожностью, настороженно'. Также отмечено определенное количественное перераспределение значений в динамике развития русского языка к периоду XX – XXI вв. В современный период максимально представлены значение 'проявляя заботу' и значение 'предусмотрительно, старательно, тщательно'. В несколько меньшем объеме реализовано значение 'выражая заботу'. Для периода XVIII – XIX вв. характерно более равномерное распределения количества употреблений: незначительно преобладают употребления в значении 'предусмотрительно, старательно, тщательно'; на второй позиции значение 'выражая заботу', которое, в отличие от данных по подкорпусу XX – XXI вв., преобладает над значением 'проявляя заботу'.

Наречие *охотно* на протяжении периода с конца XVIII в. и до нашего времени демонстрирует не столько смысловые, сколько функциональные изменения. Функциональная вариативность для слова *охотно* связана с возможностью его употребления в период конца XVIII – XIX вв. в роли слова категории состояния в значении 'О большом желании делать что-либо', каковая в современный период утрачена за счет его вытеснения в этой функции синонимичным предикативом *охота*.

Наречие *нечаянно*, в подавляющем большинстве случаев в современный период употребляющееся в значении 'ненамеренно, случайно', в предыдущий период могло иметь значение 'неожиданно, внезапно', которое подкрепляется

внутренней формой – от глагола *чаять* (около одной третьей части всей контрольной выборки по данному подкорпусу). При этом микродиахронический корпусный анализ показал, что чем глубже во времени хронологический срез для анализа, тем более частотно употребление наречия *нечаянно* в значении ‘неожиданно, внезапно’.

Микродиахронический корпусный анализ наречия *второпях* подтвердил идею А.Б. Пеньковского о «расщеплении семантики» этого наречия ‘поспешно, торопливо’ на два не взаимозаменяемых в различных контекстах значения: ‘торопясь, спеша (+/- из-за спешки)’ и ‘наспех, наскоро, поспешно’, что отчетливо видно в предыдущий период развития русского языка. Кроме того, в период конца XVIII – XIX вв. для этого слова зафиксированы не соответствующие современной норме случаи употребления *второпях* в роли сказуемого в двусоставном предложении, предложного и беспредложного глагольного управления существительными, по аналогии с деепричастием *торопясь*.

Анализ русских наречий *навверное(е)* и *естественно*, отражающих точку зрения наблюдателя и / или включающих модальный компонент, также выявил определенную динамику в распределении их семантических разновидностей и грамматических функций в интересующие нас хронологические периоды.

Так, для слова *навверно / навверное* применительно к современному периоду XX – XXI вв. характерно вводно-модальное употребление в значении ‘вероятно, по-видимому’. Однако в период конца XVIII – XIX вв. на первый план выходило другое его значение ‘несомненно, безусловно’ (= *навверняка*), которое реализуется в функции наречия. Количественный анализ показал, что для обоих вариантов *навверно / навверное* обнаруживается движение к уменьшению употреблений в функции наречия к началу XXI вв. (примеры единичны). Также был выявлен эффект расщепления семантики для наречного значения: ‘точно, определенно’ при фактивных ментальных предикатах и ‘несомненно, обязательно, навверняка’ при событийных предикатах.

Микродиахронический корпусный анализ слова *естественно* обнаруживает его богатый функционал, связанный с возможностью употребляться и в роли наречия, и в роли предикатива, и в роли вводно-модального слова, и в роли частицы на протяжении всех интересующих нас хронологических периодов. Динамика функциональных изменений шла в направлении усиления вводно-модальных употреблений и ослабления наречных. В современный период также развивается не свойственный этому слову ранее тип употребления в роли подтверждающего коммуникатива в диалоге в значении 'да, конечно'. В свою очередь, применительно к данным подкорпуса конца XVIII – XIX вв. наблюдается преобладание наречных употреблений в основном значении 'согласно с природой вещей'. Также в период конца XVIII – XIX вв. для слова *естественно* зафиксирован большой семантический диапазон наречных значений, вышедших из употребления в современный период: 'по природе', 'натурально', 'естественным образом', 'достоверно, правдиво', а также возможность употребляться в роли модальной частицы с семантикой большой степени уверенности говорящего в достоверности сообщаемого.

В целом микродиахронический корпусный анализ наречий, избранных нами в качестве объекта исследования, подтвердил наблюдение А.Б. Пеньковского, что динамика смысловых и функциональных изменений русских наречий отражает тенденцию к семантической дифференциации и внутреннему упорядочиванию адвербиальной системы, имеющую место примерно с 70-х гг. XIX в.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе реализовано микродиахроническое корпусное исследование семантических изменений и функциональной вариативности русских наречий на материале группы наречий *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно, нечаянно, второях, наверно(е), естественно* по хронологическим периодам конца XVIII – XIX вв. и XX – XXI вв.

На первом этапе исследования были рассмотрены традиции изучения русского наречия и современное состояние вопроса в русистике. Мы приняли узкое понимание наречий, согласно которому из состава наречия исключаются слова категории состояния и вводно-модальные слова, но включаются местоименные наречия.

Логика предпринятого исследования заставила обратиться к истории формирования наречия как части речи и динамике дальнейшего развития русской адвербиальной системы. История адвербиальной системы показывает, что изменчивость и подвижность состава наречий и наречных выражений, их семантические, словообразовательные, морфологические и синтаксические особенности как «переходной области» между разными частями речи заложены еще на ранних стадиях бытования наречий в истории русского языка.

Освещение разных точек зрения на проблему частеречного статуса наречия и его функциональных свойств в современном русском языке позволило обобщить позиции разных исследователей и выделить основные признаки наречия как части речи на разных уровнях языковой системы: (1) категориальная семантика – признак действия / состояния / другого признака / ситуации в целом; (2) морфологическое свойство – неизменяемость (с поправкой на формы сравнительной степени для части наречий); (3) синтаксические функции – является обстоятельством или детерминантом (в периферийных функциях – является несогласованным определением или входит в состав составного именного сказуемого в двусоставном предложении). Употребление в функции

главного члена односоставного безличного предложения или вводного слова, согласно принятой концепции, означает другой частеречный статус – предикатив – или переход в другой функциональный класс – вводно-модальные слова.

По результатам рассмотрения существующих в современном языкознании традиционных и новых методов синхронического и диахронического анализа наречий был сделан выбор в пользу методики микродиахронического корпусного анализа. Применительно к наречиям в основу принятой в работе концепции анализа легла идея «ближней диахронии» А.Б. Пеньковского, которая предполагает взять за ближайшую точку отсчета состояние адвербиальной системы в конце XVIII – начале XIX вв., чтобы обнаружить трудноуловимые «сдвиги» в употреблении наречий.

На предварительном этапе анализа, с опорой на материалы А.Б. Пеньковского, был выбран первичный список наречий, которые на интервале с конца XVIII до XXI вв. явным образом демонстрируют семантические и функциональные расхождения с интуитивно ощущаемой нормой их употребления в речевых практиках современных носителей русского языка. Это наречия, характеризующие разные аспекты контролируемых (агентивных) ситуаций: *осторожно, бережно, аккуратно, заботливо, охотно*; наречия, характеризующие неконтролируемые / не полностью контролируемые ситуации: *нечаянно, второпях*; наречия, отражающие точку зрения наблюдателя и / или включающие модальный компонент: *наверно(е), естественно*.

Суть предлагаемой концепции исследования состояла в качественном и количественном описании семантических изменений (с оценкой их динамики) и функциональной вариативности этих наречий.

Данный научный инструментарий позволил объективировать и верифицировать наши интуитивные представления о преобладании того или иного значения наречной лексики в современный период, зафиксировать изменения в семантической структуре по сравнению с предшествующим состоянием русского языка (XVIII – XIX вв.), описать функциональную

вариативность лексемы как возможность употребляться в роли безлично-предикативных слов, вводно-модальных слов или частиц в хронологические периоды столетней или двухсотлетней давности.

В качестве источника языкового материала для анализа наречий на основе Национального корпуса русского языка (основной корпус, газетные корпуса, корпус «Русская классика») нами было сформировано два подкорпуса их употреблений в разные хронологические периоды: конец XVIII – XIX вв. и, соответственно, XX – XXI вв. Объем общей выборки текстовых фрагментов с интересующими нас словами составил около 5 500 контекстов.

Полученные результаты, которые представлены в главе II, показали, что разработанный в ходе исследования научный инструментальный корпусного микродиахронического анализа русских наречий действительно является надежным средством для верификации и объективации данных, извлеченных из текстов и словарей.

Наиболее важным общим итогом применения предложенной в работе методики микродиахронического корпусного анализа наречий стало обоснование возможности постановки и разрешения исследовательских задач **разного типа** на разном исследовательском материале.

(1) **Выявление динамики семантического распределения значений синонимических наречий** в «ближней диахронии» было осуществлено посредством анализа наречий *бережно* и *осторожно*. Анализ показал, что если для периода конца XVIII – XIX вв. характерно семантически нераспределенное употребление наречий, когда наречие *бережно* употребляется в значении 'осторожно', а наречие *осторожно* употребляется в значении 'бережно', то для последующего периода XX – XXI вв. в большинстве употреблений представлено семантически дифференцированное употребление этих слов (*бережно* ≠ *осторожно* и *осторожно* ≠ *бережно*).

(2) **Выявление динамики изменения диапазона значений многозначных наречий** в «ближней диахронии» было осуществлено посредством анализа

наречий *аккуратно*, *заботливо*, *нечаянно*, *естественно*. Анализ наречия *аккуратно* показал, что в период конца XVIII – XIX вв. для этого слова были характерны значения ‘бережливо, скромно, воздержно’; ‘вовремя, в срок’; ‘точно’, оценочные значения ‘хорошо’, ‘правильно, в соответствии с нормой’ и ‘прилично, как подобает’, а также функция определительно-уточняющей частицы, что не соответствует нормам современного употребления наречия. Анализ наречия *заботливо* показал, что в период конца XVIII – XIX вв. это слово могло употребляться в значениях ‘озабоченно, с беспокойством’, ‘с осторожностью, настороженно’, также несвойственных современным моделям его употребления. Анализ наречия *нечаянно* показал, что значение ‘неожиданно, внезапно’, характерное для периода конца XVIII – XIX вв., постепенно утрачивается и в подкорпусе текстов XXI в. представлено лишь единичными примерами. Отмечен также больший семантический диапазон в период конца XVIII – XIX вв. в сравнении с современным состоянием для слова *естественно* за счет его реализации в несвойственных современной норме значениях ‘по природе’, ‘натурально’, ‘естественным образом’, ‘достоверно, правдоподобно’.

(3) Выявление расщепления (дифференциации) значения наречия было осуществлено посредством анализа наречий *второпях* и *наверно(е)*. Анализ наречия *второпях* показал расщепление его семантики на два распределенных по разным контекстам значения: ‘торопясь, в спешке, из-за спешки’ и ‘наспех, наскоро, поспешно’, что отчетливо видно и в предыдущий период развития русского языка, и в современном словоупотреблении (однако не отражается в словарях).

Для наречия *наверно(е)* также обнаруживается эффект расщепления семантики на два значения, реализующихся в разных типах контекстов: ‘точно, определено’ при ментальных фактивных предикатах и ‘несомненно, обязательно, наверняка’ при событийных предикатах.

(4) Выявление функциональной вариативности наречия, сопровождающей его семантические изменения, в «ближней диахронии» было

осуществлено посредством анализа наречий *наверно(е)*, *естественно*, *охотно*, *второпах*, *аккуратно*.

Динамика функциональных изменений слова *наверно(е)*, которое на протяжении всего периода конца XVIII – XXI вв. употреблялось и в функции вводного слова (в значении ‘вероятно, по-видимому’), и в функции наречия (в значении ‘несомненно, безусловно’), идет в направлении усиления вводно-модальных употреблений и ослабления наречных употреблений.

Анализ слова *естественно* показал наличие разного диапазона синтаксических функций для разных периодов: функция вводного слова, предикатива, наречия и коммуникатива для периода XX – XXI вв., функция наречия, вводного слова, предикатива и модальной частицы для периода конца XVIII – XIX вв.

В период конца XVIII – XIX вв., помимо функции наречия, *охотно* употреблялось в роли предикатива; *второпах* – в роли предиката двусоставного предложения; *аккуратно* – в роли частицы.

В целом микродиахронический корпусный анализ наречий *осторожно*, *бережно*, *аккуратно*, *заботливо*, *охотно*, *нечаянно*, *второпах*, *наверно(е)*, *естественно* по хронологическим периодам конца XVIII – XIX вв. и XX – XXI вв. подтвердил, что динамика смысловых изменений и функциональной вариативности русских наречий отражает тенденцию к семантической дифференциации и внутреннему упорядочиванию адвербиальной системы, имеющую место примерно с 70-х гг. XIX в.

Разработанный концептуальный аппарат, апробированный в ходе исследования и показавший свою эффективность, а также полученные результаты могут быть полезны как для микродиахронического, так и для синхронного анализа системы русских наречий. Ряд рассмотренных единиц – *бережно*, *заботливо*, *осторожно*, *аккуратно* – имеет общие компоненты и сходные контексты употребления. Их анализ позволяет проследить не только семантическую дифференциацию и специализацию значений внутри

семантической парадигмы отдельных наречий, но и становление семантических противопоставлений на данном участке системы агентивных наречий в целом. Описанные типы и механизмы семантических изменений – перераспределение значений в группе синонимичных слов; изменение диапазона значений; расщепление (дифференциация) значения – и функциональных изменений могут рассматриваться как релевантные параметры при микродиахроническом анализе других групп наречий и слов других морфологических классов.

Хотя работа непосредственно посвящена корпусному анализу, полученные результаты позволяют сделать ряд теоретических выводов и обозначить ряд проблем, касающихся, с одной стороны, определения хронологических границ современного русского языка и, с другой стороны, совершенствования концептуального аппарата лексикографического представления значений.

Проведенный анализ показал, что информация, зафиксированная в словарях, нередко нуждается в уточнении, а сам подход лексикографов к отбору этой информации – в обсуждении.

Прежде всего, это касается лексикографического отражения современного состояния языка, в том числе значений наречных слов. Разумеется, современные лексикографы используют ресурсы НКРЯ и других корпусов, тем не менее обнаруживается, что некоторые лексикографические решения относительно набора значений, их иерархии и т.д. переносятся в новые словари из словарей XX в.: например, у *второных* не различаются значения ‘из-за спешки’ (причинное) и ‘наспех, кое-как’ (оценочное); кроме того, из словарей XX в. в словари XXI в. переносится пример из А.С. Пушкина «*Прибежали в избу дети, // Второных зовут отца*», хотя он, как отмечал А.Б. Пеньковский, не соответствует современной норме; у *охотно* в ряде словарей выделяется компонент ‘с удовольствием’, который не подтверждается корпусными данными; у *нечаянный* в основных современных словарях первым дается значение ‘неожиданный’, что автоматически переносится на нетолкуемое наречие, – между тем в современном языке значение ‘неожиданно’ для наречия *нечаянно* является устаревающим или

даже устаревшим. Аналогичный статус (устаревающее) имеет наречное употребление *наверно(е)*, которое вытесняется вводным употреблением (что отражается не во всех словарях). Очевидно, что обращение к корпусным данным позволило бы уточнить лексикографические представления этих и др. слов.

Но есть и более общий вопрос, который касается самой идеологии лексикографического представления слов, а именно – вопрос оценки и фиксации фактов, которые относятся к периоду конца XVIII – начала XX вв., не подтверждаются современным словоупотреблением и должны получать помету «устар.». Это вопрос о границах «современного русского языка» и объеме информации, которая помещается в словари современного русского языка.

В отечественной филологии граница современного русского языка отсчитывается от Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина (см. [Бельчиков 1974; Виноградов 1978; Горшков 1983; Успенский 1994]). При этом любой микродиахронический анализ обнаружит массу фактов и явлений, которые непонятны и непривычны современным носителям языка, но не отражаются в современных словарях.

Например, в современных словарях не представлено некорреферентное употребление *нечаянно* в контексте агентивных глаголов (*Неприятель нечаянно напал на фуражиров; Я нечаянно шел мимо квартиры вашей*); случаи расхождения с современной нормой в употреблении *бережно* (*ступает бережно на лед*), *заботливо* (*заботливо зашагал по комнате*) и под. Такие примеры у современных школьников (и, вероятно, не только у школьников) вызывают затруднения или даже непонимание.

Семантические и морфосинтаксические расхождения с современным языком встречаются даже в произведениях А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, язык которых традиционно считается классическим, «образцовым» и «прозрачным», – и, разумеется, в других текстах литературы XVIII – XIX вв.

Между тем произведения XVIII – XIX вв. входят в школьную программу, и информацию об особенностях словоупотребления этого периода,

зафиксированную в словарях XX в., желательно сохранить в современных словарях. Кроме того, с точки зрения современной речевой практики, нуждаются в каталогизации и комментировании и многие другие слова и конструкции из текстов конца XVIII – XIX вв., которые авторам словарей XX в. не казались устаревшими, но теперь выходят из употребления.

Этот вопрос имеет не только теоретический, но и практический характер, поскольку тексты конца XVIII – XIX вв. входят в школьную программу.

Проекты комментирования текстов XIX в. уже существуют, ср. [Рахилина и др. 2024; Рахилина, Бычкова 2024; Рыжаченков, Рахилина 2024]. Существует даже проект создания языка XIX в. – он реализуется в Институте лингвистических исследований РАН, но пока находится на начальной стадии. Очевидно, однако, что современные цифровые технологии, корпусные методы, электронные версии словарей позволяют решить эту проблему системно, если в электронных словарях предусмотреть зону микродиахронического комментария, который бы включал информацию об особенностях употребления слова в языке XVIII–XIX вв. и отражал изменения в семантике, сочетаемости и других значимых характеристиках слова в современной речевой практике по сравнению с текстами XVIII–XIX вв.

Таким образом, полученные в ходе микродиахронического исследования результаты дают материал как для теоретической семантики, так и для практической лексикографии.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением исследовательской базы за счет увеличения первоначального списка наречий, с возможной специализацией исследования по разным типам дискурсивных практик (медийный дискурс, научный дискурс, разговорный дискурс, художественный дискурс и т.п.), с уточнением методики микродиахронического корпусного анализа за счет создания более точного инструментария для измерения временных пределов тех или иных «сдвигов» в употреблении наречий, скорости семантических изменений и т.д.

Список сокращений и условных обозначений

- АС – Активный словарь русского языка. Т. I
- БАС – Словарь современного русского литературного языка. В 17 тт.
- БАС–Н – Большой академический словарь русского языка. Тт. I–XXVII...
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка
- БУСРЯ – Большой универсальный словарь русского языка
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь
- МАС – Словарь русского языка. В 4-х тт.
- НОССРЯ – Новый объяснительный словарь синонимов русского языка.
- ОШ – Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка
- ПАС – Проспект активного словаря русского языка
- СЕ 2000 – Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т.
- СО – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка
- СРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века.
- ЯБЭС – Языкознание. Большой энциклопедический словарь

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Источники:

1. Подкорпус употреблений наречий: конец XVIII–XIX вв. // Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2024).
2. Подкорпус употреблений наречий: XX–начало XXI вв. // Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.01.2024).

Научная и учебно-методическая литература:

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. В 6 т. Т. II. Сочинения филологические. Ч. I. / К. С. Аксаков. – М., 1880. – 660 с.
2. Алпатов В. М. О разных подходах к выделению частей речи / В. М. Алпатов // Вопросы языкознания. – 1986. – № 6. – С. 37–46.
3. Андреева А. А. Глаголы со значениями ‘делить’ и ‘делиться’: к лексической типологии) / А. А. Андреева // Вопросы языкознания. – 2026. – № 6 (в печати).
4. Апресян В. Ю. Семантика и ее рефлексy у наречий усилия и малой степени / В. Ю. Апресян // Вопросы языкознания. – 1997. – № 3. – С. 16–34.
5. Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика : сборник научных статей. – 1986. – Вып. 28. – С. 5–33.
6. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х т. Т. I: Лексическая семантика / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 472 с.
7. Апресян Ю. Д. Избранные труды. В 2-х т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995. – 767 с.

8. Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии / Ю. Д. Апресян // Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. ; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – С. 33–160.

9. Апресян и др. 2019 – В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. В. Драгой. О методе комплексного семантического, статистического и психолингвистического анализа многозначности / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, О. В. Драгой, Б. Л. Иомдин, А. Лауринавичюте, И. Б. Левонтина, К. А. Лопухин, А. А. Лопухина, Е. В. Урысон // Русская речь. – 2019. – № 1. – С. 8–17.

10. Апресян Ю. Д. Введение; Инструкция по составлению словарных статей активного словаря (АС) русского языка / Ю. Д. Апресян // Проспект активного словаря русского языка. / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. ; Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2010. – С. 17–152.

11. Апресян Ю. Д. Об Активном словаре русского языка / Ю. Д. Апресян // Активный словарь русского языка. Т. I. (АС–I) / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. ; Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянских культур, 2014. – С. 5–36.

12. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

13. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка / В. В. Бабайцева. – М. : Дрофа, 2000. – 639 с.

14. Бардина Т. К. Проблема лексико-грамматической переходности частей речи в современном русском языке : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Татьяна Константиновна Бардина ; ВолГУ. – Волгоград, 2003. – 194 с.

15. Барсов А. А. Российская грамматика / А. А. Барсов. – М. : Издательство Московского университета, 1981. – 776 с.

16. Баудер А. Я. Лексико-семантический аспект явлений переходности в системе частей речи / А. Я. Баудер // Переходность и синкретизм в языке и речи : Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Бабайцева. – М. : Изд-во «Прометей» МПГУ им. В. И. Ленина, 1991. – С. 22–31.

17. Бельчиков Ю.А. Русский литературный язык во второй половине XIX века : Учеб. пособие для филол. специальностей ун-тов и пед. ин-тов. – Москва : Высш. школа, 1974. – 192 с.

18. Битехтина Г. А. О формальном выражении частных синтаксических функций определительных наречий / Г. А. Битехтина // Спорные вопросы синтаксиса : сборник статей. – М. : Издательство Московского университета, 1974. – С. 63–81.

19. Битехтина Г. А. Семантико-синтаксические условия употребления качественно-количественных наречий в русском языке / Битехтина Г. А. // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 1982. – № 5. – С. 18–28.

20. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике: Сферы действия логических слов / И. М. Богуславский. М. : Наука, 1985. – 173 с.

21. Богуславский И. М. Сфера действия лексических единиц / И. М. Богуславский. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1996. – 468 с.

22. Богуславский И. М. Актантное поведение адвербиальных дериватов / И. М. Богуславский // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст : сборник статей в честь Е. В. Падучевой. – М. : Языки славянских культур, 2008. – С. 110–128.

23. Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражений в языке : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Валентина Николаевна Бондаренко. – М., 1977. – 23 с.

24. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл / А. В. Бондарко. – Л. : Наука, 1978. – 175 с.

25. Бондарко А. В. Проблемы функциональной грамматики: Полевые структуры / А. В. Бондарко. – СПб. : Наука, 2005. – 478 с.
26. Булыгина Т. В. Проблемы теории морфологических моделей / Т. В. Булыгина. – М. : Наука, 1977. – 288 с.
27. Булыгина Т. В. Грамматические и семантические категории и их связи / Т. В. Булыгина // Аспекты семантических исследования : коллективная монография / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, А. А. Уфимцева. – М. : Наука, 1980. – С. 320–355.
28. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке / Т. В. Булыгина // Семантические типы предикатов. – М. : Наука, 1982. – С. 7–85.
29. Булыгина Т. В., Крылов С. А. Скрытые категории / Т. В. Булыгина, С. А. Крылов // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – С. 457–458.
30. Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка / Ф. И. Буслаев. – М. : Учпедгиз, 1959. – 623 с.
31. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер ; пер. с нем.; Отв. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной, вступ. ст. Т. В. Булыгиной и А. А. Леонтьева. – М. : «Прогресс», 1993. – 528 с.
32. Валгина и др. 2002 – Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина. Современный русский язык : учебник для вузов / Н. С. Валгина, Д. Э. Розенталь, М. И. Фомина ; Под ред. Н. С. Валгиной. – Изд. 6-е, перераб. и доп. – М. : Логос, 2002. – 528 с.
33. Васильев Л. М. Семантика русского глагола / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1981. – 184 с.
34. Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика : учебное пособие для вузов / Л. М. Васильев. – М. : Высшая школа, 1990. – 176 с.
35. Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика / Л. М. Васильев. – Уфа : Гилем, 2005.

36. Виноградов В. В. История русского литературного языка : Избр. труды / Отв. ред., сост., авт. вступ. статьи и коммент. д. филол. н. Н. И. Толстой. – Москва : Наука, 1978. – 320 с.,
37. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. – Изд. 3-е. – М.–Л. : Высшая школа, 1986. – 642 с.
38. Виноградова В. Л. Слово *верх* в «Слове о полку Игореве» и в древнерусском языке / В. Л. Виноградова // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии славянских языков. – М. : Наука, 1974. – С. 35–43.
39. Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка : учебник / М. В. Всеволодова. – М. : Издательство Московского университета, 2000. – 502 с.
40. Галантина И. К. Функциональный статус наречий в системе частей речи : специальность 10.02.19 Теория языка : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Галантина Ирина Константиновна ; МГИИЯ им. М. Тореза. – М., 1989. – 24 с.
41. Галкина-Федорук Е. М. Наречие / Е. М. Галкина-Федорук // Современный русский язык. В 2-х ч. Ч. 2 / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М. : Издательство Московского университета, 1965. – С. 187–202.
42. Глазунова О. И. Наречия со значением высокой, очень высокой и предельной степени интенсификации признака / О. И. Глазунова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024. – № 2. – С. 74–93.
43. Голицына Т. Н., Меркулова И. А. Проблема квалификации наречия в современном русском языке / Т. Н. Голицына, И. А. Меркулова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. – 2020. – № 1. – С. 10–14.
44. Горшков А. И. Теоретические основы истории русского литературного языка / А. И. Горшков. – М. : Наука, 1983. – 160 с.
45. Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Наука, 1970. – 767 с.

46. Дегальцева А. В. Особенности употребления наречий образа действия в научной статье / А. В. Дегальцева // Жанры речи. – 2019. – № 3 (23). – С. 200–206.
47. Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива : специальность 10.02.01 Русский язык : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук / Марина Валерьевна Дегтярева ; Московский государственный областной университет. – М., 2006. – 33 с.
48. Демьянков В. З. О формализации прагматических свойств языка / В. З. Демьянков // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М. : ИНИОН АН СССР, 1984. – С. 197–222.
49. Евтюхин В. Б. Наречие / В. Б. Евтюхин // Морфология современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, М. Д. Воейкова, В. Б. Евтюхин и др. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – С. 543–584.
50. Ермакова О. П. Изменения в системе словообразования наречий / О. П. Ермакова // Глагол, наречие, предлоги и союзы в русском литературном языке XIX века / Под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1964. – С. 186–224.
51. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 672 с.
52. Золотова Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Онипенко, М. Ю. Сидорова. – М. : Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 1998. – 528 с.
53. Золотова Г. А. Функции и дисфункции современной русской речи / Г. А. Золотова // Русский язык сегодня : сборник статей. Вып. 1 / Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН ; Отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 122–136.
54. Иванов В. В. Историческая грамматика русского языка : учебное пособие / В. В. Иванов. – М. : Просвещение, 1983. – 400 с.

55. Камынина А. А. Современный русский язык. Морфология : учебное пособие / А. А. Камынина. – М. : Издательство МГУ, 1999. – 240 с.
56. Киселева К., Пайар Д., Разлогова Е. КОНЕЧНО, или «Чужая правда» / К. Киселева, Д. Пайар, Е. Разлогова // Русистика сегодня. – 1994. – №1. – С. 154–165.
57. Клобуков Е. В. Теоретические проблемы русской морфологии / Е. В. Клобуков. – М. : Издательство МГУ, 1979. – 96 с.
58. Коневецкий А. К. История наречий в русском языке. В 2 т. : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / А. К. Коневецкий ; Вильнюсский госуниверситет. – Вильнюс, 1974. – Т. 1. – 338 с. ; Т. 2. – 446 с.
59. Коневецкий А. К. Наречия в древнерусском языке / А. К. Коневецкий // Древнерусский язык домонгольской поры : межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1991. – С. 173–182.
60. Копосов Д. Р. Наречие. Динамика классификации феномена / Д. Р. Копосов // Ученые записки Казанского государственного университета. – 2008. – Т. 150, кн. 6. – С. 208–216.
61. Кубрякова Е. С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е. С. Кубрякова ; АН СССР. Ин-т языкознания. – М. : Наука, 1978. – 116 с.
62. Кузнецова С. М. Системно-синтаксическое описание отадъективных модальных транспозитивов на -о : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Светлана Михайловна Кузнецова ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2017. – 244 с.
63. Кустова Г. И. Некоторые проблемы анализа действий в терминах контроля / Г. И. Кустова // Логический анализ языка. Модели действия. – М. : Наука, 1992. – С. 145–150.
64. Кустова Г. И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения / Г. И. Кустова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 472 с.

65. Кустова Г. И. Семантика и типы употребления наречных квазирелятивов / Г. И. Кустова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2017. – Вып. XIII. Культура русской речи. – С. 257–264.

66. Кустова Г. И. Типы конструкций с адвербиалами / Г. И. Кустова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам международной конференции «Диалог-2017». – 2017. – Вып. 16 (23), Т. 2.– С. 220–232.

67. Кустова Г. И. Прилагательные / Г. И. Кустова // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. 3. Части речи и лексико-грамматические классы. – СПб. : Нестор-История, 2018. – С. 40–107.

68. Кустова Г. И. Относительные наречия и относительные прилагательные по данным Национального корпуса русского языка / Г. И. Кустова // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 2019а. – № 4. – С. 34–39.

69. Кустова Г. И. Относительные наречия в контексте глаголов и прилагательных (по данным Национального корпуса русского языка) / Г. И. Кустова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2019б. – Вып. 21. – С. 126–142.

70. Кустова Г.И. Системные связи вводных и присоединительных конструкций/ Г. И. Кустова // Russian Grammar: System – Usus – Variation. Русская грамматика: система – узус – варьирование. – Potsdam : Peter Lang, 2021. – С. 327–340.

71. Кустова Г. И. Предикативы ощущения и предикативы интерпретации: семантические и синтаксические процессы / Г. И. Кустова // Критика и семиотика. – 2022. – № 1. – С. 110–123.

72. Кустова Г. И. Семантика предикативов и функции инфинитивов в конструкции «предикатив + инфинитив» в русском языке / Г. И. Кустова // Russian Linguistics. – 2024. – Т. 48. С. 1–20.

73. Кустова Г. И., Олонцев А. А. Микродиахронический корпусный анализ семантических изменений русских наречий (на примере слова второпях) / Г. И. Кустова, А. А. Олонцев // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Материалы VIII Конгресса РОПРЯЛ, г. Красноярск, 10–14 сентября 2024 года. Выпуск 8. – СПб. : РОПРЯЛ, 2024. – С. 78–83.

74. Кустова Г. И. Типы употребления экспериенциальных наречий / Г. И. Кустова // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2026. № 4. (в печати).

75. Кустова Г. И., Падучева Е. В. Словарь как лексическая база данных / Г. И. Кустова, Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 96–106.

76. Левонтина И. Б. Целесообразность без цели / И. Б. Левонтина // Вопросы языкознания. – 1996. – № 1. – С. 42–58.

77. Летучий А. Б. Предикативы / А. Б. Летучий // Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы / Отв ред. В. А. Плунгян, Н. М. Стойнова. – СПб. : Нестор-История, 2018. – С. 136–192.

78. Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 1: Инфинитивные клаузы / Е.А. Лютикова // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2022а. – № 5. – С. 27–45.

79. Лютикова Е.А. Есть ли синтаксический подъем в русском языке? Часть 2: Малые клаузы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 2022б. – № 6. – С. 58–74.

80. Маляр Т. Н., Селиверстова О. Н. Пространственно-дистанционные предлоги и наречия в русском и английском языках / Т. Н. Маляр, О. Н. Селиверстова // Slavistische Beitrage. – 1998. – Bnd. 362. – Munchen : Otto Sagner, 1998. – С. 109–113.

81. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка / И. Г. Милославский. – 2-е изд. – М. : Либроком, 2011. – 256 с.

82. Морфология 2008 – Морфология современного русского языка : учебник для высших учебных заведений Российской Федерации / С. И. Богданов, В. Б. Евтюхин, Ю. П. Князев и др. – СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. – 672 с.
83. Национальный корпус русского языка: 2006–2008. Новые результаты и перспективы / Отв. ред. В. А. Плунгян. – СПб. : Нестор–История, 2009. – 502 с.
84. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование : учебное пособие для вузов / В. Н. Немченко. – М. : Просвещение, 1984. – 255 с.
85. Овчинникова и др. – Овчинникова А. В., Рыжова Д. А., Старченко А. М. и др. Ветер перемен: система глаголов поля ‘менять’ в русском языке в синхронии и (микро)диахронии / А. В. Овчинникова, Д. А. Рыжова, А. М. Старченко, Д. Г. Федоров, Т. И. Резникова // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2026. – Т. XXII, ч. 1. (в печати).
86. Олонцев А. А. Наречия «бережно» и «осторожно»: проблема выявления изменений концептуальных схем в микродиахроническом корпусном исследовании / А. А. Олонцев // Когнитивные исследования языка. –2024а. – Вып. 2 (58), Ч. I. – С. 323–327.
87. Олонцев А. А. Русские наречия в свете микродиахронического корпусного анализа (на примере наречия нечаянно) / А. А. Олонцев // Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации : сборник статей по материалам Международной научной конференции «Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации», Нижний Новгород, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского», Институт филологии и журналистики, 4–5 апреля 2024 г. – Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2024б. – С. 180–187.

88. Олонцев А. А. Семантическая эволюция и функциональное варьирование русских наречий через призму микродиахронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Семантика и функционирование языковых единиц в разных типах речи : сборник статей Международной научной конференции, Ярославль, 24–25 мая 2024 г. / Под науч. ред. Е. Н. Лагузовой, Т. П. Курановой. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024с. – С. 205–212.

89. Олонцев А. А. Микродиахроническое корпусное исследование динамики семантических изменений русского наречия «заботливо» (конец XVIII–начало XXI вв.) / А. А. Олонцев // Язык. Культура. Коммуникация: изучение и обучение : сборник научных трудов VIII Международной научно-практической конференции, Орел, 10–11 октября 2024 г. – Орел : ООО «Модуль-К», 2024d. – С. 187–192.

90. Олонцев А. А. Функциональное варьирование лексемы «наверное» в свете микродиахронического корпусного исследования / А. А. Олонцев // Современная филологическая наука: достижения и инновации : сборник материалов Международного симпозиума, Иваново, 23–25 мая 2024 г. – Иваново : Ивановский государственный университет, 2024e. – С. 372–376.

91. Олонцев А. А. Семантическая и функциональная дифференциация лексемы «охотно»: опыт микродиахронического корпусного анализа / А. А. Олонцев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2024f. – № 5. – С. 235–242.

92. Олонцев А. А. Семантические изменения наречий в русском языке: лексема аккуратно (на основе корпусных данных) / А. А. Олонцев // Русский язык в школе. – 2025. – Т. 86, № 2. – С. 86–95.

93. Онипенко Н. К. Модель субъектной перспективы и проблема классификации эгоцентрических элементов / Н. К. Онипенко // Проблемы функциональной грамматики: Принцип естественной классификации. – М. : Языки славянской культуры, 2013. – С. 92–121.

94. Павлович А. И. Историческая грамматика русского языка. Часть II. Морфология / А. И. Павлович. – М. : Просвещение, 1979. – 304 с.
95. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений) / Е. В. Падучева. – М. : Наука, 1985. – 272 с.
96. Падучева Е. В. О семантической деривации: слово как парадигма лексем / Е. В. Падучева // Русский язык сегодня. Вып. 1 : сборник статей / Отв. ред. Л. П. Крысин. – М. : Азбуковник, 2000. – С. 395–417.
97. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 607 с.
98. Панков Ф. И. Опыт функционально-коммуникативного анализа русского наречия: на материале категории адвербиальной темпоральности / Ф. И. Панков. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 448 с.
99. Панков Ф. И. Функционально-коммуникативная грамматика русского наречия : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Федор Иванович Панков ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2009. – 844 с.
100. Панов М. В. Позиционная морфология русского языка / М. В. Панов. – М. : Наука ; Школа «Языки русской культуры», 1999. – 275 с.
101. Панова Г. И. Морфология современного русского литературного языка : учебное пособие для вузов / Г. И. Панова. – М. : Юрайт, 2022. – 564 с.
102. Панова Г. И., Кузьмина Г. И. Проблема определения диапазона наречия в русском языке / Г. И. Панова, Г. И. Кузьмина // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 6 (97). – С. 580–583.
103. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 460 с.
104. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. – 8-е изд., доп. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 544 с.

105. Плу́нган В. А. Общая морфология / В. А. Плу́нган. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 383 с.
106. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике: Т. 1–2 / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – 535 с.
107. Радби́ль Т. Б. Аномалии в сфере языковой концептуализации мира / Т. Б. Радби́ль // Русский язык в научном освещении. – 2007. – №1 (13). – С. 239–265.
108. Распопов И. П. Очерки по теории синтаксиса / И. П. Распопов. – Изд. 2-е, доп. – М. : URSS, 2009. – 224 с.
109. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. – М. : Русские словари, 2000. – 416 с.
110. Рахилина Е. В., Прокофьева И. А. Родственные языки как объект лексической типологии: русские и польские глаголы вращения / Е. В. Рахилина // Вопросы языкознания. – 2004. – №1. – С. 3–31.
111. Рахилина Е. В., Резникова Т. И. Фреймовый подход к лексической типологии / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2013. – № 2. – С. 3–31.
112. Рахилина Е. В., Резникова Т. И., Бородина М. А. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века / Е. В. Рахилина, Т. И. Резникова, М. А. Бородина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – № 4 (10). – С. 242–255.
113. Рахилина Е. В., Бычкова П. А. Опыт создания онлайн-ресурса для лингвистического комментирования (повесть «Фаталист» М.Ю. Лермонтова) / Е. В. Рахилина, П. А. Бычкова // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2024. – № 2. – С. 241–260.
114. Рахилина Е. В. и др. Опыт создания онлайн-ресурса для лингвистического комментирования (повесть «Фаталист» М.Ю. Лермонтова) / А. А. Яскевич, П. А. Бычкова, И. И. Колесниченко, О. Е. Пекелис, Е. В. Рахилина.

// Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2024. – № 2. – С. 211–230.

115. Резникова Т. И. Глаголы прятания: типология систем / Т. И. Резникова // Вопросы языкознания. – 2022. – № 4. – С. 66–94.

116. Резникова Т. И. Ветер перемен: система глаголов поля ‘менять’ в русском языке в синхронии и (микро)диахронии / Т. И. Резникова, К. М. Лапшина, Е. П. Матюхина, Д. Г. Федоров, Д. А. Рыжова (ред.). // Лексическая типология глаголов поля ‘менять’. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. – 2026. – № 1. (в печати).

117. Рудницкая Е. Л. Наречия следования как средство структурирования процесса развития событий в тексте / Е. Л. Рудницкая // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. – 1993. – № 11. – С. 27–33.

118. Рудницкая Е. Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография / Е. Л. Рудницкая // Вопросы языкознания. – 1994. – № 1. – С. 114–125.

119. Русская грамматика. В 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю.Шведова. – М. : Наука, 1980. – 783 с.

120. Русский язык 1964 – Современный русский язык. Ч. II: Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. М. Галкиной-Федорук. – М., 1964. – 640 с.

121. Рыжаченков И. И., Рахилина Е. В. Жизнь и судьба калек XVIII века: опыт корпусного исследования / И. И. Рыжаченков, Е. В. Рахилина // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2024. – № 2. – С. 211–230.

122. Савелова Л. А. Семантика и прагматика русского наречия : специальность 10.02.01 Русский язык : диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / Любовь Анатольевна Савелова ; Поморский госуниверситет им. М. В. Ломоносова. – Архангельск, 2009. – 386 с.

123. Селиверстова О. Н. Труды по семантике / О. Н. Селиверстова. – М. : Языки русской культуры, 2004. – 960 с.
124. Урысон Е. В. Уже и уж: вариативность, полисемия, омонимия? / Е. В. Урысон // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : Труды международной конференции «Диалог 2007» / Под ред. Л. Л. Иомдина и др. – М. : Изд-во РГГУ, 2007. – С. 531–541.
125. Урысон Е. В. Предлог или наречие? (Частеречный статус наречных предлогов) / Е. В. Урысон // Вопросы языкознания. – 2017. – № 5. – С. 36–55.
126. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.) / Б. А. Успенский. – М. : Гнозис, 1994. – 239 с.
127. Филипенко М. В. Лексико-семантическое представление наречий образа действия : специальность 10.02.19 Теория языка : диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Марина Витальевна Филипенко ; МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1994. – 168 с.
128. Филипенко М. В. Семантика наречий и адвербиальных выражений / М. В. Филипенко. – М. : Азбуковник, 2003. – 304 с.
129. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение / Ф. Ф. Фортунатов // Избранные труды. В 5 т. Т. 1. – М. : Учпедгиз, 1956. – С. 23–191.
130. Чурмаева Н. В. Наречия типа повелику в древнерусских памятниках XI–XIV вв. / Н. В. Чурмаева // Исследования по исторической морфологии русского языка. – М. : Наука, 1978. – С. 185–196.
131. Чурмаева Н. В. История наречий в русском языке / Н. В. Чурмаева. – М. : Наука, 1989. – 176 с.
132. Чурмаева Н. В. Усилительные наречия в языке русской письменности XI–XVIII вв. / Н. В. Чурмаева // Исследования по исторической грамматике и лексикологии / Отв. ред. И. С. Улуханов ; Академия наук СССР. Институт русского языка. – М. : Наука, 1990. – С. 43–58.
133. Шахматов А. А. Учение о частях речи / А. А. Шахматов. – М. : КомКнига, 2006. – 272 с.

134. Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка : учебное пособие / М. А. Шелякин. – М. : Русский язык, 2001. – 288 с.
135. Шигуров В. В. Разновидности функциональной транспозиции словоформ в системе частей речи русского языка / В. В. Шигуров // Филологические науки. – 2001. – № 6. – С. 59–65.
136. Шимчук Э. Г. Русская лексикография / Э. Г. Шимчук. – М. : Изд-во МГУ, 2003. – 320 с.
137. Щерба Л. В. О частях речи в русском языке / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63–84.
138. Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность. – Изд. 4-е. – М. : УРСС, 2008. – С. 265–304. 1-е изд.: Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность: Сборник работ / Ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 427 с.
139. Элементы горномарийского языка в типологическом освещении / Ред. Е. В. Кашкин (отв. ред.), М. Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова. – М. : Буки Веди, 2023. – 980 с.
140. Языковая картина мира и системная лексикография / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян, Е. Э. Бабаева и др. ; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : Языки славянских культур, 2006. – 912 с.
141. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковлева. – М. : Гнозис, 1994. – 343 с.
142. Янович Е. И. Историческая грамматика русского языка / Е. И. Янович. – Минск : Изд-во «Университетское», 1986. – 319 с.
143. Andersen D., Lorentzen E. Russian sentence adverbials: classification, orientation and representation / D. Andersen, E. Lorentzen // Russian Linguistics. – 2015. – 39(1). – Pp. 33–62.

144. Boguslavskaya O., Boguslavsky I. Emotion and Inner State Adverbials in Russian / Boguslavskaya O., Boguslavsky I. // Proceedings of the Third International Conference on Dependency Linguistics (Depling 2015). August 24–26. – Uppsala, Sweden, 2015. – Pp. 38–47.
145. Brandner A. Наречия в кругу частей речи: история их возникновения (образования) / A. Brandner // Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná. – 2002. – Vol. 51., Iss. A 50. – Pp. 81–88.
146. Haspelmath M. From Space to Time: Temporal Adverbials in the World's Languages / M. Haspelmath. – München-Newcastle : LINCOM EUROPA, 1997. – 188 p.
147. Jin Lian, Lazareva O. V., Lazareva O. S. Comparative Analysis of the Russian Adverb *чрезвычайно* and the Chinese Adverb *非常* in the Meaning of ‘extremely’ / Lian Jin, O. V. Lazareva, O. S. Lazareva // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2022. – No. 13 (2). – Pp. 502–517.
148. Koktova E. Sentence Adverbials in a Functional Description / E. Koktova. Amsterdam–Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 1986. – 96 p.
149. Maier I. Towards a description of the semantics of one group of Russian adverbs: *sleva/sprava, nalevo/napravo, vlevo/vpravo* / I. Maier // Russian Linguistics. – 1995. – Vol. 19, No 2. – Pp. 219–250.
150. Maier I. Russian Adverbs with the Meaning ‘Accidentally, Unexpectedly’ / I. Maier // Slovo: Journal of Slavic Languages and Literatures. – 1998. – No 1. – Pp. 5–28.
151. Sitarski A. Структура и функционирование наречий в русском языке новейшего времени / A. Sitarski. – Poznan : Wydawniwo naukowe UAM, 2001. – 136 s.
152. Wierzbicka A. Lexicography and conceptual analysis / A. Wierzbicka. Ann Arbor : Karoma. – 1985. – 368 pp.

Словари, справочники и энциклопедии:

153. Активный словарь русского языка. Т. I / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др. ; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. – М. : ЯСК, 2014–2025. – 408 с.
154. Активный словарь русского языка. Т. II. / В. Ю. Апресян, Ю. Д. Апресян и др. ; Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : ЯСК, 2014. – 736 с.
155. Большой академический словарь русского языка. Тт. I–XXVII... / Гл. ред. К. С. Горбачевич. – М.–СПб. : Наука, 2004–2021.
156. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
157. Большой универсальный словарь русского языка / В. В. Морковкин, Г. Ф. Богачева, Н. М. Луцкая. – М. : «Словари XXI века», 2017. – 1456 с.
158. Бурцева В. В. Словарь наречий и служебных слов русского языка / В. В. Бурцева. – М. : Рус. яз., 2005. – 750 с.
159. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. I. / В. И. Даль. – М. : Рипол-Классик, 1999. – 1144 с.
160. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х тт. Т. IV. / В. И. Даль. – М. : Рипол-Классик, 1999. – 714 с.
161. Дурново Н. Н. Грамматический словарь: грамматические и лингвистические термины / Н. Н. Дурново ; Под ред. О. В. Никитина. – 1-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2001. – 180 с. 1-е изд. – 1924.
162. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. I / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000а. 1096 с.
163. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. II / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000б. – 1088 с.
164. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. I. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель, 2006а. – 1165 с.

165. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. II. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель, 2006б. – 1160 с.
166. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Т. III. / Т. Ф. Ефремова. – М. : АСТ ; Астрель, 2006с. – 973 с.
167. Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2006. – 440 с.
168. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
169. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 1 / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 511 с.
170. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка [НОССРЯ] / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.–Вена : Языки славянской культуры ; Венский славистический альманах, 2004. – 1298 с.
171. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – 27-е изд., испр. – М. : АСТ, 2025. – 1360 с.
172. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. – 14-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 2000. – 944 с.
173. Проспект активного словаря русского языка / Отв. ред. акад. Ю. Д. Апресян. – М. : ЯСК, 2010. – 784 с.
174. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. I: А–Й / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1985. – 703 с.

175. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. II. К–О / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1986. – 736 с.
176. Словарь русского языка. В 4-х т. Т. IV. С–Я / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1988. – 800 с.
177. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–32 / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; Гл. ред. Ф. П. Филин. – М. : Наука, 1975–2023.
178. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 4 (Воздух – Выпись) / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; Ин-т лингвистических исследований. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1988. – 256 с.
179. Словарь русского языка XVIII века. Вып. 7 (Древо – Залежь) / АН СССР. Ин-т рус. яз. ; Ин-т лингвистических исследований. – Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1992. – 263 с.
180. Словарь русского языка XIX в. [Электронный ресурс]: https://xix.iling.spb.ru/?_gl=1*_snbtso*_ga*MTc2NjI3Njc4Mi4xNzcyMDYxMjIw*_ga_0XSXPB8GSZ*czE3Nzg4NTQ4NDkkbzkkZzEkdDE3Nzg4NTQ4OTMkajE2JGwwJGgw (дата обращения: 07.11.2024).
181. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. I. А–Б / Гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1950. – 767 с.
182. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. II. Б / Гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1951. – 723 с.
183. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. IV. Ж–З / Гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1955. – 691 с.
184. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. VII. Н / Гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1958. – 752 с.
185. Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. Т. VIII. О / Гл. ред. В. И. Чернышев. – М.–Л. : Изд-во АН СССР, 1959. – 924 с.

186. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. В 2-х т. Т. II. Панцирь – Ящур / П. Я. Черных. – 3-е изд., стереотипное. – М. : Русский язык, 1999. – 560 с.

187. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М. : Большая российская энциклопедия, 1998. – 685 с.